

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Научный журнал
2020 Том 20

ISSN 1817-7115 (Print)
ISSN 2541-898X (Online)
Издается с 2005 года

Серия Филология. Журналистика, выпуск 2

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918, «Ученых записок СГУ» 1923–1962,
«Известий Саратовского университета. Новая серия» 2001–2004

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Лингвистика

- Балашова Л. В.** Речевые ошибки в политическом медиадискурсе: метафоры и идиомы 124
- Боц Т. С.** Аргументативные схемы в президентском дискурсе (на примере речи В. В. Путина) 131
- Тарасова И. А.** Коммуникативные стратегии и тактики в мемуарной прозе Георгия Иванова 137
- Наугольных Е. А.** Голофрастические конструкции и некоторые особенности их межъязыковой трансляции в прозе Дж. Джойса 142
- Мозгачева Е. А.** Сравнительный анализ переводов наименований людей в произведениях фэнтези при моделировании волшебной картины мира 147
- Селиванова И. В.** Отражение образа страны в рождественском послании испанского монарха 153
- Ермакова А. А.** Фоносемантические связи в детских колыбельных (на материале русского и немецкого языков) 158
- Меркурьева В. Б., Новолодская Н. С.** Диалект в немецкоязычных сказках (актуальность исследования и примеры интерпретации) 163
- Золотарев М. В., Назарова Р. З.** Влияние кельтских языков на процесс формирования и современное состояние диалекта скауз 168
- Дегальцева А. В.** К вопросу о возможности определительных наречий выступать в роли актантов пропозиции 173
- Савченко Е. В.** Фигура перечисления в исторической перспективе 179
- Волконская М. Ю.** Особенности размещения, тематика и выразительные средства региональной наружной рекламы (на материалах г. Симферополя) 185

Литературоведение

- Степанова Е. В. А. А.** Шахматов об А. Н. Пыпине 192
- Пханаван Л.** Образ Золушки в восточных и западноевропейских сказках 196
- Мокина Н. В.** Дантовские мотивы в романе Ф. Сологуба «Мелкий бес» 201
- Трубецкова Е. Г.** «Записки врача» В. Вересаева в контексте этических проблем современной медицины 207
- Матасова О. В., Тугушева Э. Ф.** «Кавказский текст» А. Г. Битова в русской и зарубежной (немецкой) критике 212
- Романов А. А.** Оппозиции пространственного кода в лирике Елены Шварц 218
- Бронич М. К.** «4321» Пола Остера как роман воспитания: память жанра 223

Проблемы высшей школы

- Barsukova M. I., Rodionova T. V., Sheshneva I. V.** Contemporary Medical and Pedagogical Discourse [Барсукова М. И., Родионова Т. В., Шешнева И. В.] Современный медико-педагогический дискурс 228

Критика и библиография

Представляем книгу

- Бронникова Ю. О., Шабанова Н. А.** О русской душе для польских студентов 234

Приложения

Хроника

- VII Международный научный семинар «Развитие словообразовательной и лексической системы русского языка» 238

Журнал «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Филология. Журналистика» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Запись о регистрации СМИ ПИ № ФС77-76639 от 26 августа 2019 года

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (специальности: 10.01.01 – русская литература; 10.01.03 – литература народов стран зарубежья (английская, американская, французская); 10.01.10 – журналистика; 10.02.01 – русский язык; 10.02.04 – германские языки; 10.02.05 – романские языки; 10.02.19 – теория языка)

Индекс издания в объединенном каталоге «Пресса России» 36011, раздел 30 «Научно-технические издания. Известия РАН. Известия вузов». Журнал выходит 4 раза в год

Директор издательства

Бучко Ирина Юрьевна

Редактор

Трубникова Татьяна Александровна

Художник

Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист

Кочкаева Инна Анатольевна

Верстка

Степанова Наталия Ивановна

Технический редактор

Каргин Игорь Анатольевич

Корректор

Трубникова Татьяна Александровна

Адрес учредителя, издателя

и издательства (редакции):

410012, Саратов, ул. Астраханская, 83

Тел.: (845-2) 51-45-49, 52-26-89

E-mail: izvestiya@info.sgu.ru

Подписано в печать 25.05.20.

Подписано в свет 01.06.20.

Формат 60x84 1/8.

Усл. печ. л. 14,18 (15,25).

Тираж 500 экз. Заказ 40-Т.

Цена договорная

Отпечатано в типографии

Саратовского университета.

Адрес типографии:

410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2020

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал публикует научные статьи по направлениям: Лингвистика, Литературоведение, Журналистика, а также материалы в разделы Представляем книгу и Хроника (научной жизни). Ранее опубликованные статьи, а также работы, представленные в другие журналы, к рассмотрению не принимаются.

Рекомендуемый объем публикации – 8–10 страниц.

Статья должна содержать аннотацию (до 5 строк), ключевые слова (до 10 слов), сведения об авторе (место работы (учебы), электронный адрес) на русском и английском языках. Статья должна быть тщательно отредактирована и оформлена строго в соответствии с требованиями журнала: текст в формате MS Word для Windows, через один интервал, с полями 2,5 см, шрифт Times New Roman, для основного текста размер шрифта – 14, для вспомогательного – 12. Сноски оформляются как примечания в конце статьи. Нумерация сносок через верхний индекс. Более подробную информацию о правилах оформления статей можно найти по адресу: <http://bonjour.sgu.ru/ru/dlya-avtorov>.

Рукописи, оформленные без соблюдения настоящих правил, редакцией не рассматриваются.

Для публикации статьи автору необходимо представить в редакцию следующие материалы и документы:

- текст статьи в электронном виде;
- сведения об авторе (на русском и английском языках): имя, отчество и фамилия, ученая степень и научное звание, должность, место работы (кафедра, организация), ORCID, адрес электронной почты.

В редакции журнала статья подвергается рецензированию и в случае положительного отзыва – научному и контрольному редактированию. С правилами рецензирования можно ознакомиться по адресу: <http://bonjour.sgu.ru/ru/dlya-avtorov>.

Договор с автором заключается после получения положительной рецензии.

Статьи и сведения об авторах следует присылать в редколлегия серии в электронном виде по адресу: iyu@mail.ru, телефон для справок (8452) 21-06-48. Оригинал договора – почтой по адресу: 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, Институт филологии и журналистики, заместителю главного редактора журнала «Известия Саратовского университета. Серия Филология. Журналистика».

После выхода из печати номер журнала размещается на сайте по адресу: <http://bonjour.sgu.ru/>

Авторские экземпляры и рассылка журнала авторам статей не предусмотрена.

Материалы, отклоненные редколлекцией, не возвращаются.

CONTENTS

Scientific Part

Linguistics

- Balashova L. V.** Speech Errors in Political Media Discourse: Metaphors and Idioms 124
- Bots T. S.** Argumentation Patterns in Presidential Discourse (Exemplified by V. V. Putin's Speech) 131
- Tarasova I. A.** Communicative Strategies and Tactics in Georgiy Ivanov's Memoire Prose 137
- Naugolnykh E. A.** Holophrastic Constructions and Certain Aspects of Their Translation in the Prose by James Joyce 142
- Mozgacheva E. A.** Comparative Analysis of People's Names' Translation in the Modelling of Magic Worldview in Fantasy Literature 147
- Selivanova I. V.** Spain's Image Representation in the Spanish King's Christmas Messages 153
- Ermakova A. A.** Phonosemantic Associations in Lullabies (On the Material of the Russian and German Languages) 158
- Merkuryeva V. B., Novolodskaya N. S.** Dialect in German Language Fairy Tales (Study Relevance and Interpretation Examples) 163
- Zolotarev M. V., Nazarova R. Z.** Celtic Influence on the Formation and Contemporary State of Scouse 168
- Degaltseva A. V.** To the Question of the Possibility of Determinative Adverbs to Act as Actants of a Proposition 173
- Savchenko E. V.** Historical Perspective of the Notion of Enumeration 179
- Volkonskaya M. Yu.** Features of Placement, Theme and Expressive Means of Regional Outdoor Advertising (On the Materials of Simferopol) 185

Literary Criticism

- Stepanova E. V. A. A.** Shakhmatov about A. N. Pypin 192
- Phanavan L.** The Image of Cinderella in the Fairy-Tales of Western Europe and the East 196
- Mokina N. V.** Dante's Motives in the Novel *The Petty Demon* by Fyodor Sologub 201
- Trubetskaya E. G.** Notes of a Doctor by V. Veresaev in the Context of Ethical Problems of Contemporary Medicine 207
- Matasova O. V., Tugusheva E. F.** The 'Caucasus Text' by A. G. Bitov in the Russian and Foreign (German) Criticism 212
- Romanov A. A.** Oppositions of Spatial Code in the Poems of Elena Shvartz 218
- Bronich M. K.** Paul Auster's *4321* as a Bildungsroman: The Genre Memory 223

Higher School Problems

- Barsukova M. I., Rodionova T. V., Sheshneva I. V.** Contemporary Medical and Pedagogical Discourse 228

Critics and Bibliography

Presentation of the Book

- Bronnikova Yu. O., Shabanova N. A.** On the Russian Soul to Polish Students 234

Appendices

Chronicle

- 7th International Scientific Seminar «The Development of the System of Word-Formation and Lexis in the Russian Language» 238

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: ФИЛОЛОГИЯ. ЖУРНАЛИСТИКА»**

Главный редактор

Прозоров Валерий Владимирович, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Иванюшина Ирина Юрьевна, доктор филол. наук, доцент (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Павлова Светлана Юрьевна, кандидат филол. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Аликаев Рашид Султанович, доктор филол. наук, профессор (Нальчик, Россия)
Алташина Вероника Дмитриевна, доктор филол. наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)
Анцыферова Ольга Юрьевна, доктор филол. наук, профессор (Седльце, Польша)
Борисов Юрий Николаевич, кандидат филол. наук, доцент (Саратов, Россия)
Вартанова Елена Леонидовна, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия)
Викторова Елена Юрьевна, доктор филол. наук, доцент (Саратов, Россия)
Горбунов Юрий Иванович, доктор филол. наук, доцент (Тольятти, Россия)
Горшко Елена Игоревна, доктор филол. наук, доктор социол. наук, профессор (Харьков, Украина)
Дементьев Вадим Викторович, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Долинин Александр Алексеевич, PhD (Мэдисон, штат Висконсин, США)
Егоров Борис Федорович, доктор филол. наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
Елина Елена Генриховна, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Кабанова Ирина Валерьевна, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Клоков Василий Тихонович, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Крысин Леонид Петрович, доктор филологических наук, профессор (Москва, Россия)
Лённгрен Тамара Павловна, PhD (Тромсё, Норвегия)
Маслова Валентина Авраамовна, доктор филол. наук, профессор (Витебск, Беларусь)
Никитина Серафима Евгеньевна, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия)
Норман Борис Юстинович, доктор филол. наук, профессор (Минск, Беларусь)
Панова Ольга Юрьевна, доктор филол. наук, доцент (Москва, Россия)
Пахсарьян Наталья Тиграновна, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия)
Разумова Лина Васильевна, доктор филол. наук, доцент (Чита, Россия)
Ратмайр Ренате Фелисите, PhD (Вена, Австрия)
Свитич Луиза Григорьевна, доктор филол. наук (Москва, Россия)
Сиротинина Ольга Борисовна, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Хуан Мэй, доктор филол. наук, профессор (Пекин, КНР)
Чекалов Кирилл Александрович, доктор филол. наук (Москва, Россия)
Шамне Николай Леонидович, доктор филол. наук, профессор (Волгоград, Россия)
Шевченко Вячеслав Дмитриевич, доктор филол. наук, доцент (Самара, Россия)
Шраер Максим Давидович, PhD (Бруклин, штат Массачусетс, США),
Щепилова Галина Германовна, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
«IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY. NEW SERIES.
SERIES: PHILOLOGY. JOURNALISM»**

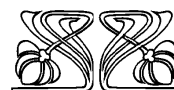
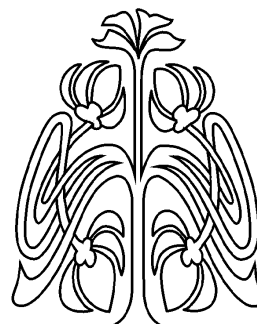
Editor-in-Chief – Valeriy V. Prozorov (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Irina Yu. Ivanyushina (Saratov, Russia)

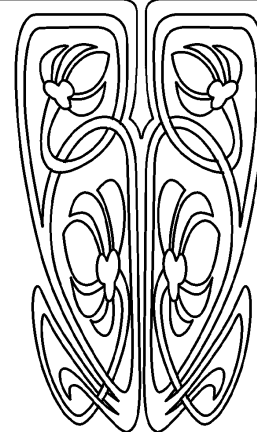
Executive Secretary – Svetlana Yu. Pavlova (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Rashid S. Alikaevev (Nalchik, Russia)	Valentina A. Maslova (Vitebsk, Belarus)
Veronika D. Altashina (St. Petersburg, Russia)	Serafima E. Nikitina (Moscow, Russia)
Olga Yu. Anzyferova (Siedlce, Poland)	Boris Yu. Norman (Minsk, Belarus)
Yuri N. Borisov (Saratov, Russia)	Olga Yu. Panova (Moscow, Russia)
Elena L. Vartanova (Moscow, Russia)	Natalia T. Pakhsaryan (Moscow, Russia)
Elena Yu. Viktorova (Saratov, Russia)	Lina V. Razumova (Chita, Russia)
Yuri I. Gorbunov (Togliatti, Russia)	Renate F. Rathmayr (Vienna, Austria)
Elena I. Goroshko (Kharkiv, Ukraine)	Luisa G. Svitich (Moscow, Russia)
Vadim V. Dementiev (Saratov, Russia)	Olga B. Sirotinina (Saratov, Russia)
Alexandr A. Dolinin (Madison, Wisconsin, USA)	Huan May (Beijing, People's Republic of China)
Boris F. Egorov (St. Petersburg, Russia)	Kirill A. Chekalov (Moscow, Russia)
Elena G. Elina (Saratov, Russia)	Nikolay L. Shamne (Volgograd, Russia)
Irina V. Kabanova (Saratov, Russia)	Vyacheslav D. Shevchenko (Samara, Russia)
Vasily T. Klovov (Saratov, Russia)	Maksim D. Shrayer (Brookline, Massachusetts, USA)
Leonid P. Krysin (Moscow, Russia)	Galina G. Schepilova (Moscow, Russia)
Tamara P. Lönngren (Tromsø, Norway)	

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

ЛИНГВИСТИКА

УДК 811.161.1'276

Речевые ошибки в политическом медиадискурсе: метафоры и идиомы

Л. В. Балашова

Балашова Любовь Викторовна, доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, sarteorlingv@yandex.ru

В статье анализируется функционирование метафор и идиом в современных газетных политических текстах; выявляются речевые ошибки в употреблении данных экспрессивных средств в речи авторов и героев публикаций (журналистов, политиков, политологов и т. п.). Устанавливаются основные типы такого рода недочетов, а также лингвистические и когнитивные причины их появления.

Ключевые слова: метафора, идиома, речевая ошибка, политический медиадискурс.

Speech Errors in Political Media Discourse: Metaphors and Idioms

L. V. Balashova

Lyubov V. Balashova, <https://orcid.org/0000-0002-3979-2143>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, sarteorlingv@yandex.ru

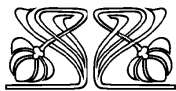
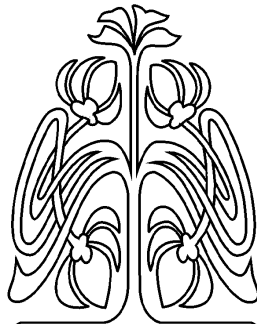
The article analyzes the functioning of metaphors and idioms in modern newspaper political texts; speech errors in the use of these expressive means in the speech of authors and heroes of publications (journalists, politicians, political scientists, etc.) are revealed. The main types of such defects, as well as linguistic and cognitive reasons for their occurrence are established.

Keywords: metaphor, idiom, speech error, political media discourse.

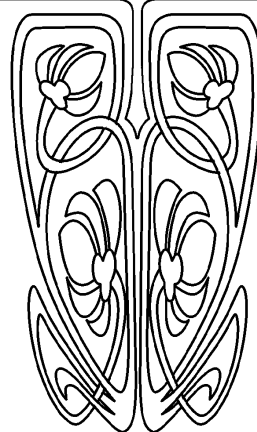
DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-2-124-130>

Одной из характерных особенностей политической коммуникации, в том числе политического медиадискурса, является активное употребление метафор и идиом, формируемых на базе метафорической трансформации (см., например, работы Л. В. Балашовой¹, А. Н. Баранова и Ю. Н. Караулова², Н. В. Баско³, Э. В. Будаева и В. В. Курейко⁴, В. В. Дементьева⁵). Основной причиной этого становятся семантико-стилистические и когнитивные потенции указанных взаимосвязанных феноменов. Метафоры и идиомы являются «мощным средством формирования у адресата необходимого говорящему эмоционального состояния и мировосприятия», позволяют «сделать сообщение более образным, ярким, наглядным, эстетически значимым» и «создать некую модель мира, уяснить взаимосвязи между его элементами»⁶.

Вместе с тем, по нашим данным, далеко не всегда употребление метафор и идиом в современном политическом медиадискурсе можно назвать оправданным, удачным. Более того, выявляются определенные закономерности в возникновении речевых ошибок. Материалом для исследования послужили 145 публикаций (125 000 слов) за 2017 г. в интернет-изданиях общественно-политических газет различной политической ориентации: «Газета.RU» (далее – Г.РУ): <https://www.gazeta.ru/culture/2017/>; «Правда» (далее – Пр.): <https://kprf.ru/pravda/issues/2017/>; «Новая газета» (далее – НГ): <https://www.novayagazeta.ru/2017/>; «Завтра» (далее – Зв): <http://zavtra.ru/archive/2017>. Зафиксированные на основании сплошной выборки из данных источников

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

175 контекстов, содержащих ошибки и недочеты в употреблении лексических метафор и идиом, исследованы с применением комплексной методики системного контекстного, семантического и когнитивного анализа языковых явлений.

Во-первых, анализ показывает, что речевые ошибки встречаются преимущественно при развертывании языковых метафор, употреблении речевых (в том числе окказиональных) переносов, при трансформации идиом, при метафорическом переосмыслении прецедентных феноменов и их идиоматизации; напр.: (о выдвижении К. Собчак в кандидаты на пост президента) *Вот зачем этот спектакль нужен... Но нужно понимать, что кукла в этом театре марионеток может соскочить с управляющей руки* (К. Семиин. Зв. 26.10.2017⁷) – при употреблении нескольких метафор, формируемых на базе единой «театральной» концептуальной модели, и их развертывании не учитываются денотативные признаки исходных значений метафор: марионетка («театральная кукла, управляемая сверху посредством нитей или металлического прута актером-кукловодом»⁸) не может соскочить с руки, поскольку она не надевается на руку, подобно перчаточным куклам. Но возможны ошибки и при использовании устойчивых языковых, в том числе стертых, метафор; напр.: «*Наша родина – революция*». *Что это – патетическое преувеличение? Или доля истины здесь слишком высока, чтобы от неё отмахиваться?* (А. Замостьянов. Пр. 03.11.2017⁹) – исходное значение «часть целого»¹⁰ (ср.: *разделить пирог на несколько долей*) у генетической метафоры субстантива *доля* характеризует величину объекта в двух (площадь) или трех (объем) измерениях, тогда как связанный с ним предикат *высока* указывает только на один линейный параметр – протяженность по вертикали.

Во-вторых, речевые ошибки могут быть непосредственно связаны с использованием метафор и идиом (см. примеры выше), а могут лишь косвенно относиться к метафорическому контексту; напр.: *НКО оказались тем, на кого была возложена вина за все, что государство считало неправильным. Экологи, правозащитники и городские активисты оказались, условно говоря, не под своим танком* (А. Хачатуров. НГ. 24.10.2017¹¹) – употребление местоимения *свой* создает двусмысленность соответствующего метафорического контекста: *танк* может «принадлежать» тем, кто под ним оказался, или другим лицам, которые целенаправленно использовали данное оружие против этой группы людей.

В-третьих, речевые ошибки фиксируются как в речи журналистов, так и в цитируемых высказываниях политиков, бизнесменов и т. п.; напр.:

• (о советском периоде) *Кто-то возвращает фанатичную ненависть к одному из ключевых отрезков нашей истории. Смахнули паутину с*

антикварных скрижалей, в которых все строится на ... замишлом монархическом фетишизме (А. Замостьянов. Пр. 03.11.2017¹²) – неудачным оказывается сочетание двух метафор (*скрижаль* и *строиться*), поскольку объект, называемый исходным значением субстантива «доска, плита с письменами (обычно священными, культовыми)»¹³, не является сооружением, внутри которого возможно какое-либо строительство;

• (Анатолий Быков, российский политический деятель) *Все каналы государственные занимаются пропагандой, оболваниванием нашего народа. <...> Мы обратно получаем эту пропаганду. Темную и слепую.* (А. Тарасов. НГ. 24.10.2017¹⁴) – использование по отношению к субстантиву *пропаганда* метафорических значений выделенных прилагательных предстает ошибочным, поскольку осознанное и целенаправленное коммуникативное действие – ознакомление широких масс с чем-либо с целью политического, идеологического воздействия на них (*пропаганда*) – исключает возможность быть *темным* «неясным; непонятным»¹⁵ и *слепым* «не способным по незнанию, по невежеству понять окружающее»¹⁶.

Число недочетов в использовании метафор и идиом обычно не зависит от типа издания и его политической ориентации. Подобного рода ошибки, как правило, свойственны конкретным публикациям конкретных авторов. Вместе с тем анализ показывает, что наиболее типичными во всех исследуемых текстах становятся следующие типы речевых ошибок.

Первый тип распространенных ошибок – **двусмысленность, смысловая и когнитивная неопределенность** метафорических контекстов. Подобного рода недочеты возникают по нескольким причинам.

Так, в своем стремлении усилить экспрессию и воздействующую силу текста журналист или цитируемый герой публикации может активно использовать речевые метафоры, трансформированные и переосмысленные идиомы или прецедентные тексты, а также малоизвестные, дискурсивно ограниченные (устаревшие, книжные или, напротив, сниженные, просторечные, социолектные) метафоры и идиомы. Если соответствующий контекст оказывается недостаточным для осознания семантики образных средств, то страдают доступность восприятия общего смысла текста и, как следствие, его воздействующая сила. Особенно отчетливо такого рода недочеты проявляются в заголовках, где метафоры и идиомы обычно выполняют функцию концептуального ядра публикации, но без прочтения всего последующего текста их отличают смысловая неопределенность и неоднозначность трактовки со стороны читателя; напр.:

• **Стигма богатства. Деньги: дикие и домашние** (А. Генис. НГ. 24.10.2017¹⁷) – в данном заголовке неоднозначно могут трактоваться сразу

два образных средства. Так, книжный субстантив *стигма* (*стигмат*) в языке имеет четыре значения: 1) 'в древней Греции: клеймо на теле раба или преступника'; 2) 'в средние века: кровавая язва, появляющаяся на теле религиозного фанатика, упорно думающего о язвах на теле распятого Христа'; 3) (мед.) 'общее название различных кожных язвенных заболеваний, большей частью на почве истерии'; 4) 'отверстие, которым открываются наружу органы дыхания у некоторых членистоногих животных'¹⁸. Окказиональная метафора (*стигма богатства*), в принципе, может быть сформирована на базе как первичного ЛСВ («богатство как знак нравственной, этической несвободы его владельца»), так и производных (второго / третьего) значений (богатство, фанатичное стремление к нему как причина душевного дисбаланса, нравственных страданий владельца). К сожалению, и дальнейший текст не позволяет однозначно понять авторский образ (ср.: *Но я до сих пор с отвращением вспоминаю стигму богатства того переходного периода, что открыл мне глаза на природу нормальных – заслуженных – денег. <...> Проблема в том, что никто толком не знает, как обращаться с дикими, а не одомашненными деньгами*¹⁹). Второй окказиональный образ, сформированный на базе шуточно-иронического переосмысления терминологических сочетаний *дикие животные*, *домашние животные*, напротив, становится понятным из текста статьи (*дикие деньги* – те, что получены быстро и, возможно, не совсем законно в период слабости государства, финансовой неразберихи и отсутствия четкой законодательной базы; *домашние деньги* – те, что постепенно накапливаются законным путем). Но дать такую трактовку только с опорой на заглавие оказывается невозможным;

● *Поступок граждан – а не «шаг обиженных»* (О. Боброва. НГ. 04.12.2017²⁰) – в данном случае неоднозначной оказывается антитеза двух словосочетаний. Лишь из последующего текста можно понять, что противопоставляются не синонимические главные члены сочетаний (для субстантива *поступок* значение 'намеренное действие, совершаемое кем-л.'²¹ является первичным, для субстантива *шаг* значение 'намеренное действие, совершаемое кем-л.' – переносным), а зависимые: *гражданами* именуются лица, осознающие свои демократические права, *обиженными* – те, кто не воспринимает себя свободным, независимым от власти членом гражданского общества;

● *Америка поджигает российские булки* (Е. Платонова. Г.РУ. 13.02.2017²²) – смысловая неопределенность заголовка связана с тем, что глагол *поджигать* развивает несколько сниженных переносов. Более знакомое широкому читателю просторечное или сниженное разговорное значение 'заставлять, вынуждать кого-л. действовать'²³ (ср.: *сроки поджигают*) явно

не соответствует контексту. Здесь глагол функционирует в значении 'притеснять, стеснять в чем-л.'²⁴, но оно менее известно читателю, носителю кодифицированного литературного языка, поскольку проникло в сниженную разговорную речь из сленга лишь в последние десятилетия. Но и это значение трудно восстановить без опоры на дальнейший текст, где речь идет о том, что российские потребители страдают от нехватки качественной пшеницы, поскольку производители зерна предпочитают экспортировать его за рубеж, в том числе в США.

Другой распространенной причиной смысловой и когнитивной неопределенности становится неясность образа, модуля сравнения, положенного в основу метафорической трансформации и идиоматизации. Такого рода ошибки возникают при использовании языковых и речевых образных средств как в основном тексте, так и в заголовке; напр.:

● *А нынешние нервные пляски вокруг столетия революции, увы, показывают, что до возвращения к здоровому смыслу нам далеко. Но другого направления нет и быть не может. Нужно выполнять главный урок Октября: не сидеть сложа руки, а исправлять пороки навязанного уклада «своею собственной рукой»* (А. Замостьянов. Пр. 03.11.2017²⁵) – в данной публикации речь идет о стремлении многих политиков принизить роль Октябрьской революции, но использование для характеристики такого рода поведения окказионального переноса (*пляски*) отличается когнитивной неопределенностью. Языковые переносы у субстантива формируются на базе метафорических значений мотивирующего глагола, а сфера их приложения не выходит за рамки пространственно-кинетической семантики (ср.: *плясать* 'двигаться скачками, подпрыгивая, кругообразно, как бы танцуя'; 'беспорядочно колебаться, быстро двигаться'; 'дрожать, тряситься, подпрыгивать'²⁶). Зависимый аффиктив (*нервный*) дает возможность предположить, что основой для окказионального переноса становится метафорически переосмысленная терминологическая идиома *пляска святого Витта*, называющая нервную болезнь, сопровождающуюся судорожными движениями, подергиванием всего тела. Однако локальное уточнение траектории движения (*вокруг столетия*) в большей степени соответствует ассоциации с ритуальными языческими танцами вокруг костра, сакрального объекта и т. п. Но этому противоречит другой (статический) образ последующей идиомы (*сидеть сложа руки*);

● *Изнеженные атеизмом. Все больше стран ищут спасения в религии и культурной реакции* (А. Миронова. НГ. 04.12.2017²⁷) – употребление сочетания *изнеженные атеизмом* отмечено двоякого рода неопределенностью. Во-первых, неоднозначной является исходная языковая база речевого метафорического расширения

отглагольного прилагательного *изнеженный*: ею может считаться как первичное значение 'привыкший к неге, довольству, холе; крайне чувствительный к лишениям, неблагоприятным условиям' (*изнеженная кожа*), так и вторичное – 'избалованный' (*изнеженный человек*)²⁸. Во-вторых, в любом случае остается неясным, почему изнеженные лица ищут спасения в религии, ведь спасения ищут от невзгод, а не от комфортного образа жизни.

Второй тип распространенных речевых ошибок – **неуместность используемого образного средства**, которая обычно связана с тем, что субъект речи не учитывает всех компонентов исходного значения лексемы или внутренней формы идиомы, а также когнитивной матрицы метафоризации / идиоматизации; напр.:

- *Партия [в СССР] выполняла роль шампура, на который были нанизаны государственные структуры и общественные организации. Выдернув шампур, антисоветчики добились, что всё «поехало», так как были нарушены субординация и координация государственных органов и общественных организаций* (В. Грызлов. Пр. 29.12.2017²⁹) – употребление окказиональной метафоры *шампур* 'основа, главная часть чего-л.' представляется не совсем уместным, поскольку первичное значение данного субстантива содержит не только денотативные признаки, на основе которых происходит метафорическая трансформация – 'удлиненный стержень, на который может нанизываться что-либо', но и функциональный компонент – 'для жарения шашлыка'. Последний предполагает, что нанизанные на стержень куски мяса будут съедены (уничтожены); в метафорическом контексте это *государственные структуры, общественные организации*. Такого рода прагматические ассоциации явно не учитывались автором статьи;

- *Потускневшие красные пиджаки сегодня воплотились в эту постаревшую вечную девочку [К. Собчак] (К. Семин. Зв. 26.10.2017³⁰)* – красные (малиновые) пиджаки в 90-е гг. XX в. стали отличительным признаком одеяния криминального мира, а также бизнесменов-наторишей, политиков, связанных с этим миром. На базе символизации, совмещающей синекдоху и метафору, формируется устойчивое сочетание *красные пиджаки*, называющее представителей указанных социальных групп (с негативной их оценкой). Однако использование этой речевой идиомы в сочетании с предикативом *воплотиться* 'получить вещественное выражение, осуществиться'³¹ представляется неуместным, поскольку воплощению подвергается нечто «невещественное», т. е. нематериальное, обычно духовное, тогда как внутренняя форма идиомы акцентирует внимание именно на вещественном, материальном элементе стиля криминалитета конца XX в.

Третий тип недочетов – **дистрибутивные ошибки**, возникающие при развертывании язы-

ковых и речевых метафор, при модификации идиом, при расширении сферы действия языковых моделей метафоризации, а также при актуализации внутренней формы переносов и идиом; напр.:

- *«Россия пинает соглашения в хвост и в гриву». Лукашенко обвинил Россию в нарушении международного договора о границе (Р. Фалыхов. Г. RU. 03.02.2017³²)* – окказиональная метафора 'не соблюдать, нарушать; произвольно трактовать' у глагола *пинать* не может сочетаться с разговорно-просторечным фразеологизмом *в хвост и в гриву* 'очень сильно (бить, колотить)'³³, поскольку внутренняя форма метафоризируемого глагола предполагает нанесение человеком ударов ногами, а внутренняя форма идиомы этому противоречит (дотянуться ногой до гривы и хвоста лошади человеку весьма затруднительно);

- *Должен быть поставлен вопрос – во весь голос, широко и громко!* (Е. Спицын. Зв. 23.02.2017³⁴) – образ, отраженный во внутренней форме фразеологизма, предполагает установку объекта (вопроса) в вертикальное положение, тогда как сочетание с наречием *широко* указывает на большую протяженность в поперечнике;

- *Где зримые результаты, которые и у нас люди в свое время, в том числе после войны 1941–1945 гг., видели (и гордились ими) наяву, а не подменяющие их нынешние великие послания и большие пресс-конференции с новыми потемкинскими фикциями и химерами?* (В. Симчера. Зв. 02.02.2017³⁵) – внутренняя форма трансформированной идиомы *потемкинские деревни* предполагает наличие визуального воспринимаемого артефакта (фасада строения), тогда как языковое переносное значение субстантива *химера* называет нечто нематериальное, пока не воплощенное, следовательно, оно не может восприниматься визуально.

Четвертый тип распространенных ошибок – **неудачное и/или неуместное сочетание нескольких речевых и развернутых языковых метафор, идиом**, которые формируются на базе принципиально разных концептуальных моделей: с одной стороны, излишне сложная и разноплановая контаминация образов может затруднять восприятие текста, с другой – создавать когнитивный дисбаланс:

- *Особенно наглядно эта статистическая какофония наблюдается во время Гайдаровских форумов, где чиновники высокого ранга выясняют между собой отношения по поводу отдельных показателей. Это картина, достойная пера Крылова, Гоголя или Салтыкова-Щедрина* (В. Катасонов. Зв. 30.03.2017³⁶) – внутренняя форма метафоры *какофония* предполагает акустическое восприятие, тогда как преобразованный вариант идиомы на базе прецедентной фразы из пьесы «Дядя Ваня» А. П. Чехова (*сюжет, достойный (картина, достойная) кисти Айвазовского*)³⁷ ориентирован на зрительное восприятие, причем

живописного (*кисти*), а не словесного (*пера*) искусства;

• *Откуда взялось это свирепое племя [о коррумпированных чиновниках и олигархах]? Из каких углов преисподней? <...> Почему они ненасытны? <...> Они молятся перед алтарями о падиших, о сиротах, о заблудших или об умножении своих несчетных богатств, своих тучных пастбищ? <...> Они превратились в чудовищ, покрылись шерстью, шуршат чешуей, от них валит дым, разит серой и фосфором. Эта болезнь – не сыпь, не чесотка, а страшная опухоль, клубки червей, которые шевелятся в русском теле, выедавая русское сердце и русские легкие. Это смерть России, смерть государства Российского... В библейских преданиях говорится о страшном племени Шеддим, которое бродит в аравийских песках и выйдет на свет божий в час вселенской беды. Не оно ли пришло в Россию, проблуждав по пустыне несколько тысяч лет? Путин, ударь своей десницей в племя Шеддим! Путин, зайди на амвон государства Российского и возгласи: «Покайтесь, ехидны!» (А. Проханов. Зв. 22.03.2017³⁸) – в данном тексте, используя несколько взаимосвязанных, ориентированных на библейские сюжеты образов (коррумпированная и эгоистичная социальная элита – демоническое (антропоморфное и зооморфное) начало, Россия – жертва представителей преисподней, президент – пророк, карающий врагов государства), автор последовательно разворачивает метафоры, экспрессивно характеризующие социальную элиту, допуская, на наш взгляд, смешение противоречивых образов: это одновременно сообщество людей (агрессивное племя, которое стремится захватить тучные пастбища и бродит (т. е. перемещается с помощью ног) в пустыне) и фантастических звероподобных существ устрашающего вида (*чудовища*), причем при конкретизации животные и зооморфные мифологические существа, как оказывается, принадлежат к разным видам с несовместимыми денотативными признаками: *ехидна* (устар.) ‘любая ядовитая змея’³⁹ (может быть покрыта чешуей, но не шерстью, не может бродить по пустыне); *черви*, разедающие «тело» России (не имеют шерсти, чешуи, ног); *Шеддим* (*Шедим*, *Седдим*) ‘в ветхозаветных преданиях злые духи, демоны, бесы, которым приносили в жертву животных и даже своих детей (Втор. 32, 17; Пс. 105, 37). На их зооморфный облик указывает название «косматые»⁴⁰ (могут быть покрыты шерстью, но не чешуей);*

• *Ксения Собчак – это лошадь Апокалипсиса. Если ей что-нибудь будет светить в политике, то это будет значить, что всё пошло по швам. <...> Никогда в живой стране Анна Иоанновна в обличи Ксении Анатольевны на трон не взойдет. Она может быть всего лишь симптомом окончательной деградации и распада (К. Семин. Зв.*

26.10.2017⁴¹) – в данном тексте при характеристике К. А. Собчак совмещаются три противоречащих друг другу образа: намеренно сниженный образ (*лошадь*) персонажей из Откровений Иоанна Богослова (четыре всадника (Чума, Война, Голод и Смерть) на красных (пламенных) конях), метафорически расширенный образ императрицы (*Анна Иоанновна*) и языковая метафора на базе медицинского термина (*симптом*) ‘характерное проявление или внешний признак какой-л. болезни’⁴².

Наконец, еще один зафиксированный тип речевых ошибок – **диссонанс окказиональных и языковых переносов**. В частности, при формировании окказиональных переносов у лексем и идиом, имеющих другие языковые переносные значения, может создаваться внутренний конфликт между языковыми и речевыми значениями данных единиц (*Птички права подобных какаду совсем не такие, как у пернатой мелочи, чирикающей о возрождении социализма. Права попугаев Путина* (Ю. Нерсесов. Зв. 19.06.2017⁴³) – автор обыгрывает представление о популярных журналистах, активно поддерживающих политику, идеологию власти, как о певчих, способных подражать человеческой речи птицах, которые не способны создать собственный, осмысленный и отражающий личную точку зрения текст, но в языке некоторые из используемых единиц имеют значения, не связанные с данной когнитивной матрицей или акцентирующие внимание на других признаках именуемого феномена: *на птичьих правах* ‘без достаточных оснований’⁴⁴; *чирикать* (перен., разг.) ‘легко говорить, писать о чем-л. пустом, незначительном’⁴⁵).

Итак, как показал анализ, речевые ошибки при употреблении метафор и идиом регулярно фиксируются в современном политическом медиадискурсе, независимо от политической ориентации и редакционной политики газетного издания, как в прямой речи героев публикаций, так и в авторском тексте. Такого рода ошибки делаются преимущественно при использовании речевых метафор, разворачивании языковых переносов, трансформации идиом, метафоризации и идиоматизации прецедентных феноменов. Основными причинами появления ошибок и недочетов становится непонимание и/или недостаточное внимание к внутренней форме метафор и идиом, к тем концептуальным моделям, на базе которых происходят метафоризация и идиоматизация. Именно эти факторы обуславливают появление нескольких типов недочетов: смысловую и когнитивную неопределенность соответствующих контекстов; неуместность образного средства, а также сочетания нескольких речевых и развернутых языковых метафор, идиом; когнитивный диссонанс окказиональных и языковых переносов.

Примечания

- 1 См.: Балашова Л. Метафоризация спортивной терминологии в современном русском языке // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2019. Т. 19, вып. 4. С. 374–378. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-4-374-378>
- 2 См.: Баранов А., Караулов Ю. Русская политическая метафора : материалы к словарю. М., 1991.
- 3 См.: Баско Н. Фразеология политического дискурса в аспекте межкультурной коммуникации // Политическая лингвистика. 2017. № 5 (65). С. 175–180.
- 4 См.: Будаев Э., Курейко В. Метафорическая репрезентация кризиса на Украине в русскоязычных комментариях новостных порталов // Политическая лингвистика. 2016. № 4 (58). С. 93–99.
- 5 См.: Дементьев В. Ключевые метафоры двухтысячных (на материале Рунета) // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. : в 2 кн. / под ред. М. А. Кормилициной, О. Б. Сиротининой. Саратов, 2018. Вып. 18. Кн. 1. С. 69–77.
- 6 Чудинов А. Россия в метафорическом зеркале : когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург, 2001. 238 с. URL: <http://philology.ru/linguistics2/chudinov-01.htm> (дата обращения: 27.12.2019).
- 7 Семин К. Лошадь Апокалипсиса. URL: <https://topwar.ru/128302-konstantin-semin-loshad-apokalipsisa.html> (дата обращения: 30.12.2019).
- 8 Словарь русского языка : в 4 т. М., 1999. Т. 2. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/13/ma222925.htm?cmd=0&istext=1> (дата обращения: 30.12.2019).
- 9 Замостьянов А. Наша родина – революция. URL: <https://gazeta-pravda.ru/issue/123-30620-3-8-noyabrya-2017-goda-nasha-rodina-revoljutsiya/> (дата обращения: 30.12.2019).
- 10 Словарь русского языка : в 4 т. М., 1999. Т. 1. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/05/ma142510.htm?cmd=0&istext=1> (дата обращения: 30.12.2019).
- 11 Хачатуров А. «Правозащитникам легче жить не будет» : Директор Центра «Грани» Светлана Маковецкая о борьбе государства с НКО, путях развития общества и предстоящем Общероссийском гражданском форуме. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2017/11/24/74664-pravozaschitnikam-legche-zhit-ne-budet> (дата обращения: 30.12.2019).
- 12 Замостьянов А. Указ. соч.
- 13 Словарь русского языка : в 4 т. М., 1999. Т. 4. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/18/ma412117.htm?cmd=0&istext=1> (дата обращения: 30.12.2019).
- 14 Тарасов А. Как Быков отрекся от Путина : Почему «теневого губернатора» Красноярского края вдруг разочаровался в президенте. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2017/11/24/74665-kak-bykov-otreksya-ot-putina> (дата обращения: 30.12.2019).
- 15 Словарь русского языка : в 4 т. М., 1999. Т. 4. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/19/ma435112.htm?cmd=0&istext=1> (дата обращения: 30.12.2019).
- 16 Там же. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/18/ma413608.htm?cmd=0&istext=1> (дата обращения: 30.12.2019).
- 17 Генис А. Стигма богатства. Деньги : дикие и домашние. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2017/11/24/74658-stigma-bogatstva> (дата обращения: 30.12.2019).
- 18 Словарь русского языка : в 4 т. М., 1999. Т. 4. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/18/ma426512.htm?cmd=0&istext=1> (дата обращения: 30.12.2019).
- 19 Генис А. Указ. соч.
- 20 Боброва О. Поступок граждан – а не «шаг обиженных». Мой эксперимент по отправлению правосудия продолжается. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2017/12/04/74787-postupok-grazhdan-a-ne-shag-obizhennyh> (дата обращения: 30.12.2019).
- 21 Словарь русского языка : в 4 т. М., 1999. Т. 3. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/16/ma332611.htm?cmd=0&istext=1> (дата обращения: 30.12.2019).
- 22 Платонова Е. Америка поджигает российские булки : В России возник дефицит качественной пшеницы для производства хлеба. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2017/02/13/10523093.shtml> (дата обращения: 30.12.2019).
- 23 Словарь русского языка : в 4 т. М., 1999. Т. 3. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/16/ma318717.htm?cmd=0&istext=1> (дата обращения: 30.12.2019).
- 24 Ефремова Т. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М., 2000. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/16/ma318717.htm?cmd=0&istext=1> (дата обращения: 30.12.2019).
- 25 Замостьянов А. Указ. соч.
- 26 Словарь русского языка : в 4 т. М., 1999. Т. 3. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/16/ma314819.htm?cmd=0&istext=1> (дата обращения: 30.12.2019).
- 27 Миронова А. Изнеженные атеизмом. Все больше стран ищут спасения в религии и культурной реакции. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2017/12/04/74789-iznezhennye-ateizmom> (дата обращения: 30.12.2019).
- 28 Ефремова Т. Указ. соч. URL: <http://tolsklovar.ru/i1215.html> (дата обращения: 30.12.2019).
- 29 Грызлов В. Феникс по имени СССР еще возродится. URL: <https://gazeta-pravda.ru/issue/146-30643-29-31-dekabrya-2017-goda-feniks-po-imeni-sssr-eshchye-vozroditnya/> (дата обращения: 30.12.2019).
- 30 Семин К. Указ. соч.
- 31 Словарь русского языка : в 4 т. М., 1999. Т. 1. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/03/ma121108.htm?cmd=0&istext=1> (дата обращения: 30.12.2019).
- 32 Фаляхов Р., Топалов А., Копалкина Е. «Россия пинает соглашения в хвост и в гриву». Лукашенко обвинил Россию в нарушении международного договора о границе. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2017/02/03/10507613.shtml> (дата обращения: 30.12.2019).
- 33 Фразеологический словарь русского литературного языка. М., 2008. URL: <https://phraseology.academic.ru/13545> (дата обращения: 30.12.2019).
- 34 Спицин Е. Имя им легион. URL: <http://zavtra.ru/blogs/blits1-6> (дата обращения: 30.12.2019).
- 35 Симчера В. У нас все в порядке! А так ли это? URL:

- http://zavtra.ru/blogs/u_nas_vsyo_v_poryadke_a_tak_li_eto (дата обращения: 30.12.2019).
- ³⁶ Катасонов В. Сладкая ложь. URL: <http://zavtra.ru/blogs/katasonov-3> (дата обращения: 30.12.2019).
- ³⁷ Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. М., 2003. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_wingwords/2653/ (дата обращения: 30.12.2019).
- ³⁸ Проханов А. Покайтесь, ехидны! URL: http://zavtra.ru/blogs/pokajtes_ehidni (дата обращения: 30.12.2019).
- ³⁹ Ефремова Т. Указ. соч. URL: <http://tolkslovar.ru/e744.html> (дата обращения: 30.12.2019).
- ⁴⁰ Мифологический словарь / гл. ред. Е. М. Мелетинский. М., 1991. С. 621.
- ⁴¹ Семин К. Указ. соч.
- ⁴² Словарь русского языка : в 4 т. М., 1999. Т. 4. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/18/ma409425.htm?cmd=0&istext=1> (дата обращения: 30.12.2019).
- ⁴³ Нерсесов Ю. Права попугаев Путина. URL: http://zavtra.ru/blogs/prava_porugaev_putina (дата обращения: 30.12.2019).
- ⁴⁴ Словарь русского языка : в 4 т. М., 1999. Т. 3. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/16/ma355509.htm?cmd=0&istext=1> (дата обращения: 30.12.2019).
- ⁴⁵ Ефремова Т. Указ. соч. URL: <http://tolkslovar.ru/ch1546.html> (дата обращения 30.12.2019).

Образец для цитирования:

Балашова Л. В. Речевые ошибки в политическом медиадискурсе: метафоры и идиомы // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2020. Т. 20, вып. 2. С. 124–130. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-2-124-130>

Cite this article as:

Balashova L. V. Speech Errors in Political Media Discourse: Metaphors and Idioms. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2020, vol. 20, iss. 2, pp. 124–130 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-2-124-130>

УДК [811.161.1'276.6:32]+929Путин

Аргументативные схемы в президентском дискурсе (на примере речи В. В. Путина)

Т. С. Боц

Боц Татьяна Сергеевна, старший преподаватель кафедры английского языка и межкультурной коммуникации, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, tatyana.bots@mail.ru

В статье рассматриваются структурные характеристики ответных реплик В. В. Путина в рамках публичного диалога. Обнаруживается взаимосвязь между объектом критики в вопросе представителя СМИ и выбором речевых тактик и языковых средств их манифестации в ответе главы государства. Установленные особенности представлены в виде композиционных схем.

Ключевые слова: президентский дискурс, диалог, критика, композиционные схемы, ответные реплики.

Argumentation Patterns in Presidential Discourse (Exemplified by V. V. Putin's Speech)

T. S. Bots

Tatyana S. Bots, <https://orcid.org/0000-0001-7062-0158>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, tatyana.bots@mail.ru

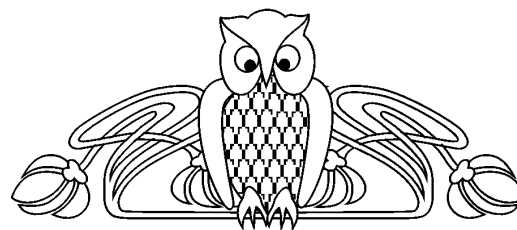
The article considers the structural characteristics of V. V. Putin's response utterances in the course of a public dialogue. The interrelation is discovered between the object of criticism in the question of the media representative and the choice of speech tactics and language means of their manifestation in the answer of the head of state. The identified features are presented in the form of compositional patterns.

Keywords: presidential discourse, dialogue, criticism, compositional patterns, response utterances.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-2-131-136>

Современные исследования в сфере политической коммуникации позволяют говорить о таком направлении в дискурсивных исследованиях, как президентский дискурс. В этом отношении мы солидарны с мнением К. Ф. Седова в том, что «каждая разновидность дискурса нуждается в более дробном членении, сочетающем в себе представления о специфике той или иной социальной сферы общения и индивидуальных особенностей языковых личностей, принимающих участие в интеракции»¹. Необходимость «дробного членения» продиктована особенностями жанрового пространства президентского дискурса и различием коммуникативных целей политика и президента.

Исследователи президентского дискурса выделяют следующие его характеристики:

1) институциональность, 2) идеологичность, 3) риторичность, 4) интертекстуальность, 5) прецедентность (событийность)². Ученые предлагают также жанрообразующую характеристику президентского дискурса. По мнению, например, М. В. Гавриловой, «с приходом к власти В. В. Путина в политическом дискурсе расширился жанровый диапазон и частотность выступлений лидера страны»³. Наибольшее развитие получил жанр интервью, появились его новые разновидности, такие как «прямая линия» и ежегодная пресс-конференция с представителями российских и зарубежных СМИ.

По мнению Н. И. Клушиной, именно коммуникативный образ В. В. Путина является наиболее изученным среди политических лидеров в отечественной лингвистике. Исследователь отмечает грамотно выстроенный имидж политика и успешно реализованную им стратегию самопрезентации⁴. Речь российского президента активно изучается с позиции специфических черт его языковой личности⁵, с точки зрения ритуальных речевых жанров: инаугурационная речь⁶, обращение к Федеральному собранию⁷, новогоднее поздравление и т. д. Ни в коей мере не умаляя значимости подобных исследований, отметим только, что все еще остаются малоизученными вопросы, требующие междисциплинарного, интегративного подхода.

Ответные реакции президента в рамках диалогического официального, но, как предполагаем, неподготовленного общения являются одной из таких тем.

В результате проведенного исследования нами было проанализировано 95 (502 143 печатных символов) ответных фрагментов диалогических единств (далее – ДЕ), полученных из стенограмм ежегодных пресс-конференций В. В. Путина за период с 2001 по 2019 г.

Во-первых, были определены особенности организации ответного высказывания, характерные для речи В. В. Путина, вне зависимости от компонентов коммуникативной ситуации. Структурно-композиционные особенности ответного высказывания В. В. Путина включают дискурсивы: *во-первых, во-вторых, первое, второе, прежде всего, теперь по поводу; я думаю/думаю, я считаю/считаю, я надеюсь/надеюсь*, и рефлексивы: *я уже говорил, как я уже однажды сказал* и т. д. Заметим по отношению к рефлексивам и дискурсивам в репликах В. В. Пути-

на их полноструктурность и укажем на мнение Е. Ю. Викторовой, которая утверждает, что в области политической коммуникации «дискурсивы с эллипсисом я звучат более решительно, категорично и формально», чем аналогичные им конструкции⁸. Иными словами, полноструктурность таких реплик у В. В. Путина отражает их меньшую категоричность и формальность.

Во-вторых, были рассмотрены особенности организации ответного высказывания в зависимости от компонентов коммуникативной ситуации. Композиционная организация ответных реплик президента варьируется в зависимости от следующих компонентов коммуникативной ситуации: субъекта критики (то, кто критикует), предмета критики (то, что критикуется) и интенсивности критики (то, как критикуется). Результатом этого варьирования становятся разные модели речевого поведения говорящего, которые можно представить в виде риторических схем, для каждой из которых характерен определенный набор способов и средств реакции на критику. Анализируя способы реакции на критику, мы используем понятия коммуникативной лингвистики (речевая тактика, речевая стратегия), риторики (прием) и теории аргументации (аргумент, техника), которые позволяют нам расширить понятийный аппарат исследования и рассмотреть материал через призму нескольких подходов.

Как показал анализ, ответный фрагмент диалогического единства представляет собой развернутую реплику, по структуре близкую монологическому высказыванию, и имеет введение, основную часть и заключение. Учитывая названные характеристики ответных реплик, перейдем к рассмотрению композиционных схем.

1. Композиционная схема ответных реплик диалогических единств при реакции на критику внешней политики со стороны «внешних» оппонентов

1. Вводная часть – информация против оппонента, отрицание критики.
2. Основная часть – противопоставление «свои – чужие».
3. Заключительная часть – указание на перспективу, акцентирование внимания на положительной информации.

Под «внешними» оппонентами здесь имеются в виду представители иностранного государства (политики, госслужащие и т. д.) или внутренней оппозиции, выступающие в роли субъекта критики. Из всего количества ответных реплик (95) данной схеме соответствуют 34, что составило 36% от их общего количества.

Вводная часть ответной реплики президента в этой схеме включает информацию, направленную против оппонента и реализуемую посредством аргумента *Ad hominem* («к человеку»). Цель данного аргумента – воздействовать на аудиторию, понижая в сознании слушателей

статус субъекта критики путем указания на его профессиональную некомпетентность, незаконность действий, отсутствие логики и др. Президент снижает таким образом объективность аргументов субъекта критики:

У меня такое впечатление, что это заявление не действующего президента, а человека, который устраивается на работу в связи с истечением срока своих полномочий скоро, потому что я не думаю, что это заявление можно считать корректным. Во-первых, для действующего главы государства – государства очень солидного, уважаемого в мире и нашего соседа – выступать с комментариями политики другой страны, мне кажется, не очень уместно (Ежегодная пресс-конференция В. В. Путина, 23.12.2004).

В приведенном ответном фрагменте ДЕ В. В. Путин реагирует на упоминание журналистом критического замечания Александра Квасневского, Президента Республики Польша в 1995–2005 гг. Ответная реплика В. В. Путина не содержит резких оценочных высказываний или эмоционально окрашенной лексики. И хотя понижение статуса субъекта критики выражается четко, оно значительно смягчается с помощью дискурсивов: *я не думаю, мне кажется, фразы у меня такое впечатление*. Словесный реверанс в сторону Польши (*государства очень солидного, уважаемого в мире и нашего соседа*) еще более подчеркивает политкорректность высказывания.

В других случаях речевое противодействие главы государства направлено не на конкретную личность, а на государство в целом:

Я не считаю, что эти подходы несовместимы, тем более что мы лучше, чем вы, знаем, что произошло в Андижане, и мы знаем, кто, где, в каком объеме готовил тех людей, которые подожгли ситуацию в Узбекистане и, в частности, в этом городе... (Ежегодная пресс-конференция В. В. Путина, 31.01.2006).

Санкции продолжают накладываться: все накладывают и продолжают накладывать. И мы считаем, что это проявление недобросовестной конкуренции (Ежегодная пресс-конференция В. В. Путина, 01.02.2007).

Использование неопределенно-личной конструкции в последнем примере позволяет избежать прямых обвинений в адрес конкретных государств, повтор глагола (*накладывают*) и вся структура с этим повтором, по стилистике относящаяся к разговорной речи (*все накладывают и накладывают*), выражает едва сдерживаемое негодование.

Я уже говорил, одному из Ваших коллег из Соединённых Штатов отвечал: проигравшая сторона всегда ищет виноватых на стороне. Лучшие бы искали в самих себе эти проблемы (Ежегодная пресс-конференция В. В. Путина, 15.12.2016).

Как видим, и в этом примере президент ограничивается общей оценочной фразой (*про-*

игравшая сторона всегда ищет виноватых на стороне), далее следует конструкция, выражающая оптативную, желательную модальность с инициальной позицией оценочного компонента (*Лучше бы искали в самих себе эти проблемы*), предполагаемый субъект критики назван здесь косвенно, метонимически, через номинацию *один из коллег из Соединённых Штатов*.

В основной части ответной реплики аргументация строится по принципу параллельного изложения двух контрастирующих идей. В определении В. Е. Чернявской этот коммуникативный ход раскрывается как прием подачи информации по принципу «плюс – минус», когда «свои/своё» противопоставляется «чужим/чужому»⁹ и служит инструментом реализации стратегии манипуляции.

Мы действительно оказываем гуманитарную и другую помощь и поддержку людям, которые проживают на этой территории. Но только для того, чтобы их окончательно там не раздавили, не съели и не порвали, и будем это делать дальше (Ежегодная пресс-конференция В. В. Путина, 20.12.2018).

Здесь обнаруживается такое синтаксическое средство, как однородный ряд сказуемых, формирующий градацию: *раздавили – съели – порвали*, и антитеза становится осложненной резко отрицательной эмоциональной оценкой второго компонента.

В заключительной части ответного фрагмента ДЕ данной схемы реализуется тактика указания на перспективу развития России:

Мы хотим развивать нормальные отношения и в сфере безопасности, и в борьбе с терроризмом. Мы будем работать вместе по нераспространению ядерного оружия. Мы будем вместе работать над такими угрозами, как распространение наркотиков, организованной преступности, распространение тяжёлых инфекционных заболеваний, в том числе эболы. Мы будем это всё вместе делать, в том числе будем работать и в экономической сфере, если этого хотят наши партнёры (Ежегодная пресс-конференция В. В. Путина, 18.12.2014).

Наиболее яркие языковые средства, которые здесь используются и которые формируют позитивный контекст, – это синтаксический параллелизм, синтаксический и лексический повтор (см. *вместе* – 3 раза), форма 1 л. мн. ч. *мы* в повторяющейся структуре двусоставного предложения с глаголами созидания *развивать, работать, делать* в форме будущего времени с семантикой настойчивого повтора – *будем*.

II. Композиционная схема ответных реплик диалогических единств при реакции на критику внутренней политики России со стороны «внутренних» оппонентов

1. Вводная часть – частичное согласие с критикой, обоснованная оценка.

2. Основная часть – аргументация, апелляция к статистическим данным.

3. Заключительная часть – указание на путь решения проблемы, акцентирование внимания на положительной информации.

Говоря о «внутренних» оппонентах, мы представляем журналиста в роли посредника между президентом и неким третьим лицом, либо широкой российской общественностью, придерживаясь мнения, что сам журналист не является источником критики, он транслирует мнение стороннего субъекта или группы субъектов.

Из всего количества ответных реплик (95) данной схеме соответствуют 45, что составило 47,3% от их общего количества.

Во вводной части ответного фрагмента В. В. Путин говорит о действиях правительства, направленных на устранение существующей проблемы:

Думаю, Вы должны были обратить внимание на то, что Правительство приняло уже ряд решений, которые призваны как раз решить эту задачу (Прямая линия с Владимиром Путиным, 07.06.2018).

Так президент акцентирует внимание на положительной информации, нивелируя отрицательный эффект от обвинения. Дискурсив *думаю* снижает категоричность фразы, и можно предположить, что *должны были* равняется по значению «могли».

Далее обнаруживаем частичное согласие с критикой, солидаризация с мнением адресата выражена оценочными лексемами в адрес критикуемой ситуации (*недопустимо, неправильно*): **Я с Вами согласен, то, что сейчас происходит, это недопустимо, это неправильно** (Прямая линия с Владимиром Путиным, 07.06.2018).

В основной, аргументирующей части ответного фрагмента обнаруживается обилие дискурсивов, вспомогательных коммуникативных единиц (по определению Е. Ю. Викторовой):

<...> Правительство провело так называемый пересмотр некоторых налоговых мер по наполнению бюджета, так называемый манёвр сделало в этой сфере. О чём шла речь и что было сделано? Не буду вдаваться в детали и в подробности, но на самом деле это всё привело к стимулированию вывоза за границу, на экспорт, сырой нефти <...> они могли бы, как они полагают, реализовать на внешнем рынке и получить больший доход <...> Кстати говоря, в диалоге с нашими ведущими нефтегазовыми компаниями. Что было сделано? Во-первых, снижен акциз по бензину на 3, по дизтопливу на 2 тысячи – на 3 и на 2 тысячи (Прямая линия с Владимиром Путиным, 07.06.2018).

В приведенном выше фрагменте употреблены собственно дискурсивы: *во-первых* (1), *на самом деле* (1), *кстати говоря* (1), а также синкретичные дискурсивы: *так называемый* (2), *как они полагают* (1). В отличие от собственно дис-

курсивов, синкретичные дискурсивы «сочетают вспомогательную функцию с информативной» и «функционируют одновременно и как дискурсивные маркеры, и как носители фактуальной, пропозитивной информации»¹⁰. В данном фрагменте из речи президента дискурсивы выполняют коммуникативно-организующую и коммуникативно-информативную функции.

В заключительной части высказывания президент переадресует заданный вопрос экспертам в соответствующей области:

Чтобы послушать экспертное мнение людей, которые непосредственно отвечают за это, мы можем обратиться к министру энергетики Российской Федерации (Прямая линия с Владимиром Путиным, 07.06.2018).

В некоторых рассмотренных ДЕ данного типа заключительная часть ответного фрагмента содержит указание на путь решения проблемы и акцентирует внимание аудитории на положительной информации:

И второе, что обязательно нужно сделать и без чего нам не добиться реальных успехов в этой сфере. Нужно, как я уже неоднократно говорил, постепенно выводить государство из тех сфер экономики, где оно присутствует необоснованно. Это, кстати, и одно из основных направлений в борьбе с коррупцией (Ежегодная пресс-конференция В. В. Путина, 23.12.2004).

Я просто уверен, что на межгосударственном уровне мы сможем эти вопросы отрегулировать. И в работе с нашими компаниями <...> будем добиваться того, чтобы центры прибыли формировались в России (Ежегодная пресс-конференция В. В. Путина, 19.12.2013).

Как видим, в данной части схемы активно ведут себя слова с семантикой долженствования и возможности (*нужно, сможем*), форма будущего времени (*будем добиваться*), наречия с сильным оценочным компонентом в семантике (*обязательно, необоснованно, неоднократно*).

III. Композиционная схема ответных реплик диалогических единств при реакции на критику профессиональных качеств президента

1. Вводная часть – акцентирование внимания на положительной информации.

2. Основная часть – встречная критика (контробвинение).

3. Заключительная часть – указание на путь решения проблемы, призыв к действию.

Из всего количества ответных реплик (95) данной схеме соответствуют 12, что составило 13,3% от их общего количества.

Выделение данной композиционной схемы обусловлено спецификой объекта критики в изучаемых диалогических единствах. В отличие от двух предыдущих композиционных схем, где объектами критики в диалогическом единстве становятся события внешней или внутренней

политики, рассматриваемая композиционная схема является моделью построения ответной реплики, где объектом критики становится сам адресат.

Данный вид композиционной схемы используется в речи В. В. Путина в тех случаях, когда в вопросе журналиста реализуется отрицательная оценка профессиональных характеристик президента, например, его стиля управления страной, позиции относительно конкретных общественно-политических событий, нарушения в работе подведомственных органов власти и кажущееся журналистам игнорирование его приказов.

Вводная часть ответного фрагмента ДЕ в этом случае содержит тактику акцентирования внимания на положительной информации. Данный коммуникативный прием реализуется в начале ответного высказывания, так как позволяет быстро переключить внимание аудитории и не дать развиваться мысли о возможной правдивости критических замечаний. Темы, положительно воспринимаемые аудиторией, основываются на базовых человеческих ценностях, таких как безопасность (*Мы являемся безусловными партнерами при решении ряда острейших проблем современности. Это, прежде всего, касается совместной борьбы с терроризмом*), единение (*Здесь я без преувеличения назвал бы наши отношения не просто партнерскими, а союзническими*), доверие к партнеру (*Сам Буш, на мой взгляд, является человеком очень порядочным и последовательным*). Важно отметить, что, говоря о положительных сторонах политического партнера, В. В. Путин применяет тактику отождествления, тем самым причисляя себе все названные положительные качества (*Я действую в таком же направлении*).

Реализация тактики акцентирования внимания на положительной информации в речи В. В. Путина характеризуется обилием лексических и синтаксических средств интенсификации (*безусловными партнерами; острейших проблем современности; без преувеличения назвал бы не просто партнерскими, а союзническими; очень порядочным и последовательным; я ему полностью доверяю*). По мнению С. Е. Родионовой, включение интенсифицированных слов в текст позволяет усилить его воздействие на собеседника, выполняя экспрессивную функцию. Исследователь соглашается с мыслью Е. М. Вольф о том, что целью интенсификации является «вести в высказывание аффективный компонент значения, усилить таким образом “эмотивную” сторону оценки – отношение субъект–объект и тем самым более эффективно воздействовать на адресата»¹¹.

В основной части ответного фрагмента реализуется тактика критики. В. В. Путин переключает внимание аудитории на реалии жизни другого государства:

<...> мы тоже не в восторге от всего того, что происходит в США (Ежегодная пресс-конференция В. В. Путина, 23.12.2004).

О чём **некутся** наши партнёры в Штатах и американские законодатели? О правах человека в наших тюрьмах, в местах лишения свободы. **Хорошее дело, но у них у самих там полно проблем.** Я уже говорил об этом: Абу-Грейб, Гуантанамо – годами держат людей в тюрьме без предъявления обвинения. Это вообще **уму непостижимо.** Причём не просто держат в тюрьме без предъявления обвинения, там **в кандалах** ходят люди, как в средние века. Внутри собственной страны легализовали **пытки** (Ежегодная пресс-конференция В. В. Путина, 20.12.2012).

Президент даёт отрицательную оценку действиям иностранного государства, используя стилистически сниженную лексику (*некутся*), просторечные и разговорные выражения (*не в восторге; у них у самих там полно проблем; уму непостижимо*). В рассматриваемом выше примере также наблюдаем яркий, эмоционально наполненный пример с использованием градации и нагнетанием отрицательной оценки, предъявляемой порционно: *держат в тюрьме – в кандалах – легализовали пытки*.

Заключительная часть композиционной схемы, подобно двум предыдущим схемам, содержит указание на путь решения проблемы:

*Мне не хотелось об этом говорить, но это не значит, что мы этим не занимаемся. **Надо всё внимательно посмотреть.** Так же как **нужно внимательно посмотреть и очистить все возможные составляющие сведений, появляющихся в Интернете** (Ежегодная пресс-конференция В. В. Путина, 17.12.2015).*

В аспекте языковых средств наблюдаем, как и в предыдущих схемах, активность модальных слов (*нужно, надо*) и параллелизм формируемых на их базе безличных структур со значением не прямой императивности.

В этой части также содержится призыв к действию с оттенком назидательности, подчёркивающей статус президента и его главенствующее положение в диалоге:

*Я хочу обратиться к Вам и к Вашим коллегам, **прошу вас** тоже вести себя аккуратно, не вторгаться в личную, частную жизнь людей публичных, деятелей искусства, спортсменов, ещё кого-то. **Нам всем нужно выработать определённые правила, выработать и придерживаться их на основе общего достаточно высокого культурного уровня в нашей стране.** (Ежегодная пресс-конференция В. В. Путина, 23.12.2016).*

В заключение сделаем следующий вывод: несмотря на видимое отсутствие в речи В. В. Путина четкого разделения способов и средств реакции на критику в предложенных коммуникативных схемах и универсальность некоторых из них (ср. тактика акцентирования положительной

информации, тактика указания на путь решения проблемы), нам удалось установить некоторые тенденции в их использовании в разных схемах.

Начнем с того, в какой последовательности они реализуются. Например, тактика акцентирования положительной информации и тактика указания на путь решения проблемы представлены либо в заключительной части ответной реплики (I, II), либо во вводной части (III). Положительная информация представляет собой эмоциональный «буфер», предваряя либо завершая основную часть высказывания, в которой реализуются элементы борьбы (отрицание критики, встречная критика, противопоставление «свой – чужие»).

Основное различие между I и II композиционными схемами заключается в том, что в первой реализуются способы реагирования на критику, характерные для стратегий борьбы за власть, убеждения и удержания власти. Композиционная схема II, главным образом, обнаруживает тактики стратегии удержания власти. Причиной этого различия, по нашему мнению, является субъект критической оценки. В тех случаях, когда критика исходит от представителя иностранного государства, она воспринимается как угроза извне и требует более эмоциональной реакции со стороны главы государства, способной оказать воздействие на аудиторию. Критика со стороны «внутренних» оппонентов воспринимается президентом как повод для аргументированной манифестации действий по устранению критикуемых явлений.

В III композиционной схеме, где объектом критики становятся профессиональные качества самого президента, наиболее ярко выражен эмоциональный компонент речи. На уровне языковых средств это проявляется в использовании лексических и синтаксических средств интенсификации (*полностью, очень, без преувеличения, не просто, ... а... и т. д.*) для усиления воздействия на аудиторию, а также стилистически сниженной (*некутся*) и просторечной лексики (*не в восторге; у них у самих там полно проблем; уму непостижимо*).

Примечания

- 1 Седов К. Общая и антропоцентрическая лингвистика. М., 2016. С. 21.
- 2 См.: Дотдаева Ф. Языковые средства ценностного воздействия в американском президентском дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2013. С. 6.
- 3 Гаврилова М. Когнитивные и риторические основы президентской речи (на материале выступлений В. В. Путина и Б. Н. Ельцина). СПб., 2004. С. 20.
- 4 См.: Клушина Н. Медиастилистика, М., 2019. С. 105.
- 5 См.: Седых А. Идеологические элементы фразеологии политического руководителя // Политическая лингвистика. 2012. № 1. С. 57–67.

- ⁶ См.: Рубцова Е. Речевой портрет президента (на примере анализа инаугурационной речи В. В. Путина) // Региональный вестник. 2018. № 6. С. 29–31.
- ⁷ См.: Бабенко Л., Конторских А. Модальные слова в программных речах президентов России (на примере обращений к Федеральному Собранию) // Вестн. ЮУрГУ. Сер. Лингвистика. 2018. № 3. С. 13–17.
- ⁸ Викторова Е. Вспомогательные коммуникативные единицы в речи российских и американских президентов (на материале жанра послания) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2008. Т. 8, вып. 2. С. 24.
- ⁹ См.: Чернявская В. Коммуникация в науке : нормативное и девиантное. Лингвистический и социокультурный анализ речевого воздействия. М., 2014. С. 49.
- ¹⁰ См.: Викторова Е. Указ. соч.
- ¹¹ Родионова С. Семантика интенсивности и ее выражение в современном русском языке // Проблемы функциональной грамматики : Полевые структуры / отв. ред. А. В. Бондарко, С. А. Шубик. СПб., 2005. С. 168.

Образец для цитирования:

Бот Т. С. Аргументативные схемы в президентском дискурсе (на примере речи В. В. Путина) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2020. Т. 20, вып. 2. С. 131–136. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-2-131-136>

Cite this article as:

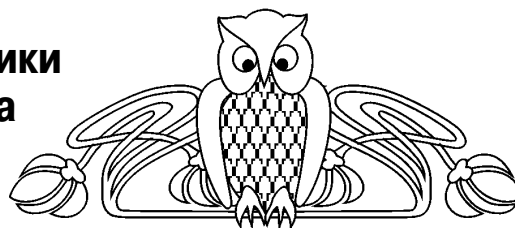
Bots T. S. Argumentation Patterns in Presidential Discourse (Exemplified by V. V. Putin's Speech). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2020, vol. 20, iss. 2, pp. 131–136 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-2-131-136>

УДК 821.161.1.09-94+929Иванов

Коммуникативные стратегии и тактики в мемуарной прозе Георгия Иванова

И. А. Тарасова

Тарасова Ирина Анатольевна, доктор филологических наук, профессор кафедры начального языкового и литературного образования, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, tarasovaia@mail.ru

В статье анализируется мемуарная проза Г. Иванова, созданная в эмиграции («Петербургские зимы», «Китайские тени», очерки и эссе), под углом коммуникативных стратегий и тактик изображения советской действительности. Учитывается, что в силу многослойной жанровой природы мемуаров стратегии могут быть двух типов – поведенческие и речевые. Первые связаны с сюжетными коллизиями, вторые – с языковыми средствами их репрезентации. Каждая стратегия реализуется через набор речевых тактик.

Ключевые слова: коммуникативные стратегии и тактики, мемуарная проза, Г. Иванов.

Communicative Strategies and Tactics in Georgiy Ivanov's Memoire Prose

I. A. Tarasova

Irina A. Tarasova, <https://orcid.org/0000-0003-3188-215X>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, tarasovaia@mail.ru

The article analyses G. Ivanov's memoir prose created in emigration (*Winters in St. Petersburg*, *Chinese Shadows*, sketches and essays) from the perspective of communicative strategies and tactics of depicting the Soviet reality. The author takes into account the fact that due to the multi-layered genre nature of the memoirs the strategies can be of two types – behavioral and speech ones. The former strategies are related to the plot collisions, the latter – to the linguistic means of their representation. Each strategy is actualized through a set of speech tactics.

Keywords: communicative strategies and tactics, memoir prose, G. Ivanov.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-2-137-141>

Георгий Иванов покинул Советскую Россию в 1922 г. В Париже он начал работу над своими мемуарами, отразившими как атмосферу Серебряного века, так и послереволюционный быт Петрограда 1917–1922 гг. Перу Г. Иванова принадлежат воспоминания «Китайские тени» и «Петербургские зимы», а также серия очерков и эссе мемуарного характера («Фарфор», «Чекист-пушкинист», «О свитском поезде Троцкого, расстреле Гумилева и корзинке с прокламациями», «С балетным меценатом в Чека», «О Кузmine, поэтессе-хирурге и страдальцах за народ» и др.).

Жанровая природа этих текстов довольно сложна: они сочетают в себе черты художественного вымысла и документальности¹. В. Крейд называет их «беллетризованными мемуарами»². Е. Витковский считает проведение границы между мемуарной и чисто художественной прозой Г. Иванова неблагоприятным и «почти лишенным смысла» занятием³.

Сохранились негодующие отклики на мемуары очевидцев и героев описанных событий. Так, А. Ахматова (о которой, кстати говоря, мемуарист всегда отзывается с редким для него уважением) якобы воскликнула: «Сплошное вранье! Ни одному слову верить нельзя!»⁴.

Но если даже предположить, что в зарисовках Г. Иванова причудливо переплелись «сны и воспоминания»⁵, отдельные события и коллизии переданы неточно или вовсе вымышлены, читателя не оставляет чувство психологической достоверности мемуарного текста, психологически точного портрета интеллигента на фоне революционной эпохи – «чужого» среди «своих».

Г. Иванов не раз задается вопросом: как произошло, что художественная интеллигенция раскололась на тех, кто принял и кто не принял советскую власть, чем отличаются стратегии поведения тех и других по отношению к этой власти?

В воспоминаниях Г. Иванова воссозданы портреты искренних сторонников революции (например С. Есенина), ее последовательных, честных противников (Н. Гумилева, Л. Канегисера), но на большинстве портретируемых – беспринципных, безответственных, «примазавшихся» – лежит «зловещий оттенок измены» (181). Г. Иванов старается убедить читателей, что элемент «червоточины» был в этих людях изначально (описание семейства Ларисы Рейснер), что им не хватало ума и таланта, а притязания были огромны (Анатолий Серебряный): «Кстати, очень интересная вещь: обилие всевозможных неудачников от искусства на высоких постах Советской России <...> Право, не будет большим преувеличением, что памятный саботаж “всей России” в 1917 году был прорван, как вода прорывает плотину, именно этими людьми, так долго и злобно ожидавшими “принадлежащих им по праву” власти, силы, известности» (413).

Неприятие советской действительности возникло у мемуариста с первых дней Октябрьского переворота. Однако в течение пяти лет поэт жил в чуждой ему обстановке, при режиме, который

внутренне безусловно отвергал. Поэтому мемуарная проза Г. Иванова – богатый материал для выявления коммуникативных повествовательных стратегий неприятия окружающей действительности «чужим».

Под коммуникативной стратегией нами понимается, вслед за О. Н. Паршиной, «определенная направленность речевого поведения в данной ситуации в интересах достижения цели коммуникации»⁶.

Подчеркнем, что в условиях художественной коммуникации речь идет о достижении эффекта эстетического воздействия на читателя. Это воздействие проявляется на двух уровнях: сюжетном (через коллизии, сюжетные повороты, образы героев и проч.) и собственно речевом (стилистическая форма организации). Поэтому коммуникативные стратегии можно условно поделить на два типа – поведенческие и речевые. Под поведенческими стратегиями можно понимать макроинтенции героев (в том числе повествователя), «обусловленные социальными и психологическими ситуациями»⁷, речевые стратегии определяются авторскими стилистическими предпочтениями.

Каждая стратегия реализует себя через набор речевых тактик – средств реализации коммуникативных стратегий, доступных непосредственному наблюдению при текстовом анализе речевого взаимодействия⁸. Обычно речевые тактики уподобляются речевым жанрам⁹. В определенном смысле речевыми тактиками могут быть названы стилистические и композиционные приемы создания нужного эстетико-коммуникативного эффекта. Поэтому при выделении стратегий и тактик мемуариста ведущую роль играет метод семантико-стилистического анализа текста.

Представленный нами набор стратегий отличается от повествовательных и коммуникативных стратегий в понимании В. И. Тюпы, концепция которого функционирует на более высоком уровне абстракции¹⁰. Кроме того, выделенные нами стратегии охватывают не весь спектр коммуникации автора с читателем¹¹, а затрагивают только одну сферу – сферу репрезентации враждебной автору советской действительности. Номинации стратегий соответствуют традиции лингвистической терминологии¹². Продуктивность их использования при анализе художественного дискурса доказана нами¹³.

Указанные стратегии носят не просто осознанный, но и отчетливо моделируемый характер. Представленная в мемуарах Г. Иванова реальность – это реальность художественная. т. е. дважды опосредованная – видением мемуариста и средствами языка искусства как вторичной моделирующей системы¹⁴.

Основной стратегией коммуникативного поведения повествователя следует считать *стратегию дистанцирования*, которая проявляет себя через поведенческие и речевые тактики

опозиционирования и самоизоляции. Эта стратегия демонстрируется как по отношению к отдельным героям мемуаров, так и по отношению к окружающей действительности в целом.

Ведущий тактикой, реализующей заявленную стратегию, является оппозиционирование, а основными противопоставлениями, пронизывающими текст воспоминаний, – оппозиции старого и нового, свободы и диктатуры, культуры и бескультурия, а в образном преломлении – тепла и холода, света и мрака, воздуха и безвоздушного пространства.

В мемуарах Г. Иванова выделяются отдельные локусы петербургского пространства, противопоставленные враждебному миру: «В этом безвоздушном пространстве, где жить (и даже резвиться) может только существо с особыми жабрами – коммунист, в этом “вечно холодом” рассеяно несколько точек, где можно укрыться от холода, и от патрулей, и от коммунизма. Несколько точек во враждебном хаосе, так и представлялся Петербург» (417).

Среди этих точек – урочищ культуры – Дом искусств на Мойке, Дом литераторов на Бассейной, квартира Гумилева на Преображенской...

Локусы эти маркированы как внешне: «ни серпа, ни молота, ни красного флага», так и внутренне: «оплывающие встречи, стихи Ахматовой или Бодлера; музыка Дебюсси или Артура Лурье» (53).

Через тактику оппозиционирования (стилистический прием контраста) представлено описание бала в Доме искусств: холоду, ночи, мраку, вывескам разграбленных магазинов на Невском соположены в пределах одного абзаца ярко освещенные окна, хрустальные люстры, музыка, фраки и бальные платья. В комментирующих этот почти фантастический образный ряд строках автор переходит на метапозицию очевидца театрального действия («словно играют роль»), действия, которое подчинено тактикам самоизоляции и эскапизма и позволяет на несколько часов уйти от реальности в вымышленный мир: «Раз в неделю советские граждане, вымывшись и нарядившись, собирались и играли в “старое время”. На час-два один снова был знаменитым адвокатом, другой – светлейшим князем <...> Но все-таки что же действительность? Советский Петербург 1920 года или это изящное общество в этих раззолоченных салонах?» (264).

До 1922 г. мемуаристу и его окружению удавалось оградить свой мир от внешних воздействий: «Десяток красноармейцев <...> вваливаются в “венецианскую залу”. Их смиряют какой-то бумажкой, подписанной Луначарским. Уходят, ворча: погодите, доберемся до вас...» (53).

Когда спасительные локусы один за другим были разрушены (затопляющий «Привал комедиантов» водный поток интерпретируется в символическом ключе), Г. Иванову ничего не оставалось, как прибегнуть к дистанцированию не как

к повествовательной, а как к жизненной стратегии – покинуть Советскую Россию («стало ясно – надо убраться, и чем скорей, тем лучше» (415)).

Стратегия дистанцирования своеобразно проявилась и в поэтическом творчестве Г. Иванова. В 1921 г. вышел его поэтический сборник «Сады», проникнутый мотивами восточной поэзии и вызвавший единодушное негодование советских критиков за несовременность и несвоевременность.

Уже первое стихотворение дает представление и о стилистике книги, и о герметичной позиции автора:

Где ты, Селим, и где твоя Заира,
Стихи Гафиза, люгня и луна!
Жестокий луч полуденного мира
Оставил сердцу только имена.

И песнь моя, тревогою палима,
Не знает, где предел ее тоски,
Где ветер над гробницею Селима
Восточных роз роняет лепестки¹⁵.

Характерную филиппику критика приводит А. Арьев: «Прошло столько лет, Россия успела сменить порфиру на рабочую блузу и снова приодеться в конфекционе “новой экономической политики”, <...> а в заколдованных “Садах” Георгия Иванова мы встречаем все ту же одетую с иголочки фигуру <...> шуришит нам голосок из-под стеклянного колпака, накрывающего эти бездыханные “Сады”»¹⁶.

Современный исследователь раннего творчества Г. Иванова обращает внимание на типичную для поэта речевую тактику самоизоляции от болезненных воздействий внешнего мира, интерпретируя эту особенность первых стихотворных сборников как реализацию «защитной» функции культуры: книга строится как «система обороны»¹⁷ (речь идет о «Горнице», но это наблюдение вполне может быть отнесено и к «Садам»).

Частным проявлением тактики самоизоляции может служить тактика молчания, которую выбирает повествователь при общении с властью предрержащими, предлагающими ему службу и высокий пост. Как эта тактика сознательно моделируется, показывает построение диалога с Рюриком Ивневым. Коммуникативная инициатива исходит исключительно от «сильного мира сего», в то время как ответные реплики мемуариста остаются «за кадром»: «В 1918 году Рюрик Ивнев, встретив меня на улице, предлагал мне: хотите служить у нас? Не хотите? Но почему? Советская власть – Христова власть <...> нам всюду нужны люди – вот места директора императорских театров, директора Публичной библиотеки свободны. А? Почему не хотите?» (130).

Молчанием сопровождается мемуарист сказанные с притворным сочувствием слова Городецкого, сменившего косоворотку на «революционный френч» (71), о гибели Гумилева. Тактика разрыва коммуникации может проявляться в ха-

рактерном жесте: «В 1920 году в книжном магазине я увидел тощую книжку, выпущенную каким-то из провинциальных отделов “Госиздата”: “Вл. Нарбут. Красный звон” или что-то в этом роде. Я развернул ее. Рифмы “капитал” и “восстал” сразу же попались мне на глаза. Я бросил книжку обратно на прилавок» (118).

Выбранная мемуаристом стратегия дистанцирования позволила не только вести ему «своеобразную литературную духовную жизнь, о которой вспоминаешь теперь с волнением и грустью» (414), но и ощущать «странное» чувство «какой-то “астральной” свободы» (415) – свободы мысли и творчества.

Стратегия конфронтации. «Плотное» соприкосновение с советской действительностью, стратегия конфронтации самому повествователю не присуща. Вспомним, в какое смятие приходит герой, обнаружив у себя дома корзинки с эсеровскими прокламациями! («О свитском поезде Троцкого, расстреле Гумилева и корзинке с прокламациями»). Рассказчику, правда, пришлось побывать в Чека, но по весьма банальному поводу – посещению запрещенного ресторанчика мадам Полин («С балетным меценатом в Чека»).

Представление о стратегии конфронтации с властью мы получаем через образы героев, вызывающих у Г. Иванова восхищение, – убийца Урицкого Леонид Каннегиссер, участник Таганского заговора Николай Гумилев, руководитель Петроградской боевой организации Юрий Герман, товарищ Г. Иванова по кадетскому корпусу («Мертвая голова»).

Стратегия Германа носит поведенческий характер: Юрий переводит людей через границу, носит почту, снимает военные планы. Конфронтация с властью проявляется и на речевом уровне. Герой называет себя контрреволюционером (тактика самопрезентации): «...за контрреволюцию рискую по десять раз в день головой, за нее, вероятно, и погибну» (371). Слова Германа оказались пророческими: он был убит при переходе границы, «отчаянно отстреливался и уложил одиннадцать человек» (371). Его мертвая голова хранится в заспиртованной банке в подвалах Чека.

Конфронтационная по отношению к советской власти поведенческая стратегия героя оценивается при помощи речевой тактики похвалы, панегирика в устах другого героя (Н. Гумилева): «...этот твой товарищ один из самых смелых и замечательных русских людей и знакомство с ним для меня большая радость» (368).

Восхищение героем просматривается в его портретном описании: «Красивый мальчик с открытым лицом смотрит прямо в глаза отвратительному призраку: “Я тебя не боюсь!”. И призрак поддается человеческой гордой воле, призрак исчезает» (373). Организующий это описание контраст красоты и безобразия, силы и бессилия (речевая тактика оппозиционирования) подготавливает трагический пуант концовки но-

веллы, приобретающий символический смысл: «Страшный призрак вернулся, он победил. Он плывет уже не над детским дортуаром – он плывет над бесконечной Россией» (373).

Гордость, сила воли, красота – общие черты любимых героев мемуариста, ставших в открытую оппозицию к власти.

В этом открытом противодействии интеллигента революции Г. Иванову важно подчеркнуть: противники советской власти были неординарными личностями (Ю. Герман), большими, настоящими поэтами, отсюда и их поведенческая тактика конфронтации сопровождается речевой тактикой обличения не только власти, но и антипоэтической, антикультурной действительности: «Наперекор этой чуждой ему современности, не желавшей знать ни подвигов, ни славы, ни побед, Гумилев и в стихах и в жизни старался делать все, чтобы напомнить людям о “божественности дела поэта”, о том, что

... в Евангелии от Иоанна

Сказано, что слово это Бог.

Всеми ему доступными средствами, всю жизнь, от названия своей юношеской книги “Путь конкистадора” до спокойно докуренной перед расстрелом папиросы, – Гумилев доказывал это и утверждал. И когда говорят, что он умер за Россию, необходимо добавить – и за поэзию» (173).

Если стратегии дистанцирования и конфронтации принадлежат равно к числу поведенческих и речевых¹⁸, то *стратегия дискредитации* является, главным образом, речевой. В мемуарах Г. Иванова она применяется по отношению к тем героям, которые по отношению к советской власти выбрали стратегию кооперации, солидаризации.

Речевые тактики воплощения этой стратегии варьируются от иронических до пародийных.

Основным средством создания иронии является дистантный повтор. Ключевое слово или фраза, повторяясь, приобретают в этом повторе новый смысл, новую модальность.

Так, характеристика «теург», примененная по отношению к Брюсову, отсылает не к магии стихотворства, а к банальному стихосложению «на пользу пролетариата»: «Возможно, что по привычке “теургов” заглядывать в будущее – славя живого Ленина, сочинял, уже про запас, оду на его смерть:

Вот лежит он, Ленин, Ленин,

Вот лежит он скорбно тленен...» (166).

В эпизоде с участием Н. Н. Пунина, бывшего столпа «Аполлона», в настоящем – комиссара, «страдальца за народ», повтор сопровождается контрастным соположением стиливых регистров: один характеризует Пунина – «товарища», другой – Пунина – «эстета»: «Так называемый “делегатский” вагон набит. Перед самым отходом появляются Пунин и еще два молодых человека, одетых в кожу <...>

Полно, товарищи, – говорит он намеренно громко. – Как-нибудь доедем мы, старые соци-

алисты, ведь привыкли и не к тому. Все видали, и Сибирь по этапу, и издевки царских палачей, и теперь по-пролетарски – в тесноте, да не в обиде <...>

Да вы присядьте, товарищ. Потеснимся... Действительно, которые страдали... А то больше мазурики <...>

Николай Николаевич, как вам нравится Роджерс в “Ла бель авентюр”?

Очаровательна. Мы ведь старые парижские друзья. Однажды я завтракал у ней с принцем Уэльским. Принц мне сказал...

... Действительно, которые страдали. А то больше мазурики» (337).

Тактика пародирования используется при воссоздании речи пролетарского оратора, утрированно безграмотной, изобилующей публицистическими штампами:

«“Так что, товарищи, – говорил он. – Которая Антанта, товарищи! Которая гидра пролетарского класса, товарищи! (Голос переходил в рычание). Так что Клемансо, товарищи, и одиннадцать ихних пунктов, товарищи!...” <...> Голос гремел. Впечатление, что и говорить, было сильное. Придя в себя, оратор, прихлебывая лимонад, улыбался блаженной улыбкой. “Ну, как, товарищи, нашли доклад? Удалось ли осветить международное положение? Я старался попроще – аудитория у нас не того...” Аудитория была действительно “не того”. Половина ее состояла из университетских профессоров» (275).

Ироническая рамка, в которую помещена пародия, создается типичной формой иронии, заключающейся в придании высказыванию смысла, противоположного первоначальному: «сильное впечатление» здесь отнюдь не подразумевает эстетического потрясения, а связано с громовой силой голоса оратора; «аудитория у нас не того» в пропагандистском дискурсе должно было бы означать ‘политически неграмотная’, но в устах мемуариста приобретает смысл ‘обладающая уровнем, не соответствующим кругозору оратора и его просторечной манере выражения’.

Ироническая тактика сочетается с тактикой обличения в эпизоде чтения драмы «Фауст и город» Луначарским. Ироническая позиция повествователя обнаруживается через показ преувеличенных восторгов аудитории: «легкий шепот восхищения», «благоговейная тишина», «обмен восторженными мнениями» (297). Обличительная модальность имеет здесь подтекстовый характер: оценка события возникает при проекции деталей роскошной обстановки кабинета Луначарского (восковые оплывающие свечи, парчовая скатерть, икра и ананасы в банках, полученные со складов Смольного по записке с печатью Наркомпроса) на контекстуальный фон – голод, холод и мрак Петрограда.

Уже не подтекстовый, а открыто выраженный характер имеет обличение в очерке «Чекист-пушкинист», который В. Крейд назвал самым

«жутким и потрясающим» свидетельством «трагедии русской культуры»¹⁹.

Его главный персонаж – Глушков, просвещенный собиратель библиотеки Пушкинской эпохи, по семейной легенде – потомок Пушкина, гордившийся фамильным сходством с великим предком, – оказывается бывшим председателем Чека. Его оксюморонная номинация («чекист-пушкинист») в свернутом виде заключает в себе страшное противоречие революционной эпохи (гуманизм/убийство). Обличение героя осуществляется через прием этимологизации («Глушков» – «глушил людей»), а открытое выражение оценки ситуации («неслыханное кощунство», «бесстыдная мерзость») распространяется, конечно, не только на амбиции Глушкова («Семейным сходством будь же горд...»), но и на притязания власти в целом.

В мемуарах Г. Иванова содержится ответ на вопрос, заданный в одном из последних стихотворений поэта: «И отчего я эмигрант?». Основные стратегии репрезентации советской действительности (дистанцирования, конфронтации, дискредитации) подтверждают осознанность выбора, который сделал почти сто лет назад большой русский поэт, ставший «первым поэтом» эмиграции.

Примечания

- 1 См.: Кознова Н. Жанр эссе в мемуарах писателей // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2011. № 8 (223). Сер. Филология. Искусствоведение. Вып. 51. С. 74–78.
- 2 Крейд В. Об авторе этой книги // Иванов Г. Мемуары и рассказы. М., 1992. С. 12.
- 3 Витковский Е. «Жизнь, которая мне снилась» // Иванов Г. Собр. соч. : в 3 т. М., 1994. Т. 1. Стихотворения. С. 32.
- 4 Там же. С. 25.
- 5 Ср. признание Г. Иванова: «Есть воспоминания, как сны. Есть сны – как воспоминания. И когда думаешь, о бывшем “так недавно и так бесконечно давно”, иногда не знаешь – где воспоминания, где сны» (Иванов Г. Собр. соч. : в 3 т. Т. 3. Мемуары. Литературная критика. С. 118. Здесь и далее мемуары Г. Иванова цитируются по этому изданию с указанием страницы в скобках).
- 6 Паршина О. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России. Астрахань, 2004. С. 12.
- 7 Культура русской речи / под ред. Л. К. Граудиной, Е. Н. Ширяева. М., 1999. С. 72.
- 8 См.: Борисова И. Категория цели и аспекты текстового анализа // Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов, 1999. Вып. 2. С. 86.
- 9 См.: Иссерс О. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М., 2008.
- 10 См.: Тюпа В. И. Коммуникативная стратегия // Поэтика : словарь актуальных терминов и понятий / гл. науч. ред. Н. Д. Тамарченко. М., 2008. С. 100.
- 11 Ср. интересные в этом плане литературоведческие исследования: Антоничева М. Границы реальности в прозе В. Набокова : Авторские повествовательные стратегии : автореф. ... канд. филол. наук. Саратов, 2006 ; Григорьев С. Повествовательные стратегии в прозе Л. Улицкой : автореф. ... канд. филол. наук. Саратов, 2012.
- 12 См.: Иссерс О. Указ. соч. ; Паршина О. Указ. соч.
- 13 См.: Ивановишина И., Тарасова И. Эволюция коммуникативных стратегий от символизма к постсимволизму // Изменяющаяся Россия – изменяющаяся литература : художественный опыт XX – начала XXI века : сб. науч. тр. Вып. II / сост., отв. ред. А. И. Ванюков. Саратов, 2008. С. 59–68.
- 14 См.: Лотман Ю. Структура художественного текста. Анализ поэтического текста. СПб., 2016.
- 15 Иванов Г. Собр. соч. : в 3 т. Т. 1. С. 201.
- 16 Арьев А. Примечания // Иванов Г. Стихотворения СПб., 2005. С. 557. (Новая библиотека поэта).
- 17 Николаенко В. Защитная функция культуры в ранней поэзии Г. Иванова // Натура и культура : Славянский мир / отв. ред. И. И. Свирида. М., 1997. С. 139.
- 18 Например, нами отмечены такие речевые тактики проявления этой стратегии в поэзии футуристов, как оскорбление и издевательство (См.: Ивановишина И., Тарасова И. Указ. соч.)
- 19 Крейд В. Указ. соч. С. 17.

Образец для цитирования:

Тарасова И. А. Коммуникативные стратегии и тактики в мемуарной прозе Георгия Иванова // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2020. Т. 20, вып. 2. С. 137–141. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-2-137-141>

Cite this article as:

Tarasova I. A. Communicative Strategies and Tactics in Georgiy Ivanov's Memoire Prose. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2020, vol. 20, iss. 2, pp. 137–141 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-2-137-141>

УДК 821.111(417).09-3+929Джойс

Голофрастические конструкции и некоторые особенности их межъязыковой трансляции в прозе Дж. Джойса

Е. А. Наугольных

Наугольных Евгения Андреевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Пермская государственная фармацевтическая академия, pulina_jane@mail.ru

В статье рассматриваются голофрастические конструкции Дж. Джойса, их участие в языковой игре писателя. Проанализированы некоторые особенности их создания и функционирования в тексте, а также возможности межъязыковой трансляции на примере четырёх переводов произведения «Поминки по Финнегану» на русский (А. Рене, А. Волохонский), немецкий (Д. Штюдель) и испанский (М. Забалой) языки.

Ключевые слова: окказиональное слово, голофрастическая конструкция, полисемантность, модель словообразования, переводимость.

Holophrastic Constructions and Certain Aspects of Their Translation in the Prose by James Joyce

E. A. Naugolnykh

Evgeniya A. Naugolnykh, <https://orcid.org/0000-0002-8071-8148>, Perm State Pharmaceutical Academy, 2 Polevaya St., Perm 614990, Russia, pulina_jane@mail.ru

The research aims at studying holophrastic constructions of James Joyce, the role of such technique in the writer's language play. Some aspects of their creation and functioning in the text are analyzed, along with the possibilities of their translation on the example of four translations of *Finnegan's Wake* into Russian (A. Rene, A. Volokhonskiy), into German (D. Stündel) and Spanish (M. Zabaloi). **Keywords:** occasional word, holophrastic construction, polysemy, word formation pattern, translatability.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-2-142-146>

Экспериментаторский дух писателей уже давно превратил использование голофрастических конструкций, или слитного написания языковых единиц, в один из приемов художественной литературы. Применение голофразиса подразумевает особую синтаксическую организацию высказывания и наиболее ярко прослеживается в работах модернистов и постмодернистов. Так, превращения словосочетания или даже целого предложения в слово разной степени сложности практиковались в произведениях Дж. К. Джерома, С. Кинга, Дж. Джойса, Л. Кэрролла, К. Чуковского, А. и Б. Стругацких и т. д.

Традиционная трактовка голофразиса предложена И. В. Арнольд, которая понимала под ним «окказиональное функционирование словосочетания или предложения как цельноформ-

ленного образования, графически, интонационно и синтаксически уподобленного слову»¹. Как правило, части подобных новообразований соединяются при помощи дефисов. Очевидно, что такие конструкции находятся на пересечении лексикона и синтаксиса, комбинация их элементов относительно свободна от правил, что позволяет автору искусно продемонстрировать лингвокреативную деятельность, вовлекая читателя в языковые игры.

Действительно, голофрастические конструкции можно рассматривать как способ автора экспериментировать не только на лексическом, но и синтаксическом уровнях одновременно. Здесь лексика и грамматика не противопоставлены друг другу, а «формируют континуум конструкций», четкие границы между ними размыты².

Смысл, звук и ритм, как справедливо заметил Б. А. Грифцов – лишь абстрактно разграничиваемые три стороны лексемы³. Они восстанавливают свое единство в художественном свершении, реинтегрируют художника слова с миром восприятия. Звуковой комплекс, специфическая расстановка слов, их особое сращение всегда определяют настоящего писателя. Голофрастические конструкции, на первый взгляд прооздкие и порой соединяющие относительно прозрачные единицы, призваны продемонстрировать необъяснимый порыв автора связать сращенное словосочетание с определенным переживанием.

По колоритности «живого слова» литература принято делить, по крайней мере, на два разряда. К первому относят авторов, стремящихся писать так, чтобы слово не делалось заметным, ко второму – изобретателей особых лексических единиц, звуковая оболочка которых зачастую выходит на первый план, в некоторой степени начинает превалировать над смыслом. К такого рода писателям, осязающих слово «буквально» как материальную вещь, и относится Дж. Джойс⁴. Именно поэтому голофрастические конструкции заняли одно из центральных мест в его творчестве. Проведенное нами ранее исследование романа «Улисс» позволяет привести процентное соотношение способов словообразования, использованных Дж. Джойсом для создания индивидуально-авторских единиц⁵. Из 61% лексем, созданных писателем словосложением, 12% приходится именно на долю голофрастических конструкций. Предсказуем рост данного пока-

зателя в последнем произведении Дж. Джойса «Поминки по Финнегану», некоторые результаты исследования которого и приводятся в данной статье.

Анализ романа показал, что Дж. Джойс чаще делает выбор в пользу слитного написания голофрастических конструкций, а не дефисного оформления. Тем не менее, в его творчестве присутствуют лексемы, оформленные как первым (*sweatandswear, dodgemyeyes, neverheed-themhorseluggarsandlistomine, happygogusty*), так и вторым способом (*ides-of-April, lyffing-in-wait, fried-at-belief-stakes*). Кроме того, в ходе исследования были обнаружены такие единицы, в которых можно выделить два способа одновременно (*acore-acurly*).

В «Поминках по Финнегану», где синтаксическая, семантическая и звуковая организация текстового материала играет первостепенную роль, голофрастические конструкции базируются не только на сплетении ассоциаций, но и на фонетической оболочке лексем (*alldconfusalem, all-too-ghoulsh, muchrooms*). Так, смысл окказиональных единиц *nepogreasymost* и *poppyrossies* раскрывается в наибольшей степени лишь при проговаривании лексем, в звуковой оболочке которых угадываются русские слова *непогрешимость* и *папиросы*.

Степень узуализации во многом зависит от количества компонентов, входящих в состав голофрастической конструкции. Наиболее «простыми» для восприятия оказываются двух- и трехкомпонентные единицы (*thrillme, stillhead, kissmiss, waterstichystaff, lightbreakfastbringer*), однако в «Поминках по Финнегану» встречаются слова-монстры, содержащие значительно большее число единиц, в том числе заимствованных из других языков (*goragorridgorballyed*). Наиболее длинное слово, зафиксированное в ходе нашего анализа, состояло из 100 букв: *Lukkedoerendundan-durraskewdylooshofermoypportertooryzoosyphal-nabortansporthaokansakroidverjkapakkapuk*.

Большая часть голофрастических конструкций Дж. Джойса – это двухкомпонентные образования, многие из которых были созданы по продуктивным моделям словообразования, характерным в целом для английского языка. Особенно частыми были следующие модели:

существительное + прилагательное: *bearbest, doughdoughty, toastworthy, earthbest, kneedeep, juicejelly*;

существительное + существительное: *worldroom, glowworm, kettlekerry, mattinmurmur, tunn-ygulls, packetshape, fagbutt, hornhide*;

прилагательное + существительное: *palmwine, broadtone*;

наречие + причастие II: *thusengaged, everwhalmed, twicedated*;

прилагательное + причастие I: *rainydraining*;

прилагательное + причастие II: *perfectportioned, highhued, deepraised*;

существительное + причастие I: *publicking, bilgetalking, moustacheteasing, chairmanlooking, bunnyhugging*;

существительное + причастие II: *homesweetened, kingscouriered, gummalicked, startspangled, handpicked, minxmingled*;

прилагательное + прилагательное: *greatbritish, bitterstiff, rightbold, dimsweet*;

местоимение + существительное: *theirinn*.

Отмечается повышенное включение в голофрастические конструкции наречия степени too: *tootorribleday, tootrue, alltoocommon, toofarback*. Нередки конструкции соединения глагола с местоимением (*thrillme, tellus, swallowall*) или наречием (*kissanywhere, saywhen*).

В языковую игру на основе голофрастических конструкций писатель нередко включает числительные (*twomesh, twoinns, twobreastorc, threespawn, triweekly, fullfour, once-upon-a-four-years, essixxolloured, fiftyeven, fiftyodd*).

Прослеживается тенденция Дж. Джойса соединять артикли с существительными (*theoccupant, ajog*). Идея континуальности, постоянной метаморфозы, смены умирания воскресением становится одной из центральных в романе⁶. Континуум бытия подкрепляется в ткани произведения соответствующими языковыми средствами: использованием двойной и более редупликации (*drumdrum, blemblem, clipperclipperclipperclipper*), образованием рамочных конструкций, где первый элемент является также и последним в цепочке (*likedbylike, earstoear, soangso, tingsomingenting, allinall, ballyaughcleeaghbally, nixnixundnix*).

В созданных единицах часто присутствуют сочинительные союзы and (*flowandflow, upturnpikrpointandplace, hitherandthithering, kook-and-dishdrundge*), or (*beeorbtractors, creakorheuman, goldselforalump*), but (*butagain, butnot*), а также целый ряд предлогов (*afterduepoise, thoroughhandthoroughly, likedbylike, mandaboutwoman, uptoputty, wheesindonk, sinkinlane*). Обнаружены также единицы, в состав которых входят как союзы, так и предлоги (*upinandoutdown, afterduepoise*). Наличие предлогов и союзов позволяет говорить о полном сохранении синтаксической связи между компонентами сложного слова.

Смысловая емкость особенно ярко проявляется в случаях, когда соединяются целые предложения. Приведем пример:

The fourscore soculums are watchyoumaycoding to cooll the skoopgoods blooff⁷.

Здесь голофрастическая конструкция *watchyoumaycoding* не только приводит к семантическому уплотнению всего высказывания, но и перемещает внимание читателя на определенный компонент предложения, добавляет эмоциональность, усиливает комичность ситуации.

Таким образом, подобные голофрастические конструкции изменяют синтаксическую

организацию высказывания в целом, поскольку такая лексема превращает сложное предложение в простое. Кроме того, она призвана смещать внимание читателя именно на объединенную лексему, которая наделяется особым эмоциональным и оценочным компонентом. Внутри слова синтаксические связи, как правило, сохраняются (*Ishallassoboundbewilsothoutoosezit*). Более того, можно говорить и о сохранении коммуникативного типа исходного высказывания. Так, опознаваемыми становятся вопросительно-отрицательные (*wouldntstop, whatsintime, where-is-he, who-is-silver*) и побудительные предложения (*pimpadoors!, gobrawl, forgivemequick, helpyourselftoastrool, send-us-pray*). Встречаются также и повествовательно-восклицательные предложения, которые определяются по типичным для них маркерам (использование междометий, характерных знаков препинания): *howsomendeavour! Wordherhshull Ohldhbhoy! Uplouderamainagain!*

Ситуация осложняется включением в голофрастические конструкции элементов из других языков: *grosscruple, immergreen, obertosend, blueblitzbotled*. Приведем подобный пример.

I wegschicked Duke Wellinghof (541).

Здесь окказионализм *wegschicked* создан соединением наречия *weg* (прочь) и глагола *schicken* (посылать), при этом немецкие единицы получают английского написание и грамматический показатель простого прошедшего времени (окончание -ed).

Добавление суффиксов, указывающих на часть речи, в некоторых случаях позволяет четко определить, к какой категории относится созданное писателем окказиональное слово. Так, прозрачным является идентификация некоторых существительных (*suchanewer, roundtheworlder, healthytobedder, upthecountrylifer, allaboutner, breadchestviousness, pushygyddyum, thunbtonosery*), прилагательных (*alljawbreakical, hierarchitectitiptitoploftical, andrewpalmurphyc*), глаголов (*blackguardize*), наречий (*sononward, safeathomely, ravenostonnoriously, allcasually*). Глаголы, однако, чаще всего опознаются по наличию частицы *to* (*to gayatsee, to sothisfeige*).

Сохранение грамматических показателей (*tobecontinued's tale, makefearsome's ocean, mothers'-in-laws', fostermothers'*) и артиклей (*the uptheaires, the wherewithouts, the redritualhoods*) также указывают на определенную часть речи.

«Разрушение» английского языка подразумевает и подрыв грамматических норм. Здесь можно упомянуть неправильное образование второй формы глагола (*he havenfallen, he fondseed*), степеней прилагательных (*besterfather*) и т. д. Намеренные ошибки писателя являются особым приемом, позволяющим ему обозначить «бесконечное число возможных форм» языкового универсума⁸.

Ряд исследователей справедливо отмечают продуманность лингвокреативной техники

Дж. Джойса⁹. Поле романа построено таким образом, что автор дает читателю бесконечное число подсказок и намеков, позволяющих догадаться о заложенных в окказиональную единицу смысловых потенциях. В частности, употребление предетерминантов (намёков на значение) может приблизить читателя к разгадке головоломки, задуманной писателем. Ниже рассмотрим пример:

...in the his heptachromatic *sevenhued septicoloured roranyellgreenlindigan* mantle finish... (541).

Здесь окказионализм *roranyellgreenlindigan*, по-видимому, был создан путем сращения семи цветов радуги (red + orange + yellow + [blue] + green + lilac + indigo), о чем указывают два стоящих перед ним определения, содержащих значимый компонент семь (*seven, septi*). Предетерминанты, таким образом, позволяют читателю догадаться о латентном присутствии намеренно скрытого Дж. Джойсом голубого цвета.

Поскольку многие окказионализмы создаются Дж. Джойсом на базе существующих моделей, в ходе чтения произведения возможно проследить «трансформацию» той или иной единицы. Так, узуальная единица *catch-as-catch-can* (прерывистый, скачкообразный) переходит в *flash-as-flash-can*, затем прослеживается в *catch-as-you cancan*, далее в *cash-and-cash-can-again* и наконец цепочка завершается лексемой *hatch-as-hatch can*.

Проследить подробные трансформации невероятно трудно, ведь роман, по мнению многих исследователей, написан не по-английски, а «по-финнегановски», здесь звуко-символическое воздействие переплетается со всевозможными семантическими уровнями¹⁰. Именно поэтому любая попытка перевода романа на другой язык становится особенно ценной для раскрытия всех «головоломок» писателя, ведь она, по сути, будет представлять собой неизбежную радикальную переработку первоисточника. Такая переработка может не только приблизить читателя к пониманию языка и некоторых аспектов культуры его носителя, но и обогатить собственный язык, проверить его на гибкость, способность подвергаться всевозможным экспериментам.

В ходе нашего исследования был начат сопоставительный анализ переводов романа на немецкий (переводчик Д. Штюдель), испанский (переводчик М. Забалой) и русский языки (переводчики А. Волохонский, А. Рене). Как мы уже отмечали, «тексты, подобные «Поминкам по Финнегану», содержат огромное количество потенциальных значений, ни одно из которых не является доминирующим»¹¹. Поскольку выбор значения переводимой единицы зачастую зависит от широкого контекста и понимания всего романа в целом, переводчики могут воспользоваться любой из возможных интерпретаций, становясь, таким образом, участниками творческо-

го процесса, в который вовлекает их Дж. Джойс. Стремление воспроизвести ритмическую структуру оригинала и максимально сохранить богатство ассоциативных цепочек автора приводит к появлению радикально переработанных текстов. Но именно они и позволяют в какой-то степени лучше понять «Поминки по Финнегану», оценить экспериментаторскую смелость писателя, «разложить бесконечные языковые мозаики», задуманные им¹².

Голофрастические конструкции Дж. Джойса своим звучанием и семантической полифонией становятся особенно трудной задачей для переводчиков. Проанализируем один из многочисленных примеров:

One *eyegonblack*. Bisons is bisons. Let me fore all your hesitancy cross your qualm with trink gilt (16).

Помимо очевидного слияния *eygoneblack* (eye + gone + black) запускает целый ряд дополнительных ассоциаций. Предположим, что одной из таких цепочек становится возможность трактовки создания лексемы контаминацией греческой и немецкой лексем: *agon* (греч. αἰών – конфликт в древнегреческой трагедии) + *Augenblick* (с нем. – момент). Так, Дж. Джойс, возможно, пытался сделать акцент на душевном поединке, проходящем внутри героя, поднимается идея восхождения через смертельные страдания. Рассмотрим четыре перевода.

Einen *Augenblick*. Geschuafft ist geschuafft. Laß mich für all deine Verzögerungen dein Buhlln mit Trickgeld pelastern. Hier hast du sylbärne Müngsen, ein Eichenstück¹³.

Guan ojo en compota. Lo bisado por bisones del basado. Permiteme, por toda tu hasitancia cruzar tu escrupolo con trinco giltas¹⁴.

Единственный *айгонбрык*. Парапотомки суть пара потом и только. Дозволь же при всем шатании утешить тебя колыханием с выпивкой на дубовую серобровую деньгу¹⁵.

Есть *разглазвон*. Мелочь бартера двоится. Позвольте мне за все ваши издержки дать вам синицу врушки¹⁶.

Поскольку роман является многоязычным и в нем присутствуют элементы из других языков, переводчики рано или поздно сталкиваются с проблемой трансляции окказиональных единиц, содержащихся в составе или созвучных с языком перевода. В этом случае перед ними встает особая задача: сохраняя смысл, передать колорит подлинника. В вышеприведенном примере *eyegonblack* прослеживается возможная связь с немецким языком. Д. Штундель, проявляя максимальную находчивость, в созданной лексеме *Augenblick* (*augen* + *gehen* + *black*) не только сохраняет принцип голофрастической конструкции (слияние, цельнооформленность), но и подчеркивает многоязычность, оставляя в неологизме английскую часть *black*. Однако в такой достаточно удачной с точки зрения игры слов и

стиля находке переводчика утрачена связь с греческой лексемой.

Раздробленность единицы *guan ojo en compota*, отсутствие явной связи с греческим и тем более немецким языками замечается в испанском варианте, который предложил М. Забалой. В центре языковой игры здесь оказывается окказиональное слово *guan* вместо нормативной для английского языка лексемы *one*. Интересно, что в английском языке *guan* – узуальное слово, обозначающее вид птиц из семейства краксов; другое название вида «Краснолицая пенелопа» (*Penelope*). Намеренно ли эта единица, имеющая едва заметную связь с древнегреческим именем Пенелопа, использована испанским переводчиком, остается лишь догадываться. Что касается словосочетания *ojo en compota*, то оно представляет собой используемый в испанской традиции фразеологизм со значением *фингал / black eye*.

В переводном отрывке А. Волохонского индивидуально-авторская единица Дж. Джойса передана окказиональным новообразованием *айгонбрык*, созданным словосложением транскрибированной основы *айгон* и узуальной лексемы *брык*. Эрудированный русский читатель, возможно, восстановит ассоциативную связь с *агоном* (древнегреческим состязанием) или английской лексемой *eye* (глаз), но подобный вариант перевода, как нам показалось, скорее строится на звуковых, чем на семантических особенностях подлинника. Переводческое решение А. Рене *разглазвон* была создана калькированием единицы оригинала. Стилистические и семантические потери переводчик пытается компенсировать за счет ближнего контекста.

Анализ четырех переводов показал, насколько высоким должен быть уровень эрудиции и языковой подготовки переводчиков для передачи столь сложноорганизованного, наполненного интерференциями и звуковыми играми текста, как роман Дж. Джойса «Поминки по Финнегану». Несмотря на богатство имеющихся в арсенале переводчика средств, их часто бывает недостаточно для трансляции английского языка, столь гибкого и способного к скрещиваниям, на другие языки перевода. Расшифровка архисложного материала оригинала с целью воссоздания уникального концептуального пространства текста, построенного на звуковом параллелизме, всевозможных ритмических приемах, синтагматических омофонах и всех мыслимых видах языковой игры, во многом зависит и от структурных возможностей языков перевода. Таким образом, именно несовпадения языковых систем английского, немецкого, испанского и русского языков, а также субъективность интерпретации произведения в конечном счете приводят к появлению нового произведения, местами далекого от того, что предлагал Дж. Джойс англоязычным читателям.

Примечания

- ¹ Арнольд И. Стилистика современного английского языка. М., 1990. С. 92.
- ² Langacker R. Construction Grammars : Cognitive, Radical and Less So // Cognitive linguistics : Internal Dynamics and Interdisciplinary Interaction. Berlin ; N. Y., 2005. P. 112.
- ³ См.: Грифцов Б. Психология писателя. М., 1988. С. 91.
- ⁴ См.: Burgess A. What's t all about // Joyce J. A shorter Finnegans wake. L., 1973. P. 20.
- ⁵ См.: Naugolnykh E, Nesterova N. The language norm and deviation in the context of literary translation (based on Ulysses by James Joyce) // Sprache verstehen, verwenden, übersetzen. Innsbruck, 2018. S. 377–383.
- ⁶ См.: Генеива Е. И снова Джойс... М., 2011. С. 209.
- ⁷ Joyce J. Finnegan's Wake. L., 2012. P. 346. Далее текст цитируется по этому изданию с указанием страниц в скобках.
- ⁸ Эко У. Поэтики Джойса. СПб., 2003. С. 453.
- ⁹ См.: O'Neill P. Impossible Joyce : Finnegans Wakes. Toronto, 2013. P. 293.
- ¹⁰ См.: Эко У. Сказать почти то же самое. Опыты о переводе. СПб., 2006. С. 364.
- ¹¹ Усманова А. Умберто Эко : парадоксы интерпретации. Минск, 2000. С. 95.
- ¹² Senn F. Joyce's dislocutions : Essays on reading and translation. Baltimore, 1984. P. 2.
- ¹³ Joyce J. Finnegans wehg (übersetzt von Dieter H. Stündel). Frankfurt, 1993. S. 16.
- ¹⁴ Joyce J. Finnegans wake (traducido por M. Zabaloy). Avellaneda, 2016. P. 16.
- ¹⁵ Джойс Дж. Уэйк Финнеганов (пер. с англ. А. Волохонского). URL: <http://www.james-joyce.ru/works/angri-volhonskiy-text.htm> (дата обращения: 20.11.2019).
- ¹⁶ Джойс Дж. На помине Финнеганов (пер. с англ., примеч. А. Рене). URL: http://samlib.ru/t/rene_a/113.shtml (дата обращения: 22.11.2019).

Образец для цитирования:

Наугольных Е. А. Голофрастические конструкции и некоторые особенности их межъязыковой трансляции в прозе Дж. Джойса // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2020. Т. 20, вып. 2. С. 142–146. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-2-142-146>

Cite this article as:

Naugolnykh E. A. Holophrastic Constructions and Certain Aspects of Their Translation in the Prose by James Joyce. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2020, vol. 20, iss. 2, pp. 142–146 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-2-142-146>

УДК 821.09-312.9

Сравнительный анализ переводов наименований людей в произведениях фэнтези при моделировании волшебной картины мира

Е. А. Мозгачева

Мозгачева Екатерина Александровна, аспирант кафедры английской филологии и перевода, Санкт-Петербургский государственный университет, mrkate12@gmail.com

В статье рассматриваются особенности литературы жанра фэнтези, выделяются трудности, возникающие при переводе текстов данного жанра, производится сравнительный анализ переводов наименований людей на примере двух вариантов перевода одного произведения. Также приводится частота использования различных переводческих стратегий, приемов и трансформаций, используемых для перехода от авторской волшебной картины мира к переводческой.

Ключевые слова: волшебная картина мира, фэнтези, моделирование картины мира, переводческие трансформации, окказионализм, авторский неологизм.

Comparative Analysis of People's Names' Translation in the Modelling of Magic Worldview in Fantasy Literature

Е. А. Mozgacheva

Ekaterina A. Mozgacheva, <https://orcid.org/0000-0002-2864-0603>, St. Petersburg University, 7–9 Universitetskaya Emb., St. Petersburg 199034, Russia, mrkate12@gmail.com

The article focuses on the special features of fantasy literature and points out the difficulties of translating the texts of such genre. The comparative analysis of people's names' translation is implemented on the example of two variants of translation of one literary work. The article also introduces the frequency statistics of translation strategies, techniques and transformations used to transfer the author's magic worldview into its translation counterpart.

Keywords: magic worldview, fantasy, worldview modelling, translation transformations, occasional word, author's neologism.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-2-147-152>

Жанр фэнтези уже несколько десятилетий назад надежно закрепился как один из самых популярных среди читателей различных возрастов. В связи с этим данному жанру было посвящено немало исследовательских трудов. Принято считать, что фэнтези сформировался и начал существовать обособленно в начале XX в. Если обратиться к истории жанра, то можно заметить, что на более раннем этапе следует выделять такие жанры-предшественники фэнтези: сказка, как фольклорная, так и авторская, и фантастика. Лингвисты и литературоведы обратили большое внимание на фэнтези, когда Д. Р. Р. Толкин сделал значительный вклад в развитие жанра, не только написав «Властелина Колец», а и опубликовав

работу «О волшебных сказках» в 1938 г.¹. Также в этом эссе он много говорит о признаках и характеристиках фэнтези. Кроме колоссального вклада Толкина, безоговорочно оказавшего влияние на последующие исследования в области, следует выделить Д. К. Роулинг, произведения которой широко известны в современном мире. Именно серия произведений Роулинг о Гарри Поттере была взята за основу исследования, результатам которого посвящена данная статья.

В связи с тем, что фэнтези было посвящено большое количество научных трудов, многие исследователи в разное время предлагали различные определения жанра. В данной статье обратимся к определению В. А. Каплана, который особо акцентирует внимание на иррациональном, сверхъестественном элементе фэнтези в одной из своих научных статей: «В самом общем случае фэнтези – это произведение, где фантастический элемент несовместим с научной картиной мира»². Из предложенного определения видно, что одной из важнейших характеристик фэнтези является наличие особой волшебной картины мира, которая существует в конкретном произведении. Волшебная картина мира произведения представляет собой совокупность всех явлений, объектов и суждений о них, которые передаются из поколения в поколение на протяжении всего существования мира; иными словами, волшебная картина мира – система познаний об окружающем мире, его глобальный образ³. Волшебную картину мира можно рассматривать с разных сторон, тем самым выделяя самые различные особенности и отличия от научной картины мира.

Так как данная статья посвящена анализу и сравнению переводов, целесообразно обратиться к особенностям картины мира в рамках произведений фэнтези, связанным с наличием особых лексических единиц. И поскольку мир фэнтези, как было обозначено, отличается от реального мира, он оперирует иными понятиями и имеет свой собственный язык. Этот мир является продуктом фантазии автора от самого начала до конца, имеет свои собственные фантастические реалии, однако этот мир логичен и внутренне гармоничен, он преподносится автором как возможный, а также определенным образом связан с реальностью.

Лексические новообразования этого литературного жанра наиболее интересны, призна-

ны описывать реалии вымышленного мира, но становятся иногда даже частью представления реального мира. То есть единицы, которые не вошли в узус, часто используются другими фантастами, а также сценаристами художественных фильмов, создателями компьютерных игр и другими носителями языка. Конечно, писатели не в состоянии создать новую воображаемую действительность на пустом месте, тем или иным образом они будут опираться на реалии и язык своего мира. В связи с этим представляется возможным исследовать такое индивидуально-авторское явление, как окказионализм. Термин «окказионализм» не является единым и универсальным, допускается и использование иных терминов: С. Н. Соскина⁴ называет их «квазилексемами», «квазирмины» у Э. М. Медниковой⁵, а также «лжетермины», «вымышленные термины», чем подчеркивается их определенное родство с терминологическими единицами научного стиля.

Именно переводу таких единиц лексического строя фантастического произведения посвящена данная статья, поскольку процесс перевода фантастического произведения кардинально отличается от перевода текстов иных жанров литературы. Здесь переводчику необходимо учитывать не только стилистические особенности языка автора оригинального текста, но и характеристики волшебной картины мира, так как в процессе перевода происходит переход от авторской картины мира к переводческой. Для успешного и адекватного перевода появляется острая необходимость в понимании структуры выдуманного мира, его устройства; принципов деления на группы людей, живых существ, различных артефактов; также следует детально рассматривать окказионализмы с этимологической точки зрения, важно уметь различать уже существующие имена, названия существ и артефактов и авторские названия; четко формулировать прагматические задачи текста, т. е. необходимо определить, для какой аудитории предназначено произведение, какой эффект оно должно производить. Все это поможет четко и адекватно отразить волшебную картину мира в переводе без потерь или с минимальным их количеством.

С целью разработки грамотного перехода от авторской (в примерах – АИТ) к переводческой картине мира был произведен анализ переводов наименований людей в серии романов о Гарри Поттере Д. К. Роулинг издательства «РОСМЭН» (в примерах – РПТ 1), выполненный группой переводчиков под редакцией М. Литвиновой, и «Махаон» (в примерах – РПТ 2), выполненный М. Спивак.

Начнем с наименования волшебников. В тексте оригинала автор для обозначения людей, владеющих магией, использует такое слово, как «wizard» для светлых волшебников и словосочетание «dark wizard» для приверженцев темной

стороны волшебства. В русском языке вариантов наименования людей с особым даром магии больше: «волшебник», «маг», «колдун» и «чародей». Разные варианты используются переводчиками для выражения разных коннотаций. В русском языке наблюдаются три варианта перевода слова «wizard», которые имеют различные оттенки.

Чтобы понять, чем руководствовались переводчики, выбирая между различными вариантами, охарактеризуем понятия «волшебник», «колдун», «маг» и «чародей». Для этого следует использовать несколько толковых словарей русского языка, а именно «Большой толковый словарь русского языка»⁶ и «Большой академический словарь русского языка»⁷. Все эти слова используются переводчиками в разных ситуациях, так как имеют разные коннотации в русском языке. Слово «волшебник» обозначает класс людей, обладающих особыми волшебными навыками и свойствами. Оба слова («волшебник» и «чародей»), в сущности, обозначают людей, наделенных некой неопределенной магической силой, способных делать чудеса⁸. Также обоим словам приписывается положительная оценка. Переносные смыслы и сочетаемость слова «волшебник» указывают на ассоциации с человеком необычной мудрости и доброты, впечатляющего окружающих исключительными знаниями или мастерством в какой-либо области⁹. Подобным образом слово «чародей» ассоциируется в русском языке с человеком пленительного, привлекательного характера. Такая позитивная оценка, содержащаяся в языковой единице, благоприятно располагает читателей к персонажам саги о Гарри Поттере, вызывая у них положительные ассоциации.

Также в переводе романа встречаются слова «колдун» и «маг», но, стоит отметить, – намного реже. Чаще всего они используются для обозначения взрослых волшебников и учрежденных волшебного мира. Слово «колдун» в русском языке имеет обобщенное значение, подобно словам «волшебник» и «чародей», но в его семантике подчеркивается функциональный аспект магической деятельности. Итак, колдун, это не просто человек, наделенный волшебной силой, это человек, использующий особые магические приемы для совершения волшебства¹⁰. Одновременно слово это ассоциируется с усердной, требующей сосредоточенности и внимания работой, а также с некой таинственностью, загадочностью совершаемых колдуном действий¹¹. Тем самым можно сделать вывод, что данное слово является подходящим для явлений мира «Гарри Поттера». Более сложным в данном контексте является слово «маг», в русском языке обозначающее странников из Дальнего Востока, жрецов и прорицателей наподобие волхвов, навещивших новорожденного Христа¹². Тем самым слово это вносит в общий центральный концепт волшебника не-

кую экзотику. В области категории оценки дело усложняется по сравнению с парой «волшебник» и «чародей». Насколько слово «маг», из-за своих христианских ассоциаций, имеет явно положительную оценку, настолько «колдун» ассоциируется с человеком, не способным говорить ясно и понятно, запущенным и неряшливым¹³.

АИТ: *Mister Crouch is a good wizard, miss!*¹⁴

РПТ 1: *Мистер Крауч хороший волшебник, мисс!*¹⁵

РПТ 2: *Мистер Сгорбс хороший волшебник, мисс!*¹⁶

АИТ: *Dobby knew sir must be a great wizard, because he is Harry Potter's greatest friend* (37).

РПТ 1: *Добби знал, сэр, что сэр замечательный волшебник, ведь он – лучший друг... (74)*

РПТ 2: *Добби знал, что сэр наверняка великий волшебник, поскольку сэр – лучший друг Гарри Поттера... (67).*

В этих двух примерах речь идет о положительных персонажах, поэтому переводчики используют слово «волшебник», чтобы дать положительную характеристику героев романа.

АИТ: *People say old Mad-Eye's obsessed with fighting with Dark wizards* (152).

РПТ 1: *Говорят, Грозный Глаз помешался на поимке черных магов* (314).

РПТ 2: *Поговаривают, что старина Шизоглаз одержим ловлей черных магов* (135).

В данном примере, наоборот, речь идет о поимке отрицательных, отталкивающих персонажей. В этом случае переводчики используют уже другое слово с иной коннотацией и таким образом достигают необходимого эффекта: персонаж производит на читателя отталкивающее впечатление.

АИТ: *I shall be lodging complaints with the Ministry of Magic and the International Confederation of Wizards* (21).

РПТ 1: *И я намерен подать жалобу в Министерство магии и Международную конфедерацию колдунов... (42).*

РПТ 2: *Я непременно подам протест в министерство магии, а также в Международную конфедерацию чародейства* (33).

В этой ситуации есть два разных варианта перевода слова «wizard». В первом варианте переводчик с помощью слова «колдун» делает акцент на деятельности, так как отличие колдунов – постоянная деятельность, работа над чем-либо. Во втором варианте перевода используется слово «чародейство», здесь также наблюдается акцент на деятельность, а также переводчик выбирает слово с положительной коннотацией, но менее нейтральное, чем слово «волшебство».

Обратимся к наименованиям волшебниц. Здесь ситуация, схожая с предыдущим примером. В английском языке писатель использует слово «witch», а в русскоязычном варианте романа существуют варианты: «ведьма», «колду-

нья», «волшебница». В этом случае также следует дать определения этим понятиям, пользуясь словарями русского языка. Итак, слово «ведьма» окрашено однозначно отрицательной оценкой. В народных поверьях ведьмой называли женщину, продавшую душу нечистой силе (дьяволу) и владеющей особыми знаниями и способностями¹⁷. В четвертой части саги о Гарри Поттере переводчики используют это слово для обозначения героинь, неприятных Гарри, а также и читателю. Почти всегда, словом «ведьма» характеризуется Рита Скитер. Колдунья и волшебница – слова, схожие по значению со словами «колдун» и «волшебник», которые были описаны выше.

АИТ: *He saw a wizened witch flit out of the frame of her picture...* (165).

РПТ 1: *Сморщенная, как печеное яблоко, ведьма выскочила из рамы* (330).

РПТ 2: *Одна сморщенная старушенция метнулась со своей картины на соседнюю...* (289).

В этом примере в первом варианте перевода используется слово «ведьма» для усиления немиловидного внешнего образа. Достичь отталкивающего эффекта также помогает экспрессивно-прагматическая конкретизация. Переводчик добавляет сравнение «как печеное яблоко». Это обусловлено нормами русского языка (а именно экспрессивно-стилистическим согласованием, которое является одним из законов словоупотребления в русском языке). Во втором варианте переводчик также решает усилить неприятный образ ведьмы, но делает это с помощью контекстуальной замены: witch – старушенция, таким образом, элемент сказочной лексики в этом варианте перевода исчезает, но сохраняется отталкивающее впечатление от образа старой ведьмы.

АИТ: *How on earth was he to know how his parents would feel if they were alive? He could feel Rita Skeeter watching him very intently* (198).

РПТ 1: *Да откуда же Гарри мог знать, что думали бы родители, останься они в живых?! А эта ведьма так и сверлит его взглядом* (396).

РПТ 2: *Откуда, скажите на милость, ему знать, что сказали бы родители, будь они живы? Он чувствовал на себе пристальный взгляд репортерши* (365).

В первом случае произошла замена имени собственного на слово «ведьма», с помощью которого переводчик передает раздражение и недовольство Гарри Ритой, также эта замена передает характеристику персонажа, читатель понимает, что Скитер – не очень приятная особа. В этом примере переводчик также использует экспрессивную конкретизацию, он переводит нейтральное слово «watch» в английском языке словосочетанием «сверлить взглядом» на русский язык. Тем самым усиливается уровень экспрессивности предложения и с помощью этого достигается необходимый эффект – читателю Скитер неприятна. Во втором случае также используется за-

мена, как и в предыдущем варианте, переводчик убирает лексический элемент «ведьма», заменяя его на профессию, но выбирает не нейтральное слово «репортер», а вызывающее неприятные ассоциации слово «репортерша», которое подчеркивает нахальный характер Риты Вример. В обоих случаях переводчикам удалось вызвать неприязнь к ведьме.

АИТ: *My mother, a witch who lived here in this little town, fell in love with him* (15).

РПТ 1: *Моя мать, колдунья, жила в этой деревушке и влюбилась в него* (28).

РПТ 2: *Мама, ведьма, жила неподалеку, в деревне, и ее угораздило влюбиться в этого идиота* (75).

АИТ: *It was only just dawning on Harry how many witches and wizards there must be in the world* (98).

РПТ 1: *Лишь теперь до Гарри начало доходить, как много в мире колдуний и волшебников* (104).

РПТ 2: *Гарри только сейчас начал осознавать, как много в мире ведьм и колдунов* (139).

В этих двух примерах переводчики выбирают разные слова для перевода. В первом случае переводчик использует слово «колдунья», делая упор на деятельность в первом примере (ранее было замечено, что отличительная черта в семантике слова «колдун» – акцент на деятельности), а во втором случае переводчик выбирает именно этот вариант, чтобы избежать повтора, нетипичного для русского языка. Во втором случае было использовано слово «ведьма» в обоих примерах. Несмотря на то что, как правило, слово «ведьма» вызывает не самую положительную реакцию, как было отмечено выше, здесь слово является нейтральным предпочтением переводчика.

В обществе волшебников существуют такие представители, как сквибы (или, в переводе издательства «Махаон», швахи).

АИТ: *Squibs were usually shipped off to Muggle schools and encouraged to integrate into Muggle community* (54).

РПТ 1: *Сквибов, как правило, переводили в магловские школы, старались помочь им привыкнуть к миру маглов* (112).

РПТ 2: *Обычно швахи учились в магловских школах* (36).

Сам неологизм «squib» образован с помощью переосмысления существующего слова. Squib – петарда, которая не взрывается¹⁸, в романе это слово приобретает значение человека, рожденного в семье хотя бы одного волшебника, но не имеющего волшебного дара. В русском языке нет абсолютного аналога для слова «squib», поэтому переводчик издательства «РОСМЭН» использовал транскрипцию для передачи этого неологизма. Переводчик издательства «Махаон» выбрала другую, более интересную стратегию: она решила полностью преобразовать неологизм, создав в русском слове свой термин. Само

слово «швах» пришло в русский язык из немецкого (schwach – «слабый»). По определению словаря¹⁹, швах – оценка кого-либо или чего-либо как находящегося в плохом, ослабленном, обессилемном состоянии; соответствует по значению словам «плохо», «скверно». Использование такого слова для людей, рожденных в семье волшебников, без волшебного дара показывает нам их положение в обществе колдунов и колдуний: их не любили и относились к ним пренебрежительно, некоторые даже считали недостойными мира волшебников. Итак, во втором переводе был использован прием лексической замены.

Также в серии романов упоминаются Пожиратели Смерти (Упивающиеся Смертью). Это еще один неологизм, который характеризует род занятий определенного круга волшебников.

АИТ: *Then one of the Death Eaters fell to his knees, crawled to Voldemort and kissed the hem of his black robes* (258).

РПТ 1: *Наконец один из Пожирателей смерти упал на колени, подполз к Волан-де-Морту и поцеловал подол его чёрной мантии* (516).

РПТ 2: *Затем один из Упивающихся Смертью упал на колени, подполз к Вольдеморту и поцеловал край его чёрного одеяния* (403).

Death Eaters – это последователи Волан-де-Морта, антагониста Гарри Поттера. Это название состоит из двух существительных: смерть (англ. death) и едок (англ. eater). На русский язык название верных слуг Волан-де-Морта переведено как Пожиратели Смерти, с помощью калькирования. Однако переводчик первого варианта перевода использует не основное значение слова «eater» («едок»), а выбирает слово «пожиратель», применяя экспрессивную конкретизацию для более точной характеристики темных волшебников. Такое название хорошо передает характер этих людей. Они в переносном смысле питаются смертью и несчастьем. Во втором варианте также был выбран не основной перевод слова «eater», переводчик решил применить еще более полную замену, выбрав слово «упивающиеся». В словаре²⁰ дано следующее определение слову «упиваться» – напиваться до полного насыщения или допьяна чем-либо, испытывать от этого упоение, восторг. Отсюда можно проследить следующее: переводчик применяет экспрессивную конкретизацию, меняя нейтральное слово «eater» на слово с довольно сильной экспрессивной окраской «упивающиеся», которое в сочетании со словом «смерть» дает нам красноречивое описание слуг Волан-де-Морта.

В романе есть и много примеров говорящих имен. Автор тщательно продумывает прозвища и клички своих персонажей, ведь и они помогают создать единую картину волшебного мира. Рассмотрим один яркий пример говорящего имени одного из важных героев романа и то, как передается его характеристика через имя в переводе.

АИТ: *After little pause Wormtail spoke...* (231).

РПТ 1: *Наступила пауза, и затем Хвост единым духом выпалил фразу...* (462).

РПТ 2: *Еле заметная пауза – а после Червехвост заговорил* (424).

В первом случае переводчик прибегает к приему генерализации. Хвост – слабый человек, нуждающийся в покровителе, он подхалим и предатель, вызывает крайнее отвращение у читателей. В английском языке слово «червяк» может быть использовано для характеристики трусливого и нечестного человека, в русском языке к такой характеристике больше подходит крыса, поэтому переводчик убирает первую часть окказионализма «worm», оставляя «tail», что помогает провести параллель между Петтигрю и крысой, тем более что он может превращаться в крысу. Все это помогает ярче передать личность Хвоста, сохраняя те особенности его личности, которые создала сама Д. К. Роулинг. Во втором случае переводчик калькирует структуру говорящего имени, сохраняя конкретное указание на живое существо – на червя. Данный перевод более экспрессивен и точен. В отличие от первого варианта, где читатель сам додумывает аналогию с крысой, здесь параллель с червем уже названа, и она не может не вызывать отвращения, так как мы относимся к червю как к ничтожному мерзкому созданию, и эти черты вполне присущи и Петтигрю.

Далее посмотрим, как переводчик передал еще одно наименование, характеризующее людей в романе.

АИТ: *When real Muggles go camping, they cook on fires outside* (15).

РПТ 1: *Когда маглы ставят лагерь, они готовят на свежем воздухе* (35).

РПТ 2: *Когда настоящие муглы выезжают на природу, они готовят снаружи на кострах, я сам видел!* (31).

Маглы или муглы в волшебном мире – это обычные люди, не имеющие магических способностей. Д. К. Роулинг утверждает, что придумала слово «магл» на основе английского слова «mug», обозначающего человека, которого можно легко обмануть, провести (простофиля)²¹. Она добавила к этому слову *-gle* для того, чтобы сделать его менее оскорбительным. При переводе названия этой категории людей переводчик первого варианта использует транскрипцию, точно передавая звуковую форму единицы волшебного мира, а переводчик второго варианта использует транслитерацию, передавая неологизм побуквенно.

Итак, были проанализированы наименования, которые обозначают людей в волшебном мире Гарри Поттера. Как показал анализ, переводчики прибегали к различным приемам, включая экспрессивную конкретизацию, калькирование, генерализацию, транскрипцию. Было проанализировано 54 примера с такими

наименованиями. В первом варианте перевода 36 примеров были переведены с помощью использования соответствия русского языка и калькирования (67%), 2 генерализацией (4%), 8 транслитерацией (15%), 6 транскрипцией (10%), 2 экспрессивной конкретизацией (4%).

Во втором же варианте результаты немного другие: на первом месте также стоит калькирование и использование русского соответствия (28 случаев, что составило 52%), далее идет замена и ее различные виды – контекстуальная, грамматическая, лексическая (19 случаев, или 35%), следующая по частоте – транслитерация и транскрипция – 6 случаев (11%), экспрессивная конкретизация – 1 случай (2%), что отражено в таблице.

Количество использованных приемов при передаче наименований людей

Прием	Изд-во «РОСМЭН»	Изд-во «Махаон»
Калькирование	36	28
Генерализация	2	–
Транслитерация/ Транскрипция	14	6
Экспрессивная конкретизация	2	1
Замены	–	19

Итак, после приведенного анализа можно видеть, что переводчики пользовались самыми разнообразными способами передачи специфической лексики и воссоздания волшебной картины мира в переводе. Несмотря на это, представляется возможным выделить наиболее частотные приемы. Среди них выделяются калькирование и транскрипция с транслитерацией. Для перевода М. Спивак характерно использование большого количества замен как лексических, так и грамматических.

В заключение повторим, что волшебная картина мира является неотъемлемой частью любого произведения жанра фэнтези. Она представляет собой совокупность взглядов человека или группы людей на окружающий их мир. Характерная особенность волшебной картины мира – наличие особых лексических единиц, с помощью которых автор делает картину мира какого-либо произведения особенной и уникальной. Чтобы грамотно воссоздать волшебную картину в переводе, сохранить ее специфику, переводчик должен грамотно применять различные приемы перевода. Данная статья представляет сравнительный анализ двух вариантов перевода наименований людей с целью проследить, какими приемами перевода пользовались переводчики, работая над текстом. Для сравнительного исследования были выбраны самые яркие и характерные примеры не только для серии анализируемых романов, но и для произведений фэнтези в целом.

Примечания

- ¹ См.: Толкин Д. О волшебных сказках / пер. с англ. Н. А. Шантырь, В. Н. Тихомировой, О. М. Степашкиной. М., 1992.
- ² Каплан В. Заглянем за стенку // Новый мир. 2001. № 9. С. 158.
- ³ См.: Степанова М., Мозгачева Е. Обучение анализу переводческих трансформаций на материале литературы жанра фэнтези // Вопросы методики преподавания в вузе. 2017. Т. 6, № 20. С. 53–60. DOI: 10.18720/HUM/ISSN 2227-8591.20.6
- ⁴ Соскина С. К проблеме идентификации окказиональных образований // Пелевинские чтения – 2003 : межвуз. сб. науч. тр. Калининград, 2004. С. 227.
- ⁵ См.: Медникова Э. Значение слова и методы его описания на материале современного английского языка. М., 1974.
- ⁶ См.: Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. СПб., 2008.
- ⁷ См.: Большой академический словарь русского языка : в 30 т. / под ред. К. С. Горбачевич. Т. 3. Во-Вящий. М., 2004.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Там же. С. 83.
- ¹⁰ Там же. С. 220.
- ¹¹ Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. С. 667.
- ¹² Там же. С. 598.
- ¹³ Там же. С. 670.
- ¹⁴ Rowling J. Harry Potter and The Goblet of Fire. L., 2010. P. 24. Далее текст цитируется по этому изданию с указанием страниц в скобках.
- ¹⁵ Роулинг Д. Гарри Поттер и Кубок огня / пер. с англ. М. Д. Литвиновой, Н. А. Литвиновой, А. Г. Ляха, М. А. Межуева, Е. И. Саломатиной, под ред. М. Д. Литвиновой. М., 2002. С. 46. Далее текст цитируется по этому изданию с указанием страниц в скобках.
- ¹⁶ Роулинг Д. Гарри Поттер и Кубок Огня / пер. с англ. М. В. Спивак. М., 2017. С. 49. Далее текст цитируется по этому изданию с указанием страниц в скобках.
- ¹⁷ См.: Словари и энциклопедии на Академике. URL: <http://dic.academic.ru/> (дата обращения: 29.07.2019).
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ См.: Новый толково-словообразовательный словарь русского языка / под ред. Т. Ф. Ефремовой. М. : Русский язык, 2000. URL: <http://efremova-online.ru/about/> (дата обращения: 29.07.2019).
- ²⁰ См.: Толковый словарь Д. Н. Ушакова. URL: <https://ushakovdictionary.ru> (дата обращения: 29.07.2019).
- ²¹ См.: The free dictionary. URL: <http://www.thefreedictionary.com/> (дата обращения: 29.07.2019).

Образец для цитирования:

Мозгачева Е. А. Сравнительный анализ переводов наименований людей в произведениях фэнтези при моделировании волшебной картины мира // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2020. Т. 20, вып. 2. С. 147–152. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-2-147-152>

Cite this article as:

Mozgacheva E. A. Comparative Analysis of People's Names' Translation in the Modelling of Magic Worldview in Fantasy Literature. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology: Journalism*, 2020, vol. 20, iss. 2, pp. 147–152 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-2-147-152>

УДК 811.134.2'42+929ФилиппVI

Отражение образа страны в рождественском послании испанского монарха

И. В. Селиванова

Селиванова Ирина Владимировна, аспирант кафедры испанского языка, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, selivanova-irina@inbox.ru

Рождественская речь монарха является традиционным событием общественно-политической жизни Испании и одним из немногих случаев прямого обращения главы государства к нации. Это ежегодное выступление построено в строгих традициях классической риторики, имеет свои собственные языковые и композиционные особенности и носит символический и ритуальный характер. В настоящей статье рассматриваются образ монарха (адресанта), нации (адресата) и страны на материале рождественских посланий Филиппа VI с 2014 по 2018 г.

Ключевые слова: политический дискурс, рождественская речь, образ, испанская монархия.

Spain's Image Representation in the Spanish King's Christmas Messages

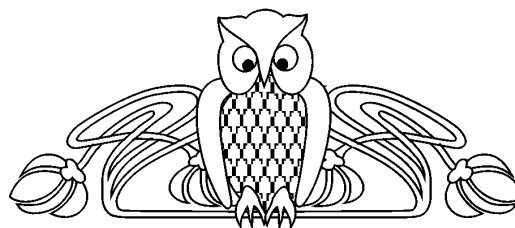
I. V. Selivanova

Irina V. Selivanova, <https://orcid.org/0000-0003-1578-0620>, Lomonosov Moscow State University, 1 Leninskie Gory St., Moscow 119991, Russia, selivanova-irina@inbox.ru

The Spanish King's Christmas message is a traditional event of the social and political life in Spain, and it is one of the few occasions when the head of state directly addresses the nation. This annual address is structured according to strict traditions of classical rhetoric, it has its own language and composition features and has a symbolic and ritual nature. This article analyzes Felipe VI's Christmas messages (from 2014 to 2018) and focuses on the constructed images of the Spanish monarch (addresser), the Spanish nation (addressee) and the country.
Keywords: political discourse, Christmas message, image, Spanish monarchy.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-2-153-157>

Исследование образа страны осложняется тем, что до сих пор нет единого подхода к изучению рассматриваемого вопроса и отсутствует консенсус среди специалистов вокруг содержания основных категорий. Если в западных трудах принято употребление общего термина «имидж», то в отечественной литературе прослеживается разграничение понятий «образ» и «имидж» (Е. Б. Шестопал¹, Е. С. Кубрякова², А. А. Гравер³, М. Г. Швецова⁴, И. С. Семененко⁵ и др.). В самом обобщенном виде под имиджем понимают впечатление, которое конструируется целенаправленно и сознательно, а под образом – отражение личности политического лидера или партии в массовом и индивидуальном сознании

граждан. Но, несмотря на подобные разграничения, между данными терминами в практике коммуникационных дисциплин часто ставится знак равенства. Более того, многие авторы дают определение понятию «имидж» с помощью понятия «образ», но при этом нет ни одного толкования понятия «образ», где пояснительная роль принадлежала бы слову «имидж»⁶. Как правило, понятие «образ» чаще встречается в культурологическом или философском контексте. В данной работе под образом понимаются вербализованные представления о стране, ее достижениях и проблемах, а также отношения между властью и обществом (монархом и народом).

В рамках настоящей статьи на материале пяти рождественских речей Филиппа VI (с 2014 по 2018 г.) рассматриваются особенности **репрезентации образа Испании**, который включает в себя три составляющие: а) образ страны, б) образ народа и в) образ монарха.

Рождественские обращения глав государств представляют собой особый вид политической речи, обращенной к гражданам страны и связанной с доминирующими в лингвокультурном сообществе идеологическими и ценностными ориентациями. Подобные выступления относят к классу персуазивных медиатекстов, так как для воздействия на реципиента используется ряд стратегий и тактик речевой манипуляции. Отличительная черта подобных обращений – референция к христианским ценностям (сохранение мира на Земле, милосердие к обездоленным, любовь к ближнему и проч.) и установление консенсуса в обществе⁷.

Рождественское послание испанского монарха стало уже традиционным актом политической коммуникации (с 1975 г.), во время которого он поздравляет всех с праздником, подводит итоги уходящего года и определяет основные направления развития государства (ретроспективный и перспективный взгляд). Отсутствие прямого контакта с адресатом дает оратору возможность, несмотря на строгие временные рамки, последовательно выполнять преследуемые им цели: донесение строго нормированной информации, убеждение в правильности своей позиции по актуальным для страны и общества проблемам, создание положительного образа будущего, формирование эмоционального настроения у зрителей (поздравление) и опосредованное построение своего имиджа.

С точки зрения ситуативного контекста рождественская речь характеризуется фиксированностью локации и не прямой формой реализации обращения (телевизионная трансляция при отсутствии непосредственного контакта с адресатом). Четко прослеживается ритуальная атрибутика телеобращения: флаг Испании и Европейского союза, гимн, рождественская ель, семейные фотографии, рождественский вертеп. Указанные элементы призваны подчеркнуть стабильность развития государства и обозначить базовые ценности, которыми должны руководствоваться испанцы.

Исследование содержания рождественских посланий Филиппа VI (с 2014 по 2018 г.) позволяет выделить **три тематические оси** данного вида текста: а) анализ общеполитической ситуации в стране; б) наиболее острые политические, экономические и социальные проблемы; в) знаковые общественно-политические и экономические события прошедшего и будущего года (контекстуализация). Постоянно упоминаемыми темами являются экономический кризис, высокий уровень безработицы, коррупция, гендерное неравенство и терроризм. Примечательно, что Филипп VI успешно использует средства невербальной коммуникации с целью показать обеспокоенность происходящими событиями, а также отметить свою вовлеченность в происходящие процессы общественно-политической жизни страны. Активная жестикуляция и мимика служат визуальной поддержкой высказываемых идей и тесно связаны с ее содержанием. Например, жест «удар в воздухе сжатой в кулак рукой», сопровождающий ударение на конкретном слове, свидетельствует о решительности монарха в вопросах борьбы с терроризмом и коррупцией; нахмуривание бровей говорит о его недовольстве существующим положением вещей (например, когда речь идет о гендерной дискриминации).

Проанализированные рождественские речи содержат обозначение повода (наступление Рождества), итоги уходящего года, планы на будущее, упоминание общеполитической ситуации в мире и стране, демонстрацию идеологической и патриотической позиции, отсылку к морально-этическим ценностям, поздравление с праздником и пожелания адресату. Примечательно, что в рассматриваемых текстах не используются традиционные речевые формы обращения к адресату (обобщенное наименование), что позволяет расширить круг адресатов и придать речи тон максимальной нейтральности. Кроме того, Филипп VI (в отличие от своего предшественника Хуана Карлоса I) в конце каждого обращения поздравляет всех своих подданных на четырех официальных языках (испанском, каталанском, галисийском и баскском), тем самым желая отметить значимость и уникальность каждого региона в ходе развития государства и подчеркнуть идею единства в многообразии.

Рождественские обращения с 2014 по 2018 г. имеют ряд общих черт. Во-первых, первые годы правления Филиппа VI были омрачены радикализацией сепаратистского движения и каталонским кризисом (референдум о независимости Каталонии), именно поэтому лейтмотивом его обращения стал призыв соблюдать постулаты Конституции 1978 г. и мирно сосуществовать в рамках единого и неделимого государства. Во-вторых, в рождественской речи обязательно присутствует референция к христианским ценностям (любовь к ближнему, толерантность, взаимопомощь, решение вопросов мирным путем и проч.) и к актуальным политическим событиям, определяющим жизнь страны в целом и жизнь отдельных индивидуумов. В-третьих, обращения главы государства ориентированы на достижение согласия в обществе, поэтому не упоминаются темы, способные затронуть чьи-либо чувства, а также высказываются идеи, с которыми сложно поспорить (отсылка к социальным и моральным ценностям). На лексическом уровне эта тенденция выражается в многократном использовании понятий с положительным, но размытым значением: «солидарность» (*solidaridad*), «справедливость» (*justicia*), «свобода» (*libertad*), «равенство» (*igualdad*), «мирное сосуществование» (*convivencia*) и проч.

Образ страны

Образ страны – сложное и многогранное явление, имеющее большое значение не только для формирования национальной идентичности граждан, но и для восприятия страны извне. Политические лидеры (в том числе главы государств) стремятся создать привлекательный образ страны как для своих граждан, так и для внешнего мира. Это необходимо, с одной стороны, для нормального социально-психологического самочувствия граждан и обеспечения сплоченности населения, а с другой – для установления благоприятных внешних контактов и привлечения капиталов и туристов.

На протяжении рассматриваемого периода в рождественских посланиях последовательно создается образ сильной и развитой в экономическом и социальном плане страны, ставшей важным политическим игроком на международной арене и примером для подражания (*una nació respetada y apreciada en el mundo*). Испания предстает как стабильное государство, в котором смена власти осуществляется в соответствии с демократическими принципами правления, уважаются права и свободы личности (*nuestro Estado de Derecho, nuestro Estado de Bienestar*) и господствуют справедливость и порядок.

Испания представляет собой неотъемлемую часть Европы, активно участвует в строительстве «европейского проекта» и является для нее значимым партнером (Европа выступает как союзник):

Hoy, más que nunca, somos parte fundamental de un proyecto europeo... – Сегодня, как никогда ранее, мы являемся частью европейского проекта... (2014);

Somos, además, una nación respetada y apreciada en el mundo... – Кроме того, нас уважают и ценят на мировой арене... (2014);

Somos una parte esencial de una Unión Europea... – Мы являемся важной частью Европейского Союза... (2017).

Идея будущего связана с определением миссии страны и стоящих перед обществом задач, выступающих квинтэссенцией смысла существования государства в мировом масштабе и одновременно играющих важную роль в объединении всех граждан. Среди целей, которые обозначает Филипп VI в рождественских посланиях, можно выделить следующие: достижение духовного единства общества, сохранение территориальной целостности (единство в многообразии), борьба с коррупцией и безработицей, создание достойных условий труда, развитие государства всеобщего благосостояния, укрепление демократических институтов, сохранение существующего режима правления. Их достижение сопряжено с индивидуальными усилиями каждого, т. е. процветание Испании связывается с идеей единства нации:

[...] persisten situaciones difíciles y complejas que hay que corregir; y que requieren de un compromiso de toda la sociedad para superarlas – [...] до сих пор существуют проблемы и сложности, преодоление которых возможно лишь объединенными усилиями всего общества (2017).

Примечательно, что в роли образа врага выступают исключительно социально-экономические проблемы, с которыми необходимо «бороться». Для выражения этой идеи служит метафорическая модель «Война»:

Es evidente, por tanto, que la lucha contra el paro debe continuar siendo nuestra gran prioridad – Очевидно, что борьба с безработицей должна оставаться первоочередной задачей (2014);

[...] creo en una España decidida a superar las dificultades que, aunque grandes, son también vencibles – [...] я верю, что Испания сможет победить все проблемы, какими бы сложными они ни были (2016).

Оценка итогов уходящего года имеет сдержанный характер и реализуется с помощью прилагательных (*difícil, complejo, complicado*) и существительных негативной окраски (*problemas, dificultades, retos, desafíos*), однако превалирует перечисление достижений общества и страны в целом (*avances, logros, lo que hemos conseguido*). Положительные итоги часто передаются с помощью прилагательных в сравнительной степени широкой семантики (*un país más abierto, más moderno, más justo, más creativo*).

Апелляция к патриотическим чувствам является лейтмотивом каждого рождественского

обращения. Движение вперед возможно лишь с учетом достижений прошлого:

Afortunadamente, no partimos de cero, ni mucho menos, y, por ello, no debemos olvidar lo que hemos conseguido juntos... – К счастью, мы начинаем не с нуля, поэтому мы должны помнить свои достижения... (2014);

Y es también un gran Estado, cuya solidez se basa hoy en unos mismos valores constitucionales que compartimos y unas reglas comunes de convivencia... – Испания – это великое государство, которое зиждется на конституционных принципах и нормах совместного существования... (2015);

Creo sinceramente que hoy vivimos tiempos en los que es más necesario que nunca reconocernos en todo lo que nos une – Я искренне убежден в том, что в настоящее время, как никогда ранее, нам важно ценить то, что нас объединяет (2015);

Ahora debemos valorar con orgullo lo que somos, lo que hemos hecho... – Сейчас мы должны с гордостью ценить наше настоящее и прошлое... (2018).

В речах монарха отсутствует апелляция к авторитетам или национальным героям, однако постоянно упоминается значение Конституции, являющейся основой демократического общества в Испании и залогом процветания государства и общества в целом (*la garantía de una convivencia democrática, ordenada, en paz y libertad*).

Таким образом, в рождественских речах Филиппа VI упоминаются достижения Испании как во внутренней, так и во внешней политике. Создается образ сильного и экономически развитого государства, в котором уважаются права и свободы каждого. В роли союзника выступает Европейский союз, а в роли врага – социально-экономические проблемы (коррупция, безработица, гендерное насилие, региональный сепаратизм), с которыми предлагается бороться совместными усилиями.

Образ народа

В современном политическом дискурсе, функционально-прагматической установкой которого является установление и поддержание отношений доминирования и подчинения (властных отношений), «народ» выступает одним из базовых концептов наряду с такими концептами, как «власть», «политика», «государство» и проч. Согласно словарю С. И. Ожегова слово «народ» имеет несколько значений: 1) нация, народность, национальность; 2) люди или группа людей; 3) население государства, жители страны; 4) основная трудовая масса населения страны. В настоящей работе под образом народа понимаются вербализованные представления о проживающих на территории страны и за ее пределами гражданах.

В рождественских обращениях Филиппа VI создается образ сплоченной, трудолюбивой и самоотверженной нации. В годы экономического кризиса монарх неоднократно подчеркивал мужество, терпение и стойкость простых граждан во имя всеобщего процветания:

Cada Comunidad, cada pueblo y territorio de España, cada ciudadano, han aportado lo mejor de sí mismos en beneficio de todos – Каждый автономный регион, каждый населенный пункт, каждый гражданин привнесли лучшее во имя всеобщего процветания (2014);

*[...] tenemos **capacidad** y **coraje** de sobra... – [...] нам не занимать **талантов** и **мужества**... (2014);*

*[...] he visto... **trabajo duro**, **honesto**, **sacrificado**; **mucha capacidad** y **talento**... – [...] я видел... **упорный**, **честный** и **самоотверженный труд**; **способности** и **таланты**... (2015).*

Благодаря подвигам и достижениям народа Испания стала современным и процветающим государством. Подчеркивая мужество и самоотверженность простых граждан, монарх стремится воодушевить их на дальнейшие подвиги и подчеркнуть свою сопричастность к происходящим событиям.

Образ монарха

Одна из основных функций монарха как верховного главы нации, стоящего над партийной борьбой, заключается в нравственном воздействии на общество, что находит свое непосредственное отражение в текстах его речей и позволяет анализировать их содержание в морализаторском ракурсе. Важность ценностей детерминирована их интегрирующей ролью для функционирования общества в целом. В данном случае Филипп VI выступает как гомилет, использующий религиозные стратегии манипуляции сознанием, и опирается на понятные всем нравственные и этические ценности доминанты (мирное сосуществование, взаимопомощь, взаимопонимание, милосердие, толерантность, трудолюбие, верность, уважение, любовь, соблюдение законов и проч.):

*[...] la necesidad de que cuidemos y mejoremos en todo momento **nuestra convivencia** – [...] необходимость следования принципам **мирного сосуществования** (2016);*

*[...] para que **las reglas que son de todos sean respetadas por todos** – [...] чтобы **правила были для всех и соблюдались всеми** (2018).*

Институциональный (государственный) статус монарха обязывает его к демонстрации политической и идеологической нейтральности:

*[...] en la España constitucional caben **todos los sentimientos y sensibilidades, caben las distintas formas de sentirse español**... – [...] в конституционной Испании есть место для **всевозможных чувств и настроений, есть место для разных***

форм проявления и выражения патриотических чувств... (2015).

Филипп VI также выполняет роль связующего звена между противоборствующими сторонами и неоднократно подчеркивает свою миссию слуги народа. Монарх стремится выстроить доверительные отношения со своими подданными, поэтому обращается к ним в форме второго лица множественного числа (предпочитает форму *vosotros*, используемую для обращения к близким людям, в отличие от формы *ustedes*, используемую в официальной обстановке или для обращения к незнакомым или малознакомым людям, в пиренейском варианте испанского языка). Нередко употребляются глаголы в первом лице множественного числа, что подчеркивает вовлеченность монарха в общее дело:

*Y **sigamos construyendo** todos juntos un proyecto... – **Давайте** все вместе продолжим строительство проекта... (2014);*

***Debemos cortar de raíz y sin contemplaciones la corrupción**... – **Мы должны искоренить раз и навсегда коррупцию**... (2014).*

Филипп VI создает образ заботящегося о своих подданных монарха, который готов их утешить и разделить с ними их горести:

*[...] **no quiero olvidarme de las mujeres que...** sufren la violencia de género – [...] **я хочу вспомнить женщин**, которые стали жертвами насилия (2017);*

***Hoy no quiero dejar de recordar a quienes vivís una situación difícil por razones personales, económicas o sociales**... – **Сегодня я хочу вспомнить тех, кто оказался в тяжелой ситуации** по личным, экономическим или социальным причинам... (2018);*

*[...] nuestro corazón y nuestro pensamiento **están a vuestro lado** – **Наше сердце и наши мысли вместе с вами** (2018);*

*Todas estas cuestiones... **nos siguen preocupando**... – Все эти вопросы... **продолжают нас волновать**... (2018).*

Примечательно, что Филипп VI в своей первой рождественской речи (от 24 декабря 2014 г.) благодарит своих подданных за поддержку и любовь, тем самым подчеркивая, что есть часть населения, которая выступает за сохранение монархического режима правления и не готова к переменам:

*[...] me habéis rodeado de **vuestro respeto, afecto y cariño**. Sinceramente, **me he sentido querido y apreciado**... – [...] вы меня окружили **уважением, заботой и любовью**. Я **почувствовал, что вы меня любите и цените**... (2014).*

Особое внимание уделяется институту семьи, которая выступает символом стабильности государства (особенно в годы экономического кризиса) и по-прежнему играет исключительную роль в современном обществе. Уважение к старшим, взаимопомощь, поддержка близких, преемственность поколений – ключевые идеи,

транслируемые монархом. Такая позиция обязывает говорящего быть искренним и непосредственно влияет на его образ: степень убеждения во многом зависит не только от одномоментной правдивости и искренности речи, но и закономерно переносится на все прошлые и будущие деяния личности. Именно поэтому в средствах массовой информации и социальных сетях создается образ идеальной семьи Филиппа VI, которая может служить примером для подражания (крепкий брак, постоянная забота о детях, взаимоуважение и проч.).

Совокупность проанализированных текстов рождественских посланий Филиппа VI (с 2014 по 2018 г.) можно воспринимать как ритуальный жанр политического дискурса, разворачивающийся во времени и пространстве и связанный при этом с ценностными установками общества. К важнейшим характеристикам данных выступлений относятся их ориентированность на достижение консенсуса в обществе, трансляция базовых ценностей и создание благоприятного образа адресата и адресанта.

Рождественские обращения Филиппа являются отлично проработанными с точки зрения ораторского мастерства речи, основная цель их заключается в убеждении граждан в необходимости сохранения статуса-кво (института монархии) и соблюдения принципов мирного сосуществования в рамках единого и неделимого государства (особенно актуально в связи с каталонским кризисом). Тексты посланий характеризуются нейтральной экспрессивностью, взвешенностью и продуманностью употребления языковых средств выразительности, что обеспечивает доступность их восприятия самой

широкой зрительской аудиторией и обусловлено желанием установить доверительные отношения между главой государства и гражданами на новом этапе развития страны, когда требуется обновление института монархии и сокращение дистанции между властными структурами и обществом. На протяжении выбранного периода последовательно создается положительный образ нации и государства, в котором монарх выполняет роль посредника между противоборствующими сторонами, а также выступает хранителем и гарантом коллективной идентичности, спокойствия и порядка в обществе.

Примечания

- 1 См.: Шестопап Е. Образ и имидж в политическом восприятии : актуальные проблемы исследования // Образы государств, наций и лидеров / под ред. Е. Б. Шестопап. М., 2008. С. 8–24.
- 2 См.: Кубрякова Е. К определению понятия имиджа // Вопр. когнитивной лингвистики. 2008. № 1. С. 5–11.
- 3 См.: Гравер А. Образ, имидж и бренд страны : понятия и направления исследования // Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2012. № 3 (19). С. 29–45.
- 4 См.: Швецова М. Роль СМИ в конструировании образа страны // Проблемы истории, филологии, культуры. 2012. № 3 (37). С. 288–298.
- 5 См.: Семенов И. Образы и имиджи в дискурсе национальной идентичности // Полис. 2008. № 5. С. 7–18.
- 6 См.: Гравер А. Указ соч. С. 39.
- 7 См.: Фадеева Г. Рождественское телеобращение главы государства как медиасобытие // Вестн. МГЛУ. 2016. Вып. 7 (746). С. 273–285.

Образец для цитирования:

Селиванова И. В. Отражение образа страны в рождественском послании испанского монарха // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2020. Т. 20, вып. 2. С. 153–157. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-2-153-157>

Cite this article as:

Selivanova I. V. Spain's Image Representation in the Spanish King's Christmas Messages. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2020, vol. 20, iss. 2, pp. 153–157 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-2-153-157>

УДК 398.831(470+571)+398.831(430)

Фоносемантические связи в детских колыбельных (на материале русского и немецкого языков)

А. А. Ермакова

Ермакова Анна Александровна, аспирант кафедры русского и латинского языков, Саратовский государственный медицинский университет им. В. И. Разумовского, anna5fox@bk.ru

На основе современных представлений о роли межчувственных ассоциаций в сознании носителей языка ставится проблема определения универсальных черт и национальной специфики звуковой картины мира на материале фольклорных текстов для детей на русском и немецком языках. Комплексный анализ звуковой и буквенной структуры 60 колыбельных песен выявил статистически значимые отклонения от средней частотности звуков, букв и звукокомплексов; сделаны выводы о взаимосвязи фоносемантических элементов.

Ключевые слова: фоносемантика, русский и немецкий фольклор, колыбельные, межчувственные ассоциации, синестезия.

Phonosemantic Associations in Lullabies (On the Material of the Russian and German Languages)

A. A. Ermakova

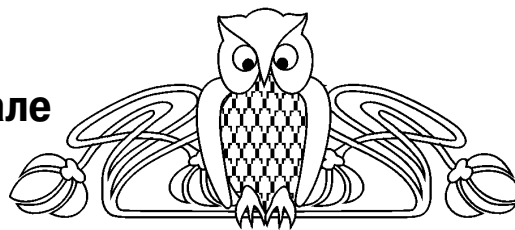
Anna A. Ermakova, <https://orcid.org/0000-0001-7402-6543>, V. I. Razumovsky Saratov State Medical University, 112 Bolshaya Kazachia St., Saratov 410012, Russia, anna5fox@bk.ru

Based on modern ideas about the role of intersensory associations in the minds of native speakers, the problem of determining the universal characteristics and national specific features of the sound picture of the world is posed on the material of folklore texts for children in Russian and German languages. A comprehensive analysis of the sound and alphabetic structure of 60 lullabies has been performed, statistically significant deviations from the average frequency of sounds, letters and sound complexes have been found; conclusions about the relationship of phonosemantic elements have been drawn.

Keywords: phonosemantics, Russian and German folklore, lullabies, intersensory associations, synesthesia.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-2-158-162>

Исследования синестезии (Сз) как многослойного системного механизма, в основе которого лежит процесс эмоционального обобщения, давно уже вышли за пределы одной науки: изучение идет в рамках и методами клинической медицины (тактильная Сз включена ВОЗ в перечень симптомов), нейрофизиологии (работают центры в Великобритании, США, Канаде, Австралии, Германии), клинической психологии, музыковедения, культурологии, искусствоведения, литературоведения, психолингвистики. Феномен включает в себя как полностью индивидуализированное произвольное психофизиологическое явление (по разным данным, его

испытывает от 0,05 до 4,0% населения планеты), так и межчувственные ассоциации, проявление метафорического мышления человека, которые чрезвычайно широко исследуются и интерпретируются, но до последнего времени не имели общепринятого названия, что вызывало споры и недопонимание среди отечественных и зарубежных исследователей Сз. В последнее десятилетие наметилось существенное изменение ситуации: Д. Николитч¹ из института Макса Планка предложил термин «идеастезия» (ideaesthesia), все активнее принимаемый научным сообществом. По сути, понятие синестезии, появившееся в работах С. В. Воронина² и затем используемое Л. П. Прокофьевой³ для обозначения межчувственного образного мышления, является составной частью идеастезии, подчеркивая участие эмоций.

Выделение в начале 1980-х гг. фоносемантики как самостоятельного раздела психолингвистики продвинуло вперед методологию лингвистических исследований, предложив инструмент многофакторного анализа слов, потенциально содержащих звуко-символическую информацию. Остается важной проблема определения единиц, носителей звуко-символического смысла. По-прежнему в современных работах обнаруживается весьма широкий разброс от звуков, звуковых сочетаний, фонем, графем, звукобукв до звуковых комплексов или фонем, понимаемых как «фонема или комплекс фонем, общий для группы слов и имеющий общий элемент значения или функцию»⁴. В работах известного исследователя звукового символизма в германских языках В. В. Левицкого была разработана статистическая методика выявления семантико-фонетических корреляций звукокомплексов в английском и в немецком языках, что позволило закрепить за фонемами определенные значения⁵. Работа над составлением словаря идет в разных национальных исследовательских коллективах⁶, причем немецкий язык с этой точки зрения все активнее и активнее изучается в последние десятилетия (С. С. Шляхова, О. В. Шестакова, М. Д. Зимова, С. А. Филимоненко и др.)⁷, сбор начальных и конечных фонем, актуальных для настоящей работы, продолжается. На этапе выдвижения гипотезы актуальной является проверка вводных параметров (звуки, фонемы, буквы русского и немецкого языков).

Материалом, который все чаще привлекает внимание исследователей фоносемантики, становится фольклорный текст, так как именно там

возможно найти основы изначальной, отприродной связи между формой языкового знака и его содержанием. Особое место занимают тексты для детей, которые не разграничивают звуковую биосферу и семиосферу, наделяя звучащим целовеческим языком любой биологический и семиотический объект⁸, тем самым предоставляя возможность передавать информацию, которую они способны воспринимать. С. В. Воронин полагал, что для взрослого несущественно, обладает слово образной мотивированностью или нет⁹, но ребенок в слове, в звуке всегда ищет правильное для его понимания отражение действительности.

С. Н. Цейтлин не раз подчеркивала, что «дети реагируют на просодиду, которая кодирует эмоции»¹⁰. Известный детский психолог Н. Х. Швачкин, изучающий процессы развития фонематического восприятия речи ребенком, делает выводы о том, что ребенок усваивает фонетическую сторону в определенной последовательности: сначала интонацию, затем ритм и лишь только после года – звуковой состав слова: «Семантической особенности начального периода в развитии детской речи соответствует его фонетическая особенность. <...> Не фонема (являющаяся фонетической единицей словесной речи), а интонация, ритм, а затем и общий звуковой рисунок слов получают в этот период семантическую нагрузку»¹¹. Исследования на материале немецкого языка также подтверждают, что очень рано, еще в доречевой стадии – в возрасте двенадцати-восемнадцати месяцев, в вокализациях ребенка уже можно наблюдать лингвоспецифические особенности системы ударения, что во многом связано с эмоциональным восприятием звуковой стороны речи у детей этого возраста¹².

Звукоизобразительность (ЗИ), обобщает И. Ю. Павловская, «является естественным свойством детской речи, поскольку именно на ранних стадиях действительности в звукоподражаниях наиболее определенно выражена связь образа звучащего слова с образом предмета. Поэтому закономерным является использование ЗИ в текстах детских произведений, где она является дополнительным способом описания тех или иных явлений. Как осознанный возврат к утраченной в процессе филогенеза и онтогенеза фоносемантической праснове речевой коммуникации закономерным является использование ЗИ в речи, обращенной к детям, в частности, в детской литературе и в лингводидактике»¹³. Нам чрезвычайно близка такая позиция, поскольку она определяет актуальность исследования данного типа текстов средствами и методами фоносемантики.

Цель исследования состоит в выявлении, всестороннем описании и классификации фоносемантических особенностей фольклорных текстов для детей в немецкой и русской лингвокультурах для выявления их универсальных черт и национальной специфики звуковой картины

мира. Задача работы – выявление значимых фоносемантических средств, используемых в популярных колыбельных в двух неблизкородственных языках.

Материалом настоящего исследования стали 60 фольклорных текстов, предназначенных для устного воспроизведения, а именно колыбельные песни для самых маленьких из популярных сборников¹⁴. Колыбельные представляют собой уникальный, национально специфичный набор, тем не менее, универсально представленный практически во всех существующих культурах. Один из составителей сборников немецкого детского фольклора Ф. Бёме отмечал уже в 1897 г., что «можно в колыбельных песнях найти необъяснимую игру со слогами и Säusellaute ‘нашептывающие’ звуки для убаюкивания; от звукоподражания к словообразованию (ономатопея) народ во все времена выражал к этому симпатию»¹⁵.

Для проверки гипотезы, что тексты для детей на русском и немецком языках имеют общие и специфические черты, зафиксированные на уровне фоносемантики, был разработан постановочный эксперимент, включающий комплексный статистический анализ ритмомелодической структуры текстов, их лексико-семантический анализ, а также предварительное распределение статистически значимых звуков, фонем и звукокомплексов в немецких текстах и компьютерный анализ звукобуквенной структуры русских колыбельных. Предварительный анализ метра и ритма позволил выделить наиболее типичные для русских хорей (63%), анапест (27%), ямба (10%) и немецких хорей (90%), ямба (10%) колыбельных, тем самым частично подтвердив данные Д. С. Ивахнова¹⁶ и предположения К. И. Чуковского о значимости двудольных размеров, совпадающих ритмически с движениями играющего ребенка. Расхождения касаются трехдольных размеров, которые, по нашим наблюдениям, дополняют исходную семантику равномерности двудольных, добавляя контрастные ритмы и протосмыслы. Именно этот ритм используется в немногочисленных русских колыбельных, содержащих угрозу. Лексико-семантический анализ позволил выделить тематические группы, проанализировав их общие и специфические составляющие.

Далее был проведен подробный сравнительный статистический анализ корпуса колыбельных на русском и немецком языках на уровне графонов, причем русские тексты были обработаны с помощью программы «Звукоцвет»¹⁷, немецкая версия программы находится в настоящее время в разработке. На начальном этапе исследования значимым является сравнение уже имеющихся данных о средней частотности графонов с полученными в ходе корпусного анализа, после чего возможно уточнение и дополнение теоретических сведений по двум языкам. Для

наглядности приведем статистические данные по средней встречаемости графонов в русском и немецком, выделив жирным шрифтом самые частотные, курсивом – соотносимые частотности по двум языкам (табл. 1). Так, наиболее частыми в русском являются С, Е, Н, О, В, А, Л, И, Т, Р, а в немецком E, N, I, S, T, A, H, D, U, охватывающие около 67 и 73% соответственно. Таким образом, остальные 33 и 27% малочастотных графонов становятся в тексте высокоинформативными с точки зрения фоносемантики. В тексте статьи все ссылки на текстовую частотность графонов будут приводиться в сравнении со средними показателями. Эти сведения в комплексе с потенциальной значимостью фонем, графонов, предложенной в работах многочисленных исследователей фоносемантики, стали базой настоящего исследования.

А. Б. Михалев на основе сравнительного анализа общего индоевропейского фонда корней составил сводную таблицу потенциальных значений фонем, в которой указывал на их синестетическое развитие¹⁸. В частности, фонемы <G/K>, по его мнению, могут передавать пейоративное презрительно-уничтожительное значение. В нашем материале фонема <k>, передаваемая отдельной буквой или в составе сочетаний, показала 43% встречаемости от всего объема материала. Обнаружены выходящие за пределы случайных совпадения семантики и фонетики. Так, ‘презрение’ выражалось в значении размера: *kleiner Hadersack* – маленький нищерброд, *kleiner Dicksack* – маленький пузан, *kleiner Küttelsack* – маленький мешок с потрохами, *grosskopfets Kind* – Филиппок (большеголовый ребенок), *mit seinem großen ledernen Sack, wo er die Kinder reinsteckt* – со своим большим кожаным мешком, куда он засовывает детей; в значении ожидания порки, ударов, боли: *Dann kriegen die Kinder Klapp Klappfisch* – Затем детям порка предстоит. Отметим, что в статистическом исследовании Ю. А. Тамбовцева смычные шумные занимают вторую позицию по частотности¹⁹.

Фонемы <D/T> представлены у А. Б. Михалева в значении синестетического развития

как ‘плотный’, ‘густой’, а в артикуляционно-символическом значении – ‘твердость’, ‘преграда’, ‘протыкание’, ‘напряжение’, ‘давление’. В нашем материале фонема <d> показала самый большой процент встречаемости – 70%, а <t> – 13%, что также согласуется с данными Ю. А. Тамбовцева. Слова с <t> и <d> регулярно связаны в колыбельных с проявлением семантики утешения и напряжения: *der hat einen langen Schlitten mit, Und nimmt die bösen Kinder mit* – У нее с собой длинные санки, Забирает с собой злых детей она; ... *dass die Trud dich nicht drückt* – чтобы тебя колдунья не удавила; ... *bläst uns alle Federn raus, und endlich gar die Augen aus* – выдует все перья и наконец глаза; ... *wärs du grösser, dann schlüge ich dich* – был бы ты больше, я ударила бы тебя тогда. Обращает на себя внимание факт, что средняя встречаемость <d> в немецком языке составляет 49% (в отличие от 43% в английском и 37% в русском), а <t> – 56% (90 и 75%), т. е. налицо в одном случае усиление, в другом ослабление

Фонемы <V/F> у А. Б. Михалева показали синестетическое развитие в значении ‘протекание’, ‘течение’, ‘выход’, ‘вход’. Наше исследование выявило 17% присутствия фонемы <v>, тогда как фонема <f> статистически значимо не проявилась. Отмечено частотное использование глагола *wiegen* – качать, существительного *Wiege* – колыбель, причем благодаря словесным и звуковым повторам создается впечатление движения покачивания, успокоения *sie wieget ihr Kind, sie wieget's mit ihrer schneeweißen Hand*. По данным Ю. А. Тамбовцева, по частотности щелевые шумные и звонкие шумные находятся на 4-м и 5-м месте встречаемости.

Фонемы <ç> и <ʃ> демонстрируют у А. Б. Михалева синестетическое развитие в такие значения, как ‘диффузность’, ‘дисперсность’. В нашем исследовании они составили 40% от общего объема колыбельных. Фонема <ʃ> также используется в немецких колыбельных во фрагментах, связанных с семантикой утешения, отмечено частое использование слова *schwarz* – черный. *Dann kommt das schwarz und beisst es*

Данные о средней частотности графонов русского и немецкого языков, %

Графоны русского языка	Графоны немецкого языка	Графоны русского языка	Графоны немецкого языка	Графоны русского языка	Графоны немецкого языка
А 9,5	А 5,58	Ж 0,8	Ј 0,24	С 4,9	Ѕ 6,42
Б 1,8	<i>В 1,96</i>	К 3,3	К 1,32	Т 7,5	Т 5,79
Ц 0,4	С 3,16	<i>Л 3,7</i>	<i>Л 3,6</i>	У 2,9	U 3,83
Д 3,7	Д 4,98	<i>М 3,2</i>	<i>М 2,55</i>	В 3,9	В 0,84
Е+Ё 8,9	Е 16,93	Н 6,4	Н 10,53		W 1,78
Ф 0,3	Ф 1,49	О 10,4	О 2,24		Х 0,05
Г 1,5	Г 3,02	П 2,6	Р 0,67	Й 1,3	У 0,05
Х 0,9	Н 4,98		Q 0,02	<i>З 1,5</i>	<i>З 1,21</i>
И 5,6	І 8,02	Р 3,8	Р 6,89	Ч 2	
Ш 1,2		Щ 0,3		Ы 1,6	
Э 0,5		Ю 0,6		Я 2,4	

– Тогда придет черная и укусит его (ребенка), *schlagen* – бить. Фонема <ç> используется часто в уменьшительно-ласкательных суффиксах *-chen* и сглаживает в колыбельных угрозу либо напасть или сулит какой-то дар, вознаграждение ребенку за то, что он уснет, *Wämschen* – фуфаячка, хотя *Wamse* однокоренное слово обозначает побои.

В русских колыбельных песнях автоматизированный анализ корпуса текстов показал устойчивые показатели, не выходящие за пределы средних при работе с метатекстом колыбельных и значительные изменения частотности в каждом отдельном тексте. Так, самой активной оказалась звукобуква *K*, по данным А. П. Журавлева, связанная со значениями ‘тусклый’, ‘устрашающий’, ‘шероховатый’²⁰.

В 23 колыбельных из 30 повышенную частотность продемонстрировала звукобуква *O*, которая и так занимает первое место в ранге частотностей с индексом 10,4, но в 77% от общего количества колыбельных ее частотность поднималась до 25, что с высокой степенью вероятности связано с напевностью успокаивающей речи (иногда в сочетании с *У*): *У мово ли у дитя Одеядечко тепло, Одеядечко тепло, Соболиное*. Тем не менее звукобуква также оказалась активной в контекстах с семантикой угрозы: *Угомон тебя возьми; Колотушек надаю;... волчок, ... за бочок, злой старичок, хворостинкой посечёт*.

Еще две малочастотные в обычной речи звукобуквы проявили свою активность в 23% текстов нашего материала – *Ч* и *Ш*: свистящий звук частотно используется для усыпления и успокоения ребенка, создавая атмосферу мягкости и диффузности. По данным А. П. Журавлева, в языковом сознании они связаны со значением страха, но, тем не менее, в «страшных» в семантическом отношении текстах в нашем материале их звучание нивелировалось сонорными *Л*, *М* и лабиальным *О*: *Баюшки, баю! Не ложися на краю: Тебя мышка съест, А коровка – под бочка, Не даст молочка*. При этом в тексте с прямым пожеланием ребенку смерти вообще нет ни одного звука с предполагаемой протосемантикой страха: *Бай-бай да люли, Хоть сегодня умри. Завтра мороз, Снесут на погост. Мы поплачем-повоем, В могилу зароем*.

Обнаружилась параллель с немецкими колыбельными в отношении сочетания *АЙ*: в русских колыбельных оно представлено 23%, *бай бай бай, качай*. При пропевании, как правило, этот звук удлиняется до *аааай*, *поскорее засыпаай*, *баю-бааай* и служит во многом для создания монотонного ритма. И в немецком языке необходимо отметить использование дифтонга [ai], который представлен в нашем исследовании 60%, что во многом связано с активным функционированием уменьшительно-ласкательного суффикса *-lein* и прилагательного *klein* – маленький. *Schlaf, mein kleiner Brummelbär* – За-

сыпай, мой маленький ворчун. В исследуемом материале наблюдается разная эмоциональная нагрузка: это или выражение нежности и любви к ребенку: *äuglein* ‘глазки’, *kindlein, kindchen* ‘малыш’, *büblein* ‘мальчик’, *töchterlein* ‘доченька’, *zuckerlein* ‘сахарок’, *herzliebtes kindelein* ‘дорогой сердцу малыш’, или усмешка и ирония: *sünderlein* ‘безбожник’, *hinterlein* ‘попка’. Высокий процент встречаемости свидетельствует о том, что эта семантическая амбивалентность программируется на уровне фоносемантики. Не вызывает сомнений, что звуковой состав морфем содержит звуко-символический потенциал, но исследования в данной области начались совсем недавно и накопленных данных недостаточно, чтобы делать существенные выводы.

Активное использование в русских колыбельных суффиксов-димиутивов *-ик-*, *-ок-*, *-ец-*, *-иц-*, *-оньк-*, *-еньк-*, *-очк-*, *-ечк-*, *-ышк-*, *-ишк-*, *-ушк-*, *-юшк-* служат разным целям – от выражения нежности и любви, как в случаях с обращениями, так и для усиления осязательных, тактильных ощущений тепла – *постелюшка, пуховенькая, одеядечко, перинушка*. Уменьшительно-ласкательные суффиксы используются и в номинациях. Здесь практически нет императивных обращений «ты», «дитя», «ребенок», «малыш», как в немецких колыбельных, зато активны *Сашенька, Аннушка, Сереженька, Ванюшка*. Анна Вежбицкая, описывая экспрессивную деривацию русских имен, отмечала, что «в русской культурной традиции исключительно важную роль играет степень интимности личных отношений»²¹. Интересно, что Е. В. Сундуева, изучая звуко-символический потенциал корневых морфем в монгольских языках, также заметила возможности звуков аффиксов последовательно выражать устойчивые значения, передавая определенные идеи в пределах семантических групп слов²². Безусловно, эта работа должна быть продолжена.

Таким образом, проективный анализ корпуса текстов детских фольклорных песен для самых маленьких в русской и немецкой лингвокультурах с точки зрения отражения в них синестетической информации на уровне лексики и фонетики показал, что отдельные звуки, фонемы, звукобуквы, могут иметь устойчивую статистически значимую связь с некоторыми семантическими областями. Их изучение, систематизация и интерпретация могут приблизить к пониманию древнего коммуникативного кода, служащего, по мнению С. С. Шляховой, средством связи между «тем» и «этим» миром.

Примечания

¹ См.: *Nikolić D.* Is synaesthesia actually ideaesthesia? An inquiry into the nature of the phenomenon // Proceedings of the Third International Congress on Synaesthesia, Science & Art. Granada, Spain, April 26–29, 2009. URL: <http://>

- www.danko-nikolic.com/wp-content/uploads/2011/09/Synesthesia2009-Nikolic-Ideaesthesia.pdf (дата обращения: 13.12.2019).
- ² См.: Воронин С. Основы фоносемантики. Л., 1982.
 - ³ См.: Прокофьева Л. Звуко-цветовая ассоциативность : универсальное, национальное, индивидуальное. Саратов, 2007.
 - ⁴ Householder F. On the Problem of Sound and Meaning, an English Phonestheme // Word. 1946. № 2. P. 83–84.
 - ⁵ См.: Левицкий В. Семантичні і стилістичні функції початкових сполучень фонем у німецькій мові // Иноземна філологія. 1986. Вип. 81. С. 75–80.
 - ⁶ См.: Magnus M. Gods of the word. Kirksville, 2001.
 - ⁷ См.: Shlyakhova S., Shestakova O. Specificity of German-Russian Dictionary of Onomatopoeias // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2015. Vol. 6, № 3. P. 380–387. DOI: 10.5901/mjss.2015.v6n3s2p380
 - ⁸ См.: Шляхова С. Фоносемантическая картина мира : к постановке проблемы // Филологические заметки. 2014. № 1. С. 183–192.
 - ⁹ См.: Воронин С. Указ. соч. Л., 1982.
 - ¹⁰ Цейтлин С. Язык и ребенок : Лингвистика детской речи : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М., 2000. С. 74.
 - ¹¹ Швачкин Н. Развитие фонематического восприятия речи в раннем возрасте // Возрастная психолінгвістика : хрестоматія / сост. К. Ф. Седов. М., 2004. С. 115.
 - ¹² См.: Röhr-Sendmeier U. Die Entwicklung frühkindlicher Vokalproduktionen aus phonetischer Perspektive // Zeitschrift für Angewandte Linguistik. Heft 42. Frankfurt a/M., 2005. S. 63–81.
 - ¹³ Павловская И. Фоносемантический анализ некоторых произведений английской художественной литературы и их перевода на русский язык // Вестн. ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2011. Т. 7, № 4. С. 196.
 - ¹⁴ См.: Böhme F. (Hg.): Deutsches Kinderlied und Kinderspiel. Volksüberlieferungen aus allen Landen deutscher Zunge, gesammelt, geordnet und mit Angabe der Quellen, erläuternden Anmerkungen und den dazugehörigen Melodien. Leipzig, 1897 ; Русский фольклор / сост. В. П. Аникин. М., 1985.
 - ¹⁵ Böhme F. Op. cit. S. 16.
 - ¹⁶ См.: Ивахнов Д. Психолінгвістическое исследование корреляций общесемантической и ритмической структуры текста : дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1987.
 - ¹⁷ См.: Прокофьева Л., Миронова Т., Пластун И. Программный продукт Звукоцвет : программа фоносемантического анализа текста № госрегистрации 0321300648. Саратов : Саратовский ГМУ им. В. И. Разумовского Минздрава России, 2013.
 - ¹⁸ См.: Михалев А. Теория фоносемантического поля. Двадцать лет спустя. Пятигорск, 2018.
 - ¹⁹ См.: Тамбовцев Ю. Компендиум статистических характеристик функционирования согласных фонем в звуковой цепочке английского, немецкого, французского и других индоевропейских языков. Новосибирск, 2001.
 - ²⁰ Журавлев А. Фонетическое значение. Л., 1974. С. 46.
 - ²¹ Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1996. С. 49.
 - ²² См.: Сундуева Е. Звуки и образы : фоносемантическое исследование лексем с корневыми согласными [r/m] в монгольских языках. Улан-Удэ, 2011.

Образец для цитирования:

Ермакова А. А. Фоносемантические связи в детских колыбельных (на материале русского и немецкого языков) // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2020. Т. 20, вып. 2. С. 158–162. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-2-158-162>

Cite this article as:

Ermakova A. A. Phonosemantic Associations in Lullabies (On the Material of the Russian and German Languages). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2020, vol. 20, iss. 2, pp. 158–162 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-2-158-162>

УДК 821.09-3+398.21(4)

Диалект в немецкоязычных сказках (актуальность исследования и примеры интерпретации)

В. Б. Меркурьева, Н. С. Новолодская

Меркурьева Вера Брониславовна, доктор филологических наук, профессор кафедры романо-германской филологии, Иркутский государственный университет, vbmerk@yandex.ru

Новолодская Наталья Сергеевна, аспирант кафедры романо-германской филологии, Иркутский государственный университет, indigos@mail.ru

В статье изучается немецкий диалект, который в последнее время привлекает все большее внимание в немецкоязычных странах. Сегодня там популярен жанр устного рассказывания сказок, причем изложение и представление сказок все чаще происходит на диалекте. Авторы статьи анализируют использование отдельных диалектизмов на примере интерпретации двух немецких сказок братьев Гримм, в которых употребляются отдельные диалектные слова из платтдойч и гессенского диалекта, выявляются их функции в тексте.

Ключевые слова: диалект, диалектизм, сказка, интерпретация, функции диалектизмов.

Dialect in German Language Fairy Tales (Study Relevance and Interpretation Examples)

V. B. Merkurjeva, N. S. Novolodskaya

Vera B. Merkurjeva, <https://orcid.org/0000-0002-1326-1002>, Irkutsk State University, 8 Lenin St., Irkutsk 664025, Russia, vbmerk@yandex.ru

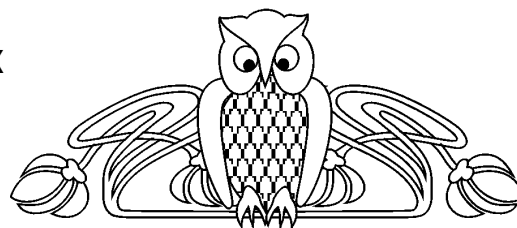
Nataliya S. Novolodskaya, <https://orcid.org/0000-0002-4685-9967>, Irkutsk State University, 8 Lenin St., Irkutsk 664025, Russia, indigos@mail.ru

The article deals with the German dialect, which has recently been drawing the increasing amount of attention in German-speaking countries. Nowadays, the verbal genre of telling fairy tales is popular there, and fairy tales are related and represented by means of dialect more frequently. The authors of the article analyze the use of different dialecticisms and their textual functions on the example of the interpretation of two of the brothers Grimms' fairy tales, in which separate dialect words from the Plattdeutch and the Hessen dialect are used.

Keywords: dialect, dialecticism, fairy tale, interpretation, functions of dialecticisms.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-2-163-167>

Использование диалекта в драматическом роде литературы (на материале немецкого языка) изучалось в последнее время в России и за рубежом достаточно интенсивно¹. Сегодня на повестке дня исследование диалектизмов в немецкоязычной сказке (эпический род литературы). Это

обстоятельство и обуславливает актуальность данной статьи.

Многие современные немецкие, швейцарские и австрийские писатели, желая приблизиться к народу, нередко прибегают к написанию сказок на диалекте и популяризируют его. Зачастую авторами, пишущими на диалекте, становятся учителя, священники, работники радио и телевидения. Так, директор цюрихского радио и автор радиопередачи «Nilo's Märli» Данило Неве пишет сценарии для своих радиопередач и рассказывает сказки на диалекте. Во время учёбы он изучал воздействие сказки на психологическое развитие детей. Результатом его исследований стала идея радиопостановок на диалекте².

Тони Лауерер, известный своими книгами, радиопередачами, театральными пьесами на баварском диалекте, перевел 15 сказок братьев Гримм на баварский. Диалект он называет частью идентичности, а человека, не знающего свой родной диалект, сравнивает с деревом, которое вырвали с корнями³. Рассказчик Мартин Рауш более двух десятилетий восхищает публику своими историями на подлинном диалекте⁴.

В рамках фестиваля баварской и молодёжной культуры «Замма» в Киминге проводятся встречи, во время которых проходит чтение сказок на диалекте. Организаторы фестиваля подчёркивают важность местного диалекта, говорят о том, что владение диалектом делает носителя культуры умнее, находчивее, что подтверждается исследованием по программе «Пиза». Цель фестиваля заключается в том, чтобы молодые люди почувствовали «вкус диалекта», чтобы они его по-настоящему полюбили. Фриц Майр читает сказки на баварском диалекте вместе с бывшим органистом собора Хубертом Хубером⁵.

От Сиги Гётце молодые исследователи диалекта могут многое узнать о происхождении и значении некоторых слов, имён и фамилий. Организаторы предлагают гостям взять с собой небольшое стихотворение или текст на баварском диалекте, чтобы исполнить его совместно с мужским хором Грабенштета⁶. В Гайслинге Хуберт Тремл пересказал сказки Гримма на баварском диалекте и выпустил дюжину новых версий на CD.

Фриц Эмке со своими коллегами продвигают гессенский диалект, записывая компакт-диски с известными сказками на местном гессенском диалекте. Они разрабатывают проект под назва-

нием «Императорская башня – сердце диалекта» (Kaiserturm – ein Herz für die Mundart). В рамках проекта они записали почти 20 историй в студии председателя Фрица Эмке в Лютцельбахе.

Исполнители перевели сказки на местные диалекты. Карин Кремер исполнила свою любимую сказку «Красная Шапочка» и подчеркнула необходимость сохранения и использования диалекта. Она перевела сказку на гессенский диалект спонтанно в процессе работы. Но это было не совсем просто, признает она: «Uff oamol geht des net. Do muss mer schun roag moal iewe»⁷ (С первого раза это не получается. Приходилось дважды делать попытку) (здесь и далее перевод наш. – Авт.).

В Зигсдорфе устраивают бесплатные вечера для любителей сказок братьев Гримм на берегах реки Траун. Рассказчица Моника Эйгнер представляет сказки на баварском диалекте⁸.

В свое время братья Гримм в предисловии к своему первому изданию собрания сказок заметили, что они были бы счастливы, если бы писали сказки на диалекте, в котором отражаются и ощущаются все нюансы языка, красота и стиль. Именно использование диалекта, с их точки зрения, придаёт тексту неповторимую окраску. Сказки на диалекте эффективнее, ярче, красочнее. В диалекте, по мнению ученых – собирателей сказок, отражается самобытность народа⁹.

Современные немецкие писатели создают свои произведения не только на диалекте, также они включают в тексты на литературном языке отдельные диалектные вкрапления. Диалектизмы в художественных текстах выполняют определенные функции. При чтении реципиент вникает в общее содержание, но чтобы полностью понять замысел автора, раскрыть суть этого замысла, необходимо правильно интерпретировать употребляемые слова, в частности диалектизмы, так как за этими диалектизмами порой скрывается дополнительный смысл.

В качестве примера приведем интерпретацию сказки братьев Гримм «Von dem Fischer und seiner Frau» и встречающихся в ней диалектизмов.

Версию сказки «Von dem Fischer und seiner Frau» братья Гримм получили на переднепоморанском диалекте (платтдойч) от Филиппа Отто Рунге. Сегодня эта сказка приобретает особую актуальность вследствие показа в ней отношения человека к природе. Здесь иносказательно транслируется мысль о том, что, если человек эксплуатирует природу, в конце концов он несет невосполнимые потери.

В данной сказке речь идет о рыбаке, который однажды поймал волшебную рыбку. Рыбка попросила мужчину отпустить ее, что тот и сделал. Придя домой, он сказал жене, что поймал рыбу, но потом отпустил, она была волшебной и умела говорить. Жена была возмущена непрактичностью мужа, потребовала, чтобы он попро-

сил замену их халупы в качестве вознаграждения за представленную рыбе свободу. Утром рыбак пошел к берегу и исполнил волю жены. Рыбак вынужден был ходить на берег моря и предъявлять все новые и новые требования рыбе, так как он не хотел перечить своей жене. Жена рыбака отправляла его к рыбке шесть раз, требуя сначала новую хижину, затем замок. Потребности её все возрастали. После кардинального улучшения жилищных условий она захотела стать королём, (именно королём, а не королевой), затем кайзером и папой римским. Этим выбором слов подчеркивается доминирование мужского начала в характере жены. В самом конце ей захотелось стать самим Богом.

В начале сказки при введении в сюжет главных героев, чтобы подчеркнуть род деятельности рыбака, однообразие и некую монотонность жизни персонажей, а также для усиления связанного с этим показом перлокутивного эффекта на читателя/слушателя, автор использует повторы (... angelte, und er angelte und angelte; saß und saß).

Примечательно, что сказка изложена на стандартном языке и лишь в тот момент (а их, как мы отмечали, было в целом шесть), когда рыбак приходит к рыбке-камбале и обращается к ней с просьбой, применяется диалект, причем в стихотворной форме. Последний аспект объясняется тем, что сказка в качестве целевой аудитории предназначена детям, именно для удержания интереса к сказке, для создания динамического эффекта и применяется стихотворная форма. Четыре раза рыбак обращается к рыбе-камбале, требование-просьба сформулирована полностью на диалекте.

**«Manntje, Manntje, Timpe Te,
Buttje, Buttje in der See,
myne Fru, de Isebill,
will nich so, as ik wol will»¹⁰.**

В этом четырехкратном (с учетом ещё двух вариантов – шестикратном) повторе рыбак в двух последних строчках дистанцируется (сначала на диалекте, а позже ещё более открыто – на литературном языке) от желаний жены.

Использование диалекта является в данной сказке полифункциональным, хотя, казалось бы, он применяется каждый раз в сходной ситуации, с той лишь разницей, что желания жены рыбака становятся каждый раз весомее и труднее для выполнения.

Итак, первый случай употребления диалекта обусловлен тем, что рыбак выступает перед рыбкой в качестве повелителя. В монографии В. Б. Меркурьевой выделяется такая функция диалекта, как способ неуважения к собеседнику и клеймения¹¹. Рыбак хочет таким образом продемонстрировать свою сильную позицию по отношению к рыбе-камбале.

В трёх следующих случаях можно чётко увидеть нарастающую боязнь рыбака перед рыб-

кой, перед её мощью и могуществом, однако он продолжает по инерции пользоваться диалектом, когда вызывает её из моря. Рыбак начинает отдавать себе отчёт, что ничего хорошего из затей жены не выйдет, пытается как-то отговорить жену, желания которой становятся всё более алчными, но ему это не удаётся. Он даже говорит ей, что рыбка не сможет выполнить её приказов, приводит, например, довод, что кайзер в стране только один. Обеспокоенность рыбака, которая растёт в прямой прогрессии с желаниями жены, отражается в описании его состояния. Сначала он просто не хочет идти, но уступает, не желая противиться жене (*der Mann wollte noch nicht so recht, aber er wollte auch seiner Frau nicht zuwiderhandeln*). Далее, при обращении к рыбке, его состояние описывается как «слегка обеспокоенное» (*halb bekümmert*). После того как жена пожелала стать кайзером, её муж опять отправляется к рыбке. При этом он думает, что дела обстоят плохо, его мучает совесть, ведь рыбка может в конце концов устать. Примечательно, что в сказке описываются мысли рыбака (часто в форме несобственно-прямой речи), нарастающее смутнение и ужас перед предстоящими разговорами с рыбкой. Титула кайзера жене рыбака оказалось мало и она решает стать самим папой. В этот момент рыбаку становится страшно, что отражается и на его физическом состоянии: он дрожит, руки и ноги его не слушаются.

Выполнение и этого желания жене рыбака оказывается недостаточным, жадность не давала уснуть ей всю ночь, она не могла придумать нечто большее. Когда Ильзебилль увидела восход солнца, ей захотелось стать такой же могущественной, как Господь Бог. Но это желание рыбка не исполнила, и в результате Ильзебилль лишилась всех её даров. Таким образом, она была наказана за свою жадность и неумеренность в желаниях. Психолог Отто Гросс понимает поведение главных героев как выражение воли к власти, присущей патриархальному обществу, и указывает на мысль сказки о том, что «только Бог защищен от вмешательства»¹².

Заметим, что на протяжении всей сказки рыбка (камбала) ни разу не выразила своё недовольство или негодование. Олицетворением её состояния в сказке является море. Перед тем как рыбак поймал камбалу, говорится, что он смотрел на чистую, прозрачную воду. Далее море описывается при помощи изменения цвета воды на жёлтый и зелёный. По мере того, как увеличиваются желания жены рыбака, растёт её жадность, состояние моря становится всё более беспокойным. Окраска воды приобретает все более темные тона:

- 1) прозрачная вода (*das klare Wasser*);
- 2) жёлто-зелёная (*gelb und grün*);
- 3) тёмно-фиолетовая, тёмно-синяя, серая (*ganz violett und dunkelblau und grau*);
- 4) совсем чёрная (*ganz schwarz*).

Море темнеет с каждым разом всё больше и больше, надвигается шторм, растёт негодование рыбы-камбалы.

Пятое и шестое обращения рыбака (перед требованием дать жене титул папы и стать Богом) несколько отличаются от предыдущих:

«**Manntje, Manntje, Timpe Te,
Buttje, Buttje in der See,
Meine Frau, die Ilsebill,
Will nicht so, wie ich wohl will**»¹³.

Примечательно, что в последних двух случаях обращения рыбака к волшебной рыбе диалект ещё по инерции присутствует в двух первых строчках четверостишия, но последние две заменены литературным языком. Этот переход мы объясняем тем, что рыбак, испытывая страх перед рыбкой-камбалой (ярко выраженное эмоциональное состояние), ещё продолжает использовать диалект. Но так как действие достигло апогея, ситуация критическая: море бушует, корабли раскачиваются на волнах, словно щепки, и подают сигналы бедствия, сотрясаются горы, всё гремит и сверкает, камни со скал скатываются в море. Рыбак, выражая рыбке свой респект, переходит на литературный язык (он уже в этот момент не повелитель рыбки) и, как мы уже отмечали, эксплицитно подчёркивает своё несогласие с требованиями жены. Приведём перевод последних двух строк: «Ильзебилль, моя жена, Против воли шлёт меня»¹⁴.

В данном сказочном тексте мы выделяем следующие функции диалекта:

- 1) способ выражения неуважения;
- 2) передача ярко выраженного эмоционального состояния;
- 3) привлечение внимания читателя/слушателя.

Сказка «Король-лягушонок, или Железный Генрих» рассказывает о том, как во время игры принцесса случайно роняет золотой шарик в колодезь, и лягушонок предлагает ей свою помощь. Но в ответ принцесса должна пообещать ему стать его подружкой и разделить с ним стол и кров. Принцесса дала обещание, но не собиралась его выполнять и, получив шар, убежала домой. Но лягушонок последовал за ней, и по настоянию отца принцесса неохотно соглашается выполнить своё обещание. Однако, когда лягушонок просит его отнести в постель принцессы, её отвращение настолько велико, что она, не совладав с ним, бросает лягушонка в стену. В этот же момент лягушонок превращается в принца. По завещанию отца принцессы он везёт её как свою жену в карете в своё королевство. Во время поездки Генрих, верный слуга молодого короля, радуется возвращению принца к человеческому облику. Железные оковы, которые сковывали его сердце, чтобы оно не разорвалось, когда хозяин превратился в лягушонка, разбиваются.

В конце сказки авторы приводят диалог между королём и Железным Генрихом, в кото-

ром Генрих использует диалектизм, заменяющий слово «Frosch»:

«Heinrich, der Wagen bricht!»
«Nein, Herr, der Wagen nicht,
Es ist ein Band von meinem Herzen,
Das da lag in großen Schmerzen,
Als Ihr in dem Brunnen saßt,
Als Ihr eine **Fretsche** (Frosch) **wast** (wart)»¹⁵.

Существует две версии толкования изречения Железного Генриха в конце оригинального текста сказки «...Als Ihr in dem Brunnen saßt, Als Ihr eine Fretsche (Frosch) wast (wart)» (когда Вы в колодце жили и лягушкой были).

Интерпретацию слова «Fretsche» связывают с гессенским произношением слова «Frettchen», поскольку братья Grimm собирали устные рассказы в Гессене. Слово «Frettchen» может означать «дерзкий» и «ловкий», что соответствует поведению лягушонка, который настойчив по отношению к принцессе. Звукоподобное сходство между «Fretsche» и «Frosch» может иметь двойной смысл. То обстоятельство, что стальные узы Железного Генри, верного своему принцу, пали именно тогда, когда принц женился, может означать радость по поводу долгожданного и предсказуемого возвращения принца.

Другое толкование слова «Fretsche» и, следовательно, значения сказки этимологически связывают с английским словом «wretch», которое, в свою очередь, имеет отношение к древнегерманскому слову «Recke» (см. Chambers, Dictionary of Etymology 1988: «wretch – очень несчастный человек»). Вероятно, до 1200 г. «wrecche» в «Ормулуме» (церковно-дидактическое английское произведение), возникшее из древнеанглийского wrecsa wretch, stranger, exile ..., связано со словом «wrecan» (выгонять, наказывать). Древнеанглийское «wrecsa» сходно со старым саксонским «wrekkiu» (изгнанник) и древневерхнемецким «weccho» и «wecchiu» (в современном немецком «Recke» – воин, герой)¹⁶.

Исходя из этой интерпретации, некоторые ученые делают вывод, что лягушачьего короля (лягушачьего принца) следует рассматривать как солдата, изгнанного за границу, судьба которого описана в сказке¹⁷.

Диалектизм употребляет в своей речи Железный Генрих, верный слуга короля. При помощи диалектизма он хочет подчеркнуть свою безграничную радость по поводу возвращения принца к человеческому облику. При этом он обращается к своему господину, используя местоимение «Ihr», а не сегодняшнее «Sie». Это архаичное местоимение ещё раз подчёркивает его глубочайшее уважение и преданность принцу, так как в период с IX по XVII в. «личное местоимение Ihr использовалось вместо привычного сегодня местоимения Sie в качестве уважительного обращения к родителям, к представителям высшего сословия и писалось с заглавной буквы»¹⁸. Таким образом, диалектизм выполняет в

этой сказке экспрессивную функцию и функцию передачи ярко выраженного эмоционального состояния. Данные функции особенно ярко проявляются на литературном фоне.

Объём применения диалектной субстанции варьируется от отдельных диалектизмов, предложений, вкрапления крупных пассажей до сказок, написанных полностью на диалекте. Писатели иногда неосознанно включают диалект, но в основном это происходит обдуманно. Приведём в качестве доказательства сокращённое высказывание лишь одного писателя, Карло Корино, по поводу инкорпорирования своего родного диалекта в литературный текст: «...möchte ich behaupten, dass ich meinen ostfränkischen Dialekt mit ... Selbstverständlichkeit in mein Hochdeutsch integriere, sei es in Form wörtlicher Zitate oder Übersetzung» (...я хотел бы утверждать, что я свой восточно-франкский диалект интегрирую ...само собой разумеющимся образом в мой литературный язык, будь это форма дословных цитат или перевода)¹⁹.

Включённый в ткань художественного текста диалект является зачастую не естественным, а «симулированным» или искусственным (Kunstdialekt). С течением времени позиция диалекта в обществе претерпевает изменения. Например, в последнее время учёные отмечают возросший престиж диалекта в немецкоязычных странах. Отображение этих изменений в текстах современных сказок требует пристального изучения, что и является дальнейшей актуальной перспективой исследования.

Примечания

- 1 См.: Меркурьева В. Диалект и литературный язык в немецкоязычных драмах (отношение комплементарности и изоморфизма). Иркутск, 2004.
- 2 См.: Der Hortleiter und seine Mundartmärchen // Tagblatt der Stadt Zuerich. URL: <https://www.tagblattzuerich.ch/aktuell/lifestyle/lifestyle-detail/article/der-hortleiter-und-seine-mundartmaerchen.html> (дата обращения: 09.06.2019).
- 3 См.: «Es war amoi...»: Grimms Märchen jetzt auch bairisch // Abendzeitung. URL: <https://www.abendzeitung-muenchen.de/inhalt.az-interview-mit-dem-autor-es-war-amoi-grimms-maerchen-jetzt-auch-auf-bairisch.8ddd622a-0935-43e9-8707-0d8132145bad.html> (дата обращения: 19.11.2019).
- 4 См.: Märchen in Mundart // Eppingen. URL: <https://www.eppingen.org/de/nachrichten/2019/10/Maerchen-in-Mundart.php> (дата обращения: 12.11.2019).
- 5 См.: Dialekt macht Schlau : Mundart, Märchen & Maultrommel. URL: <https://de-de.facebook.com/events/387888727988952/> (дата обращения: 05.08.2019).
- 6 См.: Mundartfreunde Südhessen. URL: <http://www.gebabbel-suedhessen.de/presse/> (дата обращения: 07.09.2019).
- 7 Там же.

- ⁸ См.: Märchen in Mundart // Ovb online. URL: <https://www.ovb-online.de/rosenheim/chiemgau/maerchen-mundart-3596150.html> (дата обращения: 09.11.2019).
- ⁹ См.: Märchen in Mundart // Eich kann pl@tt. URL: <http://www.eich-kann-platt.de/lebendige-mundart/maerchen-in-mundart/index.html> (дата обращения: 23.11.2019).
- ¹⁰ Vom Fischer und seiner Frau // Germanfox.ru. URL: <http://germanfox.ru/rasskaz-o-rybake-i-ego-zhene.html> (дата обращения: 17.10.2019).
- ¹¹ См.: Меркурьева В. Указ. соч. С. 170.
- ¹² Von dem Fischer un syner Fru // Academic. URL: https://deacademic.com/dic.nsf/dewiki/1474475/Von_dem_Fischer_un_syner_Fru (дата обращения: 13.11.2019).
- ¹³ Vom Fischer und seiner Frau // Germanfox.ru.
- ¹⁴ Братья Гримм – Сказка о рыбаке и его жене : сказка // Сказки. URL: <https://skazki.rustih.ru/bratya-grimm-skazka-o-rybake-i-ego-zhene/> (дата обращения: 21.11.2019).
- ¹⁵ Grimm J. und W. Der Froschkönig oder der eiserne Heinrich // Grimms Märchen. München : Verlag : Knaur HC, 2012. S. 8.
- ¹⁶ См.: Der Froschkönig oder der eiserne Heinrich // Academic. URL: <https://deacademic.com/dic.nsf/dewiki/316767> (дата обращения: 30.07.2019).
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Меркурьева В., Шадрин А. Языковые особенности немецкоязычных экранизаций сказок братьев Гримм // Crede expert : транспорт, общество, образование, язык. 2017. № 3. С. 72.
- ¹⁹ Corino K. Vom literarischen Volksvermögen des Dialekts // Dialekt, Dialekte. Augsburg : Wallsteinverlag, 2011. S. 70.

Образец для цитирования:

Меркурьева В. Б., Новолодская Н. С. Диалект в немецкоязычных сказках (актуальность исследования и примеры интерпретации) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2020. Т. 20, вып. 2. С. 163–167. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-2-163-167>

Cite this article as:

Merkuryeva V. B., Novolodskaya N. S. Dialect in German Language Fairy Tales (Study Relevance and Interpretation Examples). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2020, vol. 20, iss. 2, pp. 163–167 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-2-163-167>

УДК 811.111'282:811.15

Влияние кельтских языков на процесс формирования и современное состояние диалекта скауз

М. В. Золотарев, Р. З. Назарова

Золотарев Михаил Владимирович, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и методики его преподавания, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, mizrkb@gmail.com

Назарова Раиса Зиоровна, кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры английского языка и методики его преподавания, декан факультета иностранных языков и лингводидактики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, inyaz.dekanat@mail.ru

В статье описываются результаты фонетического и лексико-грамматического анализа аудиозаписей носителей ливерпульского диалекта английского языка. На основе проведенного анализа делаются выводы о роле кельтских языков на процесс формирования и современное состояние исследуемого диалекта.

Ключевые слова: английские диалекты, скауз, кельтские языки, лениция, ротированность, Ливерпуль.

Celtic Influence on the Formation and Contemporary State of Scouse

M. V. Zolotarev, R. Z. Nazarova

Mikhail V. Zolotarev, <https://orcid.org/0000-0002-1209-4750>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, mizrkb@gmail.com

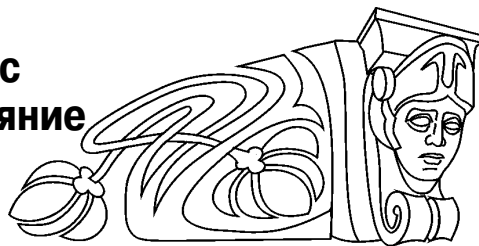
Raisa Z. Nazarova, <https://orcid.org/0000-0003-2120-1525>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov Russia, 410012, inyaz.dekanat@mail.ru

The article describes the results of the phonetic, lexical and grammatical analysis of the audio files recording the speakers of Liverpool English dialect. Based on the conducted analysis the authors explain how Celtic languages influenced the formation and contemporary state of Scouse.

Keywords: English dialects, Scouse, Celtic languages, lenition, rhoticity, Liverpool.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-2-168-172>

Английский язык является одним, но не единственным, из официальных языков Соединенного Королевства. До того как англо-саксонские племена вторглись в Великобританию, на ее территории жили кельтские племена, говорившие на языках, которые дали начало современному валлийскому, гэльскому (шотландскому) и ирландскому. Данные языки оказали определенное влияние на формирование территориальных

диалектов английского языка, распространенных в Уэльсе, Шотландии и Ирландии. Однако «кельтское влияние» обнаруживается также и в некоторых диалектах городских агломераций Англии. Одним из таких является диалект скауз, который часто ассоциируется с диалектом города Ливерпуля на севере Англии.

В настоящее время скауз распространен не только в Ливерпуле, но также и в городе Биркенхеде и других урбанизированных центрах графства Мерсисайд. Диалект скауз весьма своеобразен и отличается от традиционных северных английских диалектов таких графств, как Ланкашир и Чешир. Представляется необходимым также упомянуть, что в графстве Мерсисайд распространены и другие акценты и диалекты, которые ближе к традиционному соседнему ланкаширскому варианту английского языка. В этой связи скауз представляет собой уникальное языковое явление, сформировавшееся под влиянием сложных социально-политических событий.

Ряд лингвистических исследований (см. работы J. Belchem¹, P. Honeybone, K. Watson²) подтверждает тот факт, что скауз является относительно новым языковым феноменом для диалектной ситуации Англии. Скауз начал формироваться в середине XIX в. в результате массовых миграций населения Ирландии, Уэльса и Шотландии. Географическая позиция Ливерпуля, крупного порта севера страны, сыграла решающую роль в формировании нового диалекта, отличного от других языковых вариантов Англии.

Формирование новых диалектов в английском языкознании обычно объясняется с помощью теоретической модели койнеизации (koinisation), предложенной Питером Траджиллом³. Согласно данной модели, формирование нового диалекта следует рассматривать как процесс, проходящий три этапа. На первом этапе взрослое население, говорящее на различных, отличных друг от друга диалектах, оказывается на одной и той же территории вследствие определенных миграционных процессов. Общаясь, они вынуждены подстраиваться под языковые особенности друг друга, утрачивая те диалектные черты, которые мешают пониманию или наименее частотны. Однако данные изменения в речи взрослых носителей языка не могут привести к образованию нового диалекта. Подобное событие возможно только благодаря созидательной деятельности молодого поколения носите-

лей языка, которые оказываются на территории диалектного разнообразия в весьма юном возрасте.

На втором этапе формирования нового диалекта, согласно П. Траджиллу, молодое поколение, находясь в окружении разнообразных диалектных форм, вынуждено научиться балансировать слышимое «разногласие». В результате они перенимают ряд черт от родителей, а также от других людей из ближайшего круга. Пропорция перенимаемых черт зависит от количества носителей тех или иных диалектов, переселившихся на новую территорию. Таким образом, запускается процесс койнеизации, т. е. процесс образования нового, отличного от уже существующих диалекта (койне). Носители зарождающегося диалекта могут создавать и междиалектные черты, которые не присутствуют в существующем диалектном разнообразии. Подобные носители нового диалекта, живущие в ситуации диалектного разнообразия, сами представляют собой весьма не однородную социальную группу. Они выступают в качестве определенного буфера, приспособляющего диалектные черты своих родителей для поколения собственных детей. Именно дети второго поколения участвуют в третьей этапе формирования нового диалекта, когда разрозненные диалектные черты стабилизируются и новые носители начинают говорить на диалекте, отличном от «оригинальных» территориальных диалектов своих бабушек и дедушек. Таким образом, формируется новый диалект, уникальный для рассматриваемой территории.

Теоретическая модель койнеизации, предложенная П. Траджиллом, носит детерминистический характер и позволяет предсказать, какие черты будут сохранены в ситуации диалектного разнообразия, если известен социальный состав населения⁴. Однако подобная модель была разработана на историческом и лингвистическом материале образования новых колоний Британской империи (в частности Новой Зеландии), т. е. ситуации *tabula rasa*, отличной от рассматриваемой ситуации Ливерпуля XIX в., когда большое количество носителей различных «кельтских диалектов» переселилось на территорию, занятую носителями автохтонного варианта английского языка.

Модель П. Траджилла нередко критикуют из-за того, что она не учитывает факторы социального престижа, которые могут оказывать влияние на процесс отбора определенных диалектных черт на втором и третьем этапах формирования койне (роль социальных факторов на языковое варьирование была подробно исследована и объяснена в работах У. Лабова⁵). Хотя данная модель не может быть полностью приложена к рассматриваемой ситуации формирования диалекта скауз, она утверждает весьма важное положение, а именно, что ситуация диалектного

разнообразия неизбежно приводит к смешению и выравниванию диалектов. Несмотря на то, что определенные диалектные черты играли существенную роль в формировании нового ливерпульского варианта английского языка, ни один из присутствующих в то время на территории Ливерпуля диалектов не сохранил все свои черты в новом диалекте⁶.

С исторической точки зрения изменения диалектной ситуации Ливерпуля связаны с процессами индустриализации и иммиграции, начавшимися в 30-е гг. XIX столетия. Именно в это время население города выросло в два раза. Новые жители приезжали как из близлежащих населенных пунктов северо-запада Англии, так и из трех изначально кельтскоязычных стран – Ирландии, Уэльса и Шотландии. К 60-м гг. XIX в. почти половину населения Ливерпуля составляли иммигранты, в большей степени приехавшие из Ирландии ввиду голода, начавшегося в стране в 1845 г. Ирландское население Ливерпуля не сохранило ирландский язык и говорило на различных вариантах гиберно-английского (Hiberno English). Иммигранты, приехавшие из Уэльса и Шотландии, были более организованными, селились в определенных районах города и лучше сохраняли свою национальную идентичность. Валлийцы, например, повсеместно говорили как на английском, так и на валлийском языках, издавали газеты и строили церкви, где богослужение велось на их родном языке.

Рассматривая лингвистические черты диалекта скауз, представляется невозможным говорить, что местный автохтонный вариант английского языка обладал привилегированным статусом и послужил основой для появившегося в XIX в. койне; также нельзя сказать, что гиберно-английский заменил все распространенные в то время на территории города диалекты⁷. Таким образом, представляется обоснованным рассматривать процесс образования диалекта скауз вследствие смешения и выравнивания диалектов, взяв за основу теоретическую модель койнеизации П. Траджилла.

Так как процесс образования диалекта скауз тесным образом связан с иммигрантами из Ирландии, Уэльса и Шотландии, ливерпульский вариант английского языка иногда причисляют к диалектам, образованным вследствие «кельтского влияния». Фонетические черты диалекта скауз ярко выражены и подробно изучены, в то время как лексико-грамматические особенности исследованы в меньшей степени, в связи с чем некоторые лингвисты классифицируют рассматриваемый вариант английского языка не как диалект, но как акцент. Цель настоящего исследования – изучить влияние кельтских языков на процесс формирования и современное состояние диалекта скауз согласно трем уровням его бытования: фонетическому, лексическому и грамматическому.

Основным материалом исследования послужили аудиозаписи носителей диалектов, хранящиеся в архиве международных диалектов английского языка (*International Dialects of English Archive*). В качестве материала для верификации полученных результатов использовались тексты двух онлайн корпусов английского языка: *British National Corpus* и *NOW Corpus*. Помимо этого, использовались материалы различных глоссариев диалекта скауз, доступных в сети Интернет, например *Scouse English Glossary*, составленный Фредом Фазакерли.

Результаты исследования позволяют заключить, что основное влияние кельтских языков на современное состояние диалекта скауз лучше всего прослеживается в отношении его фонетических черт. При анализе фонетической стороны диалекта скауз представляется необходимым отметить, что анализируемый вариант английского языка, как и многие диалекты Англии, не является языковым вариантом с четко определенными дискретными границами. Скауз представляется возможным обозначить в качестве диалектного континуума, произносительные особенности которого тяготеют, с одной стороны, к шотландскому английскому (например, образец *England 104*), а с другой – к стандартному лондонскому произношению (например, образец *England 44*). Образцы взяты из архива международных диалектов английского языка (*International Dialects of English Archive*): <https://www.dialectsarchive.com/england-104> и <https://www.dialectsarchive.com/england-44> – в зависимости от экстралингвистических социально-экономических особенностей носителей диалекта. Однако представляется возможным обозначить некоторые фонетические особенности современного диалекта скауз, обнаруженные при анализе всех доступных в архиве аудиозаписей.

Прежде всего, диалект скауз характеризуется малой степенью ротированности, т. е. сонант [r] редко произносится в положении после гласных. Например, в анализируемых записях почти все носители диалекта произносят сонант [r] в таких словах, как *bird* и *first*. Тем не менее, в большинстве случаев сонант [r] в положении после гласных не произносится, например, в таких словах, как *owner*, *force* и *measure*. В этой связи диалект скауз ближе к многочисленным диалектам Англии, которые отличаются меньшей степенью ротированности в отличие от современных вариантов английского языка, распространенных в Шотландии и Ирландии (уэльский вариант английского языка со временем утратил ротированность). Однако в диалекте скауз присутствуют два аллофона сонанта [r]: а) традиционный для территориальных диалектов Англии заальвеолярный аппроксимант [ɹ] и б) альвеолярный одноударный согласный [r]. Последний присутствует в шотландском и уэльском вариантах английского

языка и весьма распространен в диалекте скауз. Таким образом, можно заключить, что наличие подобного аллофона сонанта [r] вызвано влиянием «кельтских диалектов».

Другой отличительной фонетической чертой современного ливерпульского варианта английского языка является лениция взрывных согласных в определенных позициях. Например, в следующих словах подчеркнутые согласные произносятся как аффрикаты: *jacket* /'dʒækxət/, *checked* /tʃekxt/, *tire* /tʰaɪə/. Согласно одной из распространенных теорий⁸, лениция (одна из форм перехода) согласных в диалекте скауз вызвана процессом фрикативизации взрывного [t] в южных гиберно-английских вариантах, например *top* /tʰɒp/, но *pot* /pʰɒθ/; *Italy* /'ɪθəlɪ/, но *Italian* /ɪ'tælɪən/. В свою очередь, фрикативизацию взрывного [t] в гиберно-английских вариантах связывают с серией переходов начальных согласных в кельтских, ирландском и валлийском, языках, где лениция некоторых согласных носит морфонологический характер. Наличие прямой лингвистической связи между описываемыми фонетическими явлениями вызывает некоторые сомнения, однако такая черта, как фрикативизация взрывного [t], могла оказать существенное влияние на появление лениции взрывных согласных в ливерпульском варианте английского языка. Наличие подобного фонетического явления в ситуации диалектного разнообразия, скорее всего, послужило катализатором дальнейшего процесса смягчения взрывных согласных, которое теперь является отличительной чертой современного диалекта скауз.

Лексико-грамматический анализ аудиозаписей выявил несколько отличительных черт на уровне лексики и морфологии. Однако в процессе верификации проследить их связь с кельтскими языками не удалось. Так, например, лексический состав исследуемых аудиозаписей характеризуется достаточно большим количеством идиосинкратических выражений:

I've heard so many good reports about it;

One of the biggest stereotypes, I would say, is of the comedian or, like, the chirpy chappy that kind of comes along and entertains.

Носитель стандартного варианта английского языка с большой долей вероятности произнесет приведенные фразы следующим образом:

I've heard so many good reviews about it;

One of the biggest stereotypes, I would say, is of the comedian or, like, the cheeky chappie that kind of comes along and entertains.

Приведенные примеры представляется возможным объяснить синонимическим варьированием, так как слова *reports* и *reviews*, *chirpy* и *cheeky* обладают схожими значениями. Носители диалекта скауз предпочитают использовать для выражения одних и тех же значений слова, отличные от нормативного варианта. Однако обнаружить подобные идиосинкратические вы-

ражения в аудиозаписях «кельтских диалектов» английского языка, хранящихся в архиве, не удалось. Не удалось обнаружить подобные выражения и в текстах электронных корпусов английского языка.

Другой отличительной лексической чертой диалекта скауз является наличие уникальных идиом. Например, *Somebody who's on their own is "on the Bill" or is a "Billy-no-mates"*. В приведенном примере объясняется значение двух схожих идиом; они используются для обозначения одинокого человека. Снова сравнительно-сопоставительный анализ аудиозаписей, находящихся в архиве, не обнаружил сходства фразеологического состава диалекта скауз с диалектами английского языка Ирландии, Уэльса и Шотландии.

Однако анализируемые аудиозаписи содержали ряд идиоматических выражений, характерных для британского варианта английского языка. Например:

*They also tend to have quite a lot of **get-up-and-go**;*

*We both worked in the same unit, and then he decided he wanted a change 'cause he **got itchy feet**.*

В представленных примерах жирным шрифтом выделены идиоматические выражения, которые были отмечены в ряде текстов британских газет (NOW Corpus) и британского национального корпуса английского языка (British National Corpus). Таким образом, фразеологический состав диалекта скауз отражает как местные лексические особенности, так и национальные особенности лексики, но не обнаруживает связей с лексическим составом «кельтских вариантов» английского языка.

Наконец, лексический состав диалекта скауз отличает употребление архаизмов. Например, *I've recently [unclear] been on a diet 'cuz I put on too much weight; I was 15 stone. I've lost 2 stone but put half a stone back on my [unclear]*. В приведенном примере упоминается устаревшая мера веса – *stone*, равная 14 килограммам. Использование подобных архаизмов является весьма известной особенностью лексического состава диалекта скауз, отражающей уникальные старинные лексические единицы, сохранившиеся в речи жителей Ливерпуля.

Несмотря на то что многочисленные глоссарии диалекта скауз отмечают наличие в его лексическом составе заимствований из кельтских языков (например, *nin* = *papa*; *meg* = *halfpenny*; *ollie* = *a marble*), анализ аудиозаписей не выявил подобных лексических единиц, так же как и верификация с помощью онлайн корпусов. Таким образом, выявить влияние кельтских языков на лексический состав современного диалекта скауз не удалось.

Грамматический строй анализируемых аудиозаписей в целом соответствует нормативному варианту устной речи современного

английского за исключением одной весьма распространенной черты. Носители диалекта используют форму объектного падежа личного местоимения первого лица единственного числа вместо формы притяжательного местоимения, т. е. *me* вместо *my*:

*That's where **me** mum and dad still are, but I'm in the not-so-nice part now;*

*Um, I don't know about staying in **me** job;*

*Yeah, that's **me** ambition, to get to New York, um, but I don't really know.*

Однако наблюдается варьирование подобного явления, иногда в речи одного и того же носителя диалекта. Например, *And we found out recently that **my** dad and one of **me** friend's dads used to play together*. Данная черта грамматики уникальна для диалекта скауз и не присутствует в вариантах английского языка, распространенных в Ирландии, Уэльсе и Шотландии.

В анализируемых аудиозаписях присутствуют некоторые отступления от традиционного нейтрального порядка слов, а также нетипичное употребление сравнительных оборотов со словами *kind of* и *like*. Однако они, по нашему мнению, больше относятся к особенностям идиостиля рассматриваемых носителей, чем к особенностям диалекта в целом.

Итак, диалект скауз представляет собой пример уникального языкового явления, сформировавшегося в результате смешения и выравнивания местных диалектов северо-запада Англии, а также привнесенных «кельтских диалектов» Ирландии, Уэльса и Шотландии вследствие сложных социально-политических процессов миграции. Проведенный анализ позволяет заключить, что влияние кельтских языков на современное состояние диалекта скауз прослеживается только на уровне произносительных, фонетических особенностей. Лексико-грамматические черты диалекта скауз, выявленные в результате исследования, отражают как местные, так и общенациональные особенности лексики и грамматики диалектов Англии и не обнаруживают связи с современными вариантами английского языка, распространенными на территориях Ирландии, Уэльса и Шотландии.

Примечания

- 1 См.: *Belchem J.* An accent exceedingly rare : Scouse and the inflection of class // *Merseypride : Essays in Liverpool Exceptionalism*. Liverpool : Liverpool University Press, 2000. P. 31–64.
- 2 См.: *Honeybone P., Watson K.* The (continuing) development of Scouse : language meets history, society and culture. Paper presented at the Inaugural Conference of the Centre for Liverpool and Merseyside Studies. Liverpool John Moores University, 2004.
- 3 См.: *Trudgill P.* Dialects in contact. Oxford : Blackwell, 1986. P. 127.

- ⁴ См.: *Honeybone P.* New Dielect Formation in Nineteenth Century Liverpool : A Brief History of Scouse // *The Mersey Sound : Liverpool's Language, People and Places.* Liverpool : Open House Press, 2007. P. 110.
- ⁵ См.: *Labov W.* The social stratification of English in New York City. Washington, DC : Center for Applied Linguistics, 1966.
- ⁶ См.: *Honeybone P.* Op. cit. P. 111.
- ⁷ Ibid. P. 117.
- ⁸ См.: *Hickey R.* Lenition in Irish English // *Belfast Working Papers in Linguistics.* 1996. № 13. P. 173–193.

Образец для цитирования:

Золотарев М. В., Назарова Р. З. Влияние кельтских языков на процесс формирования и современное состояние диалекта скауз // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2020. Т. 20, вып. 2. С. 168–172. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-2-168-172>

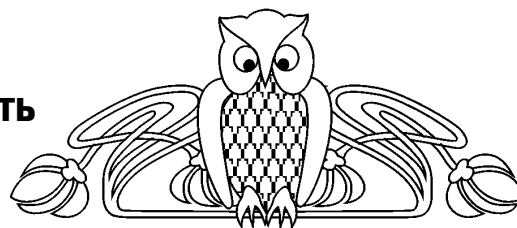
Cite this article as:

Zolotarev M. V., Nazarova R. Z. Celtic Influence on the Formation and Contemporary State of Scouse. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2020, vol. 20, iss. 2, pp. 168–172 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-2-168-172>

УДК 811.161.1'367'37

К вопросу о возможности определительных наречий выступать в роли актантов пропозиции

А. В. Дегальцева

Дегальцева Анна Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, речевой коммуникации и русского как иностранного, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, deganna@mail.ru

В статье рассматриваются типы определительных наречий, способных семантически и функционально сближаться с такими актантами пропозиции, как адресат, субъект, делиберат, финитив, директив, дистрибутив, дестинатив, инструментив, посессив, потенсив. Производящей базой подобных наречий обычно являются относительные прилагательные. Роль, которую такие наречия выполняют в высказывании, зависит от их семантики, а также от семантики предиката и смыслового наполнения контекстного окружения. Именно поэтому одно и то же наречие в разных высказываниях может выполнять различные функции.

Ключевые слова: синтаксис, семантический синтаксис, актант, сирконстант, наречие.

To the Question of the Possibility of Determinative Adverbs to Act as Actants of a Proposition

A. V. Degaltseva

Anna V. Degaltseva, <https://orcid.org/0000-0003-3791-9777>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, deganna@mail.ru

The article deals with the types of determinative adverbs that can semantically and functionally converge with such actants as recipient, subject, deliberate, finitive, directive, distributive, destinative, instrumentive, possessive, potensive. The producing bases of such adverbs are usually relative adjectives. The role that such adverbs play in the sentence depends on their semantics, the semantics of the predicate, as well as on the context. That is why the same adverb can realize different functions in different statements.

Keywords: syntax, semantic syntax, actant, sirconstant, adverb.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-2-173-178>

Семантический синтаксис – активно развивающаяся отрасль современной лингвистики. Он позволяет анализировать содержательную сторону высказываний с точки зрения объективной (диктумной) и субъективной (модусной) информации о мире¹. С позиций семантического синтаксиса высказывание рассматривается как языковой знак, означающим которого является синтаксическая структура предложения, а означаемым – отражение положения дел в действительности (пропозиция). Ядро пропозиции – предикат. Помимо него в структуру пропозиции могут входить актанты, обычно понимаемые как участники

ситуации, называющие предмет или лицо (на формальном уровне им соответствуют дополнение и подлежащее), и сирконстанты, обозначающие, согласно французскому лингвисту Л. Теньеру, обстоятельства и условия ситуации (место, время, причину, образ действия и т. д.)². Актанты обычно рассматриваются как обязательные участники обозначаемой глаголом ситуации, а сирконстанты – как факультативные³.

В лингвистических трудах, опирающихся на концепцию Л. Теньера, считается, что для наречия, которое выполняет в предложении синтаксическую роль обстоятельства, на семантико-синтаксическом уровне характерна функция сирконстанта пропозиции. Однако ученые все чаще говорят о том, что не существует однозначного и непротиворечивого соответствия между синтаксической функцией слова, его частеречной принадлежностью и ролью в организации смысла предложения. На это обращают внимание В. А. Плунгян и Е. В. Рахилина в их совместной работе⁴, а также Я. Г. Тестелец в своем учебнике⁵.

Необходимо заметить, что в лингвистической науке до сих пор нет единого взгляда на статус актантов и сирконстантов. Нельзя говорить и о том, что между двумя этими понятиями проведена четкая демаркационная линия. Кроме того, смысл, который вкладывается в понятие «актант», зависит от сферы применения этого термина в лингвистических исследованиях. С точки зрения семантического синтаксиса, актант – это участник ситуации, обозначающий лицо или предмет, т. е. субъект или объект (агенса, пациенса, инструмент, делиберат и т. д.)⁶. С позиции формального синтаксиса – это компонент, который заполняет обязательную синтаксическую валентность предиката (*подарить что-то кому-то*), поэтому «актанты индивидуальны для каждого глагола»⁷. Обязательность наличия синтаксического актанта отражена в словарных толкованиях предиката⁸, тогда как семантические актанты могут быть и факультативными участниками ситуации⁹.

В лингвистических исследованиях нередко отмечается, что позиции актанта обычно соответствует синтаксическая функция дополнения, а сирконстанта – обстоятельства¹⁰. Однако такое однозначное соответствие реализуется не всегда: актантные позиции в некоторых случаях могут замещаться обстоятельствами и наоборот¹¹. Это связано с тем, что при разграничении актантов и сирконстантов действуют и семантические, и син-

таксические критерии. Как отмечают В. А. Плунгян и Е. В. Рахилина, «синтаксический критерий позволяет провести некоторую границу между актантами и сирконстантами, но в таком “жестком” виде он <...> не всегда оправданно устанавливает эту границу»¹². Так, актантами могут быть обстоятельства, представленные предложно-падежными формами существительных, если они реализуют обязательную валентность предиката: *Он поселился в лесу*. При таком же условии в роли актантов выступают и обстоятельства, выраженные наречиями¹³. С. А. Алексанова предлагает обстоятельства, «входящие в актантную рамку глагола», считать обстоятельственными актантами, а к сирконстантам относить «лишь обстоятельственные распространители, не заполняющие глагольную валентность»¹⁴.

Критерии отнесения слова к классу актантов или сирконстантов нельзя назвать четкими, равно как и применимыми к любому конкретному высказыванию. Ведь роль синтаксемы в организации смысла предложения и ее коммуникативный вес не могут напрямую зависеть лишь от грамматических показателей (морфологических характеристик и синтаксической функции). Кроме того, критерий обязательности не является общепризнанным при разграничении актантов и сирконстантов. Так, по мнению Е. В. Падучевой, сирконстанты, наряду с актантами, могут быть обязательными, если являются параметрами пропозиции (например, характеризуют время наступления события или скорость перемещения субъекта и т. п.), и факультативными, если выступают как атрибуты, а также называют цель или причину совершения действия¹⁵. В свою очередь, актанты могут быть и факультативными компонентами ситуации¹⁶. Очевидно, говорить о том, что все обстоятельства – это факультативные участники ситуации, а актанты – обязательные, было бы неверно.

В данной работе будет рассмотрен вопрос о возможности наречий образа действия выполнять в семантической структуре высказывания роль актантов пропозиции. Прежде чем обратиться к анализируемой проблеме, следует оговорить, что наречия, которые в лингвистической науке традиционно относят к наречиям образа действия, на наш взгляд, правомернее было бы называть иначе. В академической грамматике русского языка наречия образа действия понимаются очень широко. Это адвербиальные единицы, в которых реализуются «разнообразные частные виды общего значения качественности и свойственности – от значения качественно-характеризующего (*быстро, весело, как, так*) до значений сравнения, уподобления (*по-бабьи, по-медвежьи, по-старому, по-нашему; дыбом, ежиком, столбом*)»¹⁷. Такое многообразие значений, на наш взгляд, требует более широкого именованья, чем «образ действия». Кроме того, подобные наречия могут характеризовать не только действия, но и состояния, целые ситуа-

ции, человека или неодушевленные предметы, а также выражать отношение говорящего или пишущего к предмету речи. Как видим, семантические свойства и сочетаемостные возможности такой обширной группы наречий намного шире, чем характеристика образа действия. В связи с этим в данной работе подобные наречия предлагается называть определительными ввиду большей абстрактности и обобщенности такого именованья. Под определительными наречиями будем понимать адвербиальные единицы, которые определяют объекты, явления, действия и состояния посредством выявления их свойств, качеств, параметров, а также путем соотнесения с другими предметами или явлениями действительности и с апперцепционной базой адресанта.

Полагаем, что определительные наречия, исходя из их денотативных значений и синтаксической роли обстоятельства, целесообразно считать сирконстантами. Однако необходимо признать, что данные наречия в зависимости от их лексического значения, семантики предиката и смыслового наполнения контекстного окружения могут быть как факультативными, так и обязательными компонентами пропозитивной структуры. Среди определительных наречий отчетливо выделяется семантическая группа слов с предметно-относительным значением. Такие наречия образуются от относительных прилагательных. Они способны реализовывать в высказывании функции, свойственные именным синтаксемам-актантам. Рассмотрим их семантико-синтаксические особенности на конкретных примерах.

В качестве материала исследования обратимся к высказываниям, функционирующим в текстах 2003–2018 гг., извлеченных из научной и публицистической сфер коммуникации: газетных статей, научных статей, монографий и диссертаций. При сборе и изучении материала использовались следующие методы: интерпретативный, логико-синтаксический, сплошной выборки, компонентного анализа.

На основе проанализированного материала общим объемом 200 000 предикативных единиц был составлен словник определительных наречий, включающий в себя 5909 адвербиальных лексем. Согласно полученным данным, лишь 17% из них оказываются способными функционально замещать актанты.

Обстоятельства образа действия как средства выражения актантных ролей довольно четко, но, на наш взгляд, несколько обобщенно проанализированы в кандидатской диссертации К. М. Хорук, выполненной на материале современной художественной прозы¹⁸. В роли актантов исследователь рассматривает компоненты, заполняющие как факультативные, так и обязательные валентности предиката. При составлении типологии актантов она опирается на концепцию М. В. Всеволодовой, в которой актанты понимаются как «участники событий: лица, зоонимы, предметы, силы

природы»¹⁹. Хорук приходит к выводу о том, что обстоятельства образа действия способны играть в высказывании роли протагониста, пациенса и инструмента²⁰. Объективность и обстоятельность рассуждений автора сомнений не вызывают, однако некоторые объяснения и истолкования, приведенные в диссертации, кажутся нам дискуссионными, а сама типология, на наш взгляд, может быть детализирована.

Характеризуя денотативные роли определительных наречий, способных играть роль актантов, мы опираемся на типологию именных синтаксем, разработанную Г. А. Золотовой²¹. На наш взгляд, такой подход позволяет расширить и более детально рассмотреть функциональные возможности именных и сближающихся с ними по семантике адвербиальных синтаксем. Кроме того, более обширный (по сравнению с некоторыми предшествующими работами) материал исследования позволяет проследить закономерности употребления наречий в роли актантов в разных сферах коммуникации, а также обратить внимание на полифункциональность адвербиальных синтаксем.

Чтобы рассмотреть функциональные возможности определительных наречий в роли актантов, обратимся к конкретным примерам. Сравним три высказывания: (1) *Современная наука доказала, что биологическое в человеке – это только предпосылка для его социального развития*²²; (2) *Наукой доказано, что язык – явление социальное*²³; (3) *Научно доказано, что телевизор убивает в ребенке творческое начало*²⁴. В высказывании (1) слово *наука* обладает высоким синтаксическим статусом, поскольку входит в предикативный центр. Семантический и синтаксический субъекты в первой предикативной единице этого высказывания совпадают. В первой предикативной единице высказывания (2) словоформа *наукой* обладает более низким синтаксическим статусом, так как с позиций формального синтаксиса является дополнением в безличном предложении. Однако, согласно семантико-синтаксической точке зрения, эта словоформа может считаться субъектом пропозиции²⁵. Таким образом, в рассмотренных примерах обнаруживается диатетический сдвиг. Предикативные единицы *наука доказала* и *наукой доказано* передают практически идентичные смыслы. Отличие состоит в том, что в высказывании (1) слово *наука* выступает в роли синтаксического субъекта, употребляясь метонимически (доказали, конечно, ученые, а не обезличенная наука), тогда как в высказывании (2) производитель действия выражен косвенным падежом существительного: формальное подлежащее отсутствует, поскольку пишущему важен сам факт совершения действия. Синтаксема *наукой* во втором примере называет способ или метод действия, т. е. выступает в роли инструмента (здесь и далее используются названия разновидностей синтаксем из концептуального труда Г. А. Золотовой²⁶). В первой предикативной единице высказывания (3) позицию творительного падежа существительного

наука занимает наречие *научно*. Оно является обстоятельством образа действия и факультативным распространителем предиката. Однако нетрудно заметить, что сирконстант *научно* в высказывании (3) можно заменить актантом *наукой* без явного ущерба смыслу. Такие наречия употребляются преимущественно в конструкциях с пассивным залогом, однако встречаются и в предложениях с активным производителем действия: *Ученые математически доказали неспособность первых птиц летать*²⁷. Согласно проанализированным данным, на наречия с инструментивным значением приходится около 21% от всех адвербиальных единиц, способных функционально и семантически сближаться с актантами пропозиции.

Определительные наречия могут называть исходную позицию восприятия, суждения, оценки: ‘с позиции кого-то или чего-то’, ‘с точки зрения чего-то’, ‘в каком-то отношении’, ‘в определенном понимании’, т. е. функционально сближаются с директивами²⁸. Л. А. Савелова называет такие наречия аспектными²⁹. Подобные употребления наречий встречаются в разных сферах общения, однако больше всего их в научных текстах или устной научной речи. Среди всех наречий, способных выступать в качестве актантов пропозиции, на данные синтаксемы приходится 29%. Критерии и аспекты, с позиций которых характеризуются предикаты, могут быть самыми разнообразными и относиться к научным течениям, направлениям, видам искусства, социальным процессам или формациям, качественным или количественным параметрам, структуре и композиции, происхождению и т. д.: *Как известно, эта идея оказалась математически несостоятельной*³⁰; *Эмбриологически данная аномалия – результат функционирования обеих супракардинальных вен*³¹; *Все последующее изложение ориентировано на решение третьей из названных выше задач, и потому с точки зрения теорий, ориентированных на решение первых двух, – в большей или меньшей степени вздорно, жизненно и научно несостоятельно*³².

Некоторые определительные наречия функционально и семантически сближаются с дестинативами, т. е. называют «лицо или предмет, для которого назначается, предназначается какой-либо предмет или действие»³³. Такое значение наречия приобретают, попадая в грамматическую зависимость от слов, семантическая структура которых располагает к употреблению при них актантов, называющих предназначение (*важно, значимо, обязательно, опасно* и под. для кого-то, для чего-то). Такие наречия выражают значения признака через отношение к другому признаку и предназначение для того, что названо в корневой морфеме. Приведем примеры. В предложении *В статье рассматриваются понятие, виды и некоторые особенности законодательной регламентации общественно опасных последствий*³⁴ выделенное наречие имеет значение «для общества».

Ср.: При употреблении глаголов с указанными наречиями происходит актуализация этой семы предшествования формой наречия, но употребление наречий со значением предшествования с глаголами **структурно** необязательно, хотя **коммуникативно** значимо³⁵. На такие наречия в проанализированном материале приходится 17% от всех определительных наречий в роли актантов.

В полипропозитивных предложениях определительные наречия способны выполнять функции, которые в семантически элементарных предложениях типичны для делиберата и финитива³⁶, преддицирующих синтаксем, передающих следующие значения: 'борьба с чем-либо', 'сопротивление чему-либо', 'настроенность против чего-либо' или 'борьба за что-либо', 'ориентация на что-либо', 'положительный настрой по отношению к чему-либо'. Нередко значения 'за' и 'против' в таких наречиях выражаются приставками *про-* и *анти-*. Сравним два высказывания: (1) *Ранее с призывом отказаться от дискриминации гомосексуалистов и антирелигиозно настроенных граждан выступали певец Элтон Джон и писатель Стивен Фрай*³⁷; (2) *А те, кто реально настроен против РПЦ, радостно потирают руки* <...>³⁸. И наречие, и предложно-падежная форма существительного выполняют в высказываниях (1) и (2) сходные функции: вступая в комплетивные отношения с причастиями, от которых зависят грамматически, они принимают на себя основную смысловую нагрузку. Объектом отношения в таких высказываниях, как правило, выступают политические, экономические, социокультурные, религиозно-философские идеи или явления. Подобные адвербиальные синтаксемы составляют 16% от общего количества синтаксем, способных функционально замещать актанты. Они преобладают на страницах газет и журналов. В научных текстах такие наречия могут также выражать значение 'устойчивость к какому-либо физическому процессу, сопротивление ему': <...> *что обуславливает необходимость применения соответствующего антикоррозийно стойкого материала* <...>³⁹

Около 6% определительных наречий семантически и функционально сближаются с посессивами⁴⁰, т. е. характеризуют субъект пропозиции с точки зрения обладания чем-либо: способностями, финансовыми средствами и т. д. (*музыкально, художественно, материально* и под.): *Насколько ребенок одарен художественно, можно пронаблюдать в игре по следующим проявлениям* <...>⁴¹; *«Обеспеченный-неудовлетворенный» – человек материально обеспечен, но продолжает заниматься бизнесом*⁴². Такие наречия употребляются при глаголах (или их атрибутивных формах) с семантикой владения, обладания чем-либо.

Некоторые определительные наречия не просто называют отношение к признаку, выраженному корневой морфемой, но и несут в себе информацию о потенциальном наступлении ситуации, т. е. сближаются по своему значению с потенсивом

– синтаксемой, называющей потенциальное действие, занятие, состояние⁴³. Приведем примеры: *Статья посвящена проблемам по обеспечению безопасности при перевозке аварийно химически опасных веществ железнодорожным транспортом, приведена статистика железнодорожных катастроф, в том числе связанных с перевозкой аварийно химически опасных веществ, и возможные пути решения этих проблем*⁴⁴. В данном контексте наречие *аварийно* грамматически и семантически соотносится с прилагательным *опасные*: *аварийно опасные вещества* – вещества, которые при несоблюдении техники безопасности могут привести к аварии. Ср.: *Мешки с эпидемиологически опасными отходами в Рубцовске хранят прямо в гаражах*⁴⁵. Такие наречия шире распространены в научных текстах. В проанализированном материале на них приходится около 4%.

В некоторых случаях адвербиальные лексемы находятся в позиции, которая типична для одушевленного субъекта действия (агенса), выраженного дополнением на формально-синтаксическом уровне: *Прием осужденных должен осуществляться круглосуточно, комиссионно: с участием дежурного, оперативного работника и медицинского работника*⁴⁶. Выделенное наречие синонимично форме творительного падежа существительного: *комиссией*. Ср. под.: *В Дагестане начались политические дебаты на тему «Как в республике проводить выборы: всенародно или депутатами парламента?»*⁴⁷; *При этом при подаче заявления правопреемником или наследником к заявлению прилагается нотариально заверенная копия документа, подтверждающего правопреемство или права на наследование*⁴⁸. Такие употребления не типичны для определительных наречий. Обычно они встречаются в научных текстах. Кроме того, некоторые определительные наречия называют «семантический субъект», являющийся «неотторжимой частью подлежащего основного высказывания»⁴⁹ (отвечая на вопросы *что?* или *чем?*). Данное значение наречия приобретают лишь в определенных высказываниях, где они семантически соотносятся не только с глаголом-сказуемым, но и с подлежащим, называя какие-либо его аспекты (функцию, содержание, структуру, качество, количество, происхождение и под.). Такие адвербиальные единицы употребляются, как правило, при предикатах со значением сходства или различия и называют признак, который ложится в основу этого отличия или подобия. Так, в предложении *Функционально сближаются тире и многоточие в области выражения недосказанности* сочетание слов *функционально сближаются*⁵⁰ имеет значения: 'сближаются (как?) в функциональном отношении' и 'сближаются (что?) функции' (тире и многоточия). А в высказывании *Двигательная активность и качественно, и количественно отличается от возрастной нормы*⁵¹ сочетание *качественно и количественно отличается* выражает смысл 'отличаются качество и количество' (двигательной активности).

На наречия в роли субъекта пропозиции в совокупности приходится 4% употреблений всех наречий, семантически и функционально сближающихся с актантами.

Некоторые определительные наречия могут выполнять в высказывании функцию, свойственную дистрибутиву – компоненту, выражающему распределительные отношения⁵². На подобную роль наречий обращает особое внимание и К. М. Хорук в своей диссертации⁵³. Так, в высказывании *Для сельскохозяйственных предприятий с целью анализа и контроля **построчно** должен быть сохранен порядок отражения затрат в разрезе количественных и стоимостных показателей*⁵⁴ наречие сближается по значению с сочетанием *каждая строчка*. Ср.: *Трудодни начислялись в книге учета трудодней колхозников, где **пофамильно** указывалось количество выработанных трудодней по бригадам ежемесячно*⁵⁵, где словосочетание *пофамильно указывалось* говорит о том, что в книгу вписывалась каждая фамилия отдельно и без исключения. В нашем материале такие наречия составили 3% от всех наречий, способных играть роль актанта пропозиции.

Незначительная часть определительных наречий (менее 1% от всех наречий в роли актантов) сближается по семантике с объектом-адресатом⁵⁶. Такие наречия находятся в грамматической зависимости от синсемантических слов, смысл которых восполняется актантами с адресным значением (*направить на что-то, ориентироваться на что-то*). Приведем примеры: *Как и аналитический, протестный комментарий **адресатно** направлен, автор комментария апеллирует к читателю*⁵⁷; *Проведенный анализ позволил студентам разработать проект, **адресно** сориентированный на жителей данного дома*⁵⁸.

Нужно отметить, что роли, которые синтаксема выполняет в предложении, зависят не только от ее семантики, но прежде всего от семантики предиката и контекстного окружения. В связи с этим нередки случаи, когда одно и то же наречие может принимать на себя разные функции. Так, в высказывании *Предполагается, что в них на бесплатной основе будут обучаться **математически** одаренные дети*⁵⁹ наречие восполняет семантику прилагательного и играет роль актанта-посессива. В высказывании же ***Математически** доказано, что не существует идеальной структуры представления решений в генетических алгоритмах*⁶⁰ наречие функционально сближается с именной синтаксемой с инструментивным значением.

Итак, некоторые наречия, образованные от относительных прилагательных, являясь сирконстантами пропозиции, способны занимать в высказывании позицию не только факультативного, но и обязательного участника ситуации. Часть из них функционально сближается с такими типами актантов, как адресат, субъект (в том числе агенс), делиберат, финитив, директив, дистрибутив, дестинатив, инструментив, посессив, потенсив. По

сравнению с предложно-падежными формами существительных, для которых характерна позиция актанта, определительные наречия в несвойственной им функции позволяют экономить речевые усилия говорящего или пишущего.

Роль, которую определительные наречия выполняют в высказывании, зависит от их семантики, а также от значений предикатов и смыслового наполнения контекстного окружения. Именно поэтому одно и то же наречие в разных высказываниях может выполнять различные функции.

Примечания

- 1 См.: Шмелева Т. Семантический синтаксис. Текст лекций. Красноярск, 1994.
- 2 См.: Теньер Л. Основы структурного синтаксиса / под общ. ред. В. Г. Гака. М., 1988.
- 3 См.: Степанова М., Хельбиг Г. Части речи и проблемы валентности в современном немецком языке. М., 1978.
- 4 См.: Плунгян В., Рахилина Е. Парадоксы валентностей // Семиотика и информатика : сб. науч. ст. / под ред. В. А. Успенского. М., 1998. Вып. 36. С. 108–119.
- 5 См.: Тестелец Я. Введение в общий синтаксис : учебник. М., 2001.
- 6 См.: Гак В. Актант // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М., 1990. С. 22.
- 7 Падучева Е. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004. С. 194.
- 8 См.: Апресян Ю. Типы соответствия семантических и синтаксических актантов // Проблемы типологии и общей лингвистики. Международная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения А. А. Холодовича : материалы / под ред. В. С. Храковского, С. Ю. Дмитренко, Н. М. Заики. СПб., 2006. С. 15–27.
- 9 См.: Падучева Е. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.
- 10 См.: Мельчук И. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ↔ текст» : семантика, синтаксис. М., 1999.
- 11 См.: Теньер Л. Указ. соч.
- 12 Плунгян В., Рахилина Е. Указ. соч. С. 112.
- 13 См.: Филипенко М. Семантика наречий и адвербиальных выражений. М., 2003.
- 14 Алексанова С. К некоторым частным вопросам системной организации членов предложения и создания модели простого предложения // Язык, сознание, коммуникация : сб. ст. / под ред. М. Л. Ремнёвой [и др.]. М., 2013. Вып. 47. С. 22.
- 15 См.: Падучева Е. Указ. соч.
- 16 См.: Апресян Ю. Избранные труды : в 2 т. Т. I. Лексическая семантика. 2-е изд. М., 1995.
- 17 Русская грамматика : в 2 т. / гл. ред. Н. Ю. Шведова. Т. I. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Введение в морфемику. Словообразование. Морфология. М., 1980. С. 702.
- 18 См.: Хорук К. Роль обстоятельств образа действия в организации семантической структуры русских простых предложений : дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2010.

- ¹⁹ Всеволодова М. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса : Фрагмент фундаментальной прикладной (педагогической) модели языка. М., 2017. С. 197.
- ²⁰ См.: Хорук К. Указ. соч.
- ²¹ См.: Золотова Г. Синтаксический словарь : Репертуар элементарных единиц русского языка. 3-е изд. М., 2006.
- ²² Дворецкий М., Авдеев Р. Причины и условия преступности // Вестн. ТГУ. Сер. Гуманитарные науки. 2014. Вып. 12 (140). С. 174.
- ²³ Сахитова З. Проблема языка и речи в поликультурной семье // Вестн. РУДН. Сер. Лингвистика. 2010. № 2. С. 87.
- ²⁴ Московский комсомолец. 2016. № 27229.
- ²⁵ См.: Золотова Г. Указ. соч.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Московский комсомолец. 2010. № 25350.
- ²⁸ См.: Золотова Г. Указ. соч.
- ²⁹ См.: Савёлова Л. Семантика и прагматика русского наречия : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Северодвинск, 2009.
- ³⁰ Векишенов С. Является ли «Множество действительных чисел» множеством? (введение в математику длительности) // Вестн. ТГУ. Сер. Естественные и технические науки. 2000. Т. 5, вып. 5. С. 531.
- ³¹ Мельниченко Ж., Вишнякова М., Вишнякова М.-мл., Волкова Ю., Горячев С. Аномалии развития нижней полой вены и ее притоков. Лучевая диагностика и клиническое значение // Альманах клинической медицины. 2015. № 43. С. 74. DOI: <https://doi.org/10.18786/2072-0505-2015-43-72-81>
- ³² Величко М., Ефимов В., Иманов Г. Экономика и ноосфера. Научно-методологические основы государственного управления социально-экономическим развитием в условиях глобализации. Ноосферный (этико-экологический) подход. СПб., 2012. С. 100.
- ³³ Золотова Г. Указ. соч. С. 40.
- ³⁴ Курбанов Г. Вопросы совершенствования законодательной регламентации общественно опасных последствий преступлений // Мониторинг правоприменения. 2014. № 4 (13). С. 9.
- ³⁵ Егорова Б. Семантика наречий современного русского языка в аспекте их сочетаемости с глаголами : дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2000. С. 147.
- ³⁶ См.: Золотова Г. Указ. соч.
- ³⁷ Московский комсомолец. 2014. № 26447.
- ³⁸ Московский комсомолец. 2018. № 27604.
- ³⁹ Литвиненко В., Мязин В., Доржиева А. Оценка влияния содержания растворимых кремниевых кислот на сорбционное извлечение урана из рудных пульп // Вестн. ЗабГУ. 2015. № 7 (122). С. 6.
- ⁴⁰ См.: Золотова Г. Указ. соч.
- ⁴¹ Ларионова Т., Волгина А. Виды одаренности детей и критерии ее выявления // Гаудеамус. 2008. № 13. С. 171.
- ⁴² Семёнов М. Типология материально удовлетворенных и материально неудовлетворенных людей // Омский науч. вестн. 2001. № 15. С. 144.
- ⁴³ См.: Золотова Г. Указ. соч.
- ⁴⁴ Савчук О., Григорьев П., Сильников М., Шенелюк С. Проблемы организации обеспечения безопасности при перевозке аварийно химически опасных веществ железнодорожным транспортом // Вестн. С.-Петерб. ун-та ГПС МЧС России. 2016. № 3. С. 28.
- ⁴⁵ Московский комсомолец. 2018. № 27604.
- ⁴⁶ Романов В. Некоторые проблемы организации надзора за осужденными к принудительным работам в исправительных центрах // Вестн. гос. и муницип. управления. 2012. № 4. С. 90.
- ⁴⁷ Мамараев Р. Всенародные выборы главы Республики Дагестан : мнение дагестанского избирателя // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2016. № 3 (38). С. 30.
- ⁴⁸ Москаленко И. Правовое регулирование нотариальной деятельности в России // Вестн. С.-Петерб. ун-та МВД России. 2006. № 2 (30). С. 67.
- ⁴⁹ Хорук К. Указ. соч. С. 50.
- ⁵⁰ Биянова М. Из опыта сравнительно-типологического анализа пунктуационных систем английского и русского языков // Изв. РГПУ им. А. И. Герцена. 2009. № 111. С. 165.
- ⁵¹ Бичерова Е. Скрининговое исследование гиперактивности у младших школьников // Вестн. Брян. гос. ун-та. 2011. № 1. С. 211.
- ⁵² См.: Золотова Г. Указ. соч.
- ⁵³ См.: Хорук К. Указ. соч.
- ⁵⁴ Новоселова С., Усанов А. Формирование системы внутренней управленческой документации и отчетности в сельскохозяйственных организациях // Все для бухгалтера. 2010. № 9 (249). С. 37.
- ⁵⁵ Федорова М. Социальные гарантии в колхозах Западной Сибири в период 1953–1964 гг. // Вестн. НВГУ. 2017. № 2. С. 53.
- ⁵⁶ См.: Золотова Г. Указ. соч.
- ⁵⁷ Стексова Т. Комментарий как речевой жанр и его вариативность // Жанры речи. 2014. № 1–2 (9–10). С. 84.
- ⁵⁸ Борсук О., Зябкина Л. Адресное проектирование в системе благоустройства городских территорий // Новые технологии. 2012. № 2. С. 77.
- ⁵⁹ АиФ. 2012. № 48.
- ⁶⁰ Курейчик В., Сороколетов П. Концептуальная модель представления решений в генетических алгоритмах // Изв. ЮФУ. Технические науки. 2008. № 9. С. 12.

Образец для цитирования:

Дегальцева А. В. К вопросу о возможности определительных наречий выступать в роли актантов пропозиции // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2020. Т. 20, вып. 2. С. 173–178. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-2-173-178>

Cite this article as:

Degaltseva A. V. To the Question of the Possibility of Determinative Adverbs to Act as Actants of a Proposition. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2020, vol. 20, iss. 2, pp. 173–178 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-2-173-178>

УДК 81'1'38

Фигура перечисления в исторической перспективе

Е. В. Савченко

Савченко Елизавета Владимировна, преподаватель кафедры иностранных языков, Российский государственный университет нефти и газа (НИУ) имени И. М. Губкина, Москва, ellizavvetta@gmail.com

В статье представлен исторический взгляд на фигуру перечисления. Автор прослеживает изменения в понимании природы и особенностей функционирования перечисления с Античности до начала XXI в., ссылаясь на ряд ведущих лингвистов разных направлений и лингвистических школ. На основе изучения перечисления в исторической перспективе на материале различных классификаций стилистических приемов установлено, что настоящей прием имеет недостаточную освещенность, что требует дальнейшего более углубленного изучения перечисления.

Ключевые слова: стилистический прием, перечисление, экспрессивный синтаксис.

Historical Perspective of the Notion of Enumeration

E. V. Savchenko

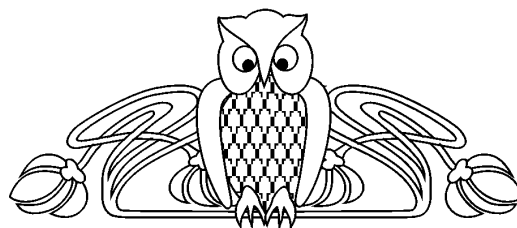
Elizaveta V. Savchenko, <https://orcid.org/0000-0002-2356-9166>, National University of Oil and Gas «Gubkin University», 65 Leninsky Prospekt, Moscow 119991, Russia, ellizavvetta@gmail.com

This article represents the notion of enumeration from the historical perspective. The author traces changes in the interpretation of the nature and specific functions of enumeration from the ancient times to the beginning of the 21st century with reference to a number of leading linguists of different areas and linguistic schools. Having studied enumeration from the historical perspective on the material of different classifications of stylistic devices, it has been found out that the technique under consideration is not sufficiently researched, which requires further, more in-depth study of enumeration.

Keywords: stylistic device, enumeration, expressive syntax.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-2-179-184>

Несмотря на распространенность использования стилистического приема перечисления в качестве средства создания образности в текстах различных функциональных стилей, существующая литература, посвященная исследованию перечисления, сводится, главным образом, к самым общим определениям природы и функционирования этого приема. Детальное изучение различных подходов к рассмотрению явления перечисления, сложившихся в лингвистике с Античности до начала XXI в., показало, что настоящий прием малоизучен и в недостаточной степени исследован. В рамках настоящей статьи мы предлагаем краткий хронологический обзор существующих классификаций стилистических приемов в целом, основанный на более ранних

исследованиях ведущих лингвистов различных направлений, с целью установления места перечисления в системе стилистических приемов. Прослеживание изменений в понимании и трактовке изучаемого приема в диахроническом разрезе позволит нам отграничить перечисление от других стилистических приемов и выявить его место в системе выразительных средств, а также раскрыть механизм функционирования приема.

Многие проблемы языка и речи, в том числе и проблема выразительных средств языка, были актуальны еще в Античности, что обуславливалось интересом к ораторскому искусству и поэзии. Античные риторы рассматривали выразительные средства как некие отклонения речи от естественной нормы, «обыденной и простой формы», некое искусственное ее украшение. В античной риторике появилось традиционное разделение выразительных средств языка на две группы: тропы (греч. *tropos* – поворот, оборот) и фигуры (лат. *figure* – внешний вид, образ)¹. Следует отметить, что на протяжении развития науки о языке единство относительно того, как рассматривать соотношение фигур и тропов, отсутствует. Тем не менее, большинство лингвистов полагают, что тропы и фигуры представляют собой стилистические обороты, использующиеся с целью усиления выразительности и повышения экспрессивности речи. При этом к фигурам относятся обороты, в которых слова употребляются в прямом значении, а к тропам – обороты со словами в переносном значении, т. е. значении, отличном от их буквального смысла, которые образуются по принципу образной индизомонимности².

Основоположником подобного разграничения выразительных средств языка на тропы и фигуры считается Аристотель, который в IV в. до н. э. обобщил теоретические наблюдения предшественников и создал свое учение о форме словесного выражения, написав два трактата «Поэтика» и «Риторика», в которых рассмотрел отдельные риторические фигуры и тропы. В основе разделения выразительных средств языка на тропы и фигуры лежит механизм совершающихся в них семантических преобразований³.

Обширным трудом и самым ранним памятником разработки риторики в Риме считают «Риторику для Геренния», составленную неизвестным автором в I в. до н. э., которая дает более полное представление о риторической традиции того времени. Важным правилом риторики

ки является правило элокуции, т. е. словесного оформления мысли. Согласно римской риторической традиции, фигуры, к которым и относится перечисление, так как строится по принципу переносных словесных значений, делятся на два класса: фигуры мысли (*figurae sententiarum schemata*) и фигуры слова (*figurae verborum*), где функцией фигур мысли является выделение основной идеи, а функцией фигур слова – привлечение внимания слушателя к определенному месту в ораторской речи⁴. Перечисление в римской риторической классификации не упоминается, однако с точки зрения выполняемой функции оно предположительно относится к фигурам слова, выполняя декоративную функцию, тем самым увеличивая эмоциональное воздействие на реципиента. Мы приходим к выводу, что лежащий в основе классификации функциональный подход обусловлен жанром применения фигур, т. е. жанром ораторского искусства. Следует отметить, что словесные фигуры, в свою очередь, включают в себя фигуры конструкции, в рамках которых слова сохраняют свое прямое значение и к которым, соответственно, относится перечисление.

В I в. н. э. Квинтилиан – римский ритор – разработал деление фигур на четыре типа («*Quadripartita ratio*»): прибавление, убавление, замена и перестановка или размещение. Классификация, предложенная Квинтилианом, очевидно, базируется на принципе механизма образования фигур и обусловлена сферой их использования (ораторская речь). Перечисление, которое в классификации Квинтилиана обозначено тремя равнозначными терминами – *enumeratio*, *rescapitulatio*, *anacerphalaïōsis*, принадлежит к первому типу, т. е. является фигурой прибавления или подкрепления, так как образуется «путем накопления синонимических понятий»⁵, следующих одно за другим. Следовательно, местоположение синонимов в пределах фразы также имеет важное значение при классификации фигур прибавления. Так, в рамках классификации учитывается не только механизм образования фигур, но также принцип размещения слов или структурного оформления фигуры⁶.

Обзор подходов к изучению фигур в эпоху Античности показал наличие нескольких классификаций, каждая из которых основывается на определенном принципе или механизме (семантическом, функциональном, синтаксическом или структурном). Тем не менее, перечисление рассматривается лишь в одной из них, что не позволяет нам дать полную характеристику выразительного средства, основываясь лишь на классификации фигур древнего времени.

В период раннего Средневековья происходит пересмотр вопроса соотношения риторики, господствовавшей в Античности, и грамматики, пришедшей ей на смену. Теория фигур основывается преимущественно на работах грамматика

Э. Доната, основными являются трактаты «Варваризмы», «Фигуры» и «Тропы» (IV в. н. э.). Грамматик вводит понятие «метаплазм» для обозначения минимальных отклонений от нормы и утверждает, что фигуры, в основе которых всегда лежит нарушение правил грамматики, являются усложнениями метаплазм. Изучение фигур с точки зрения грамматики обусловило разрыв с античной традицией, поскольку фигуры стали рассматриваться не только как способ построения речи, но и как некое изменение грамматической нормы. Э. Донат выделяет 17 фигур, среди которых перечисление не обнаружено, что свидетельствует о недостаточном интересе теоретиков Средневековья к подобной фигуре⁷.

Еще одна классификация фигур средневекового периода была предложена Гервасием Мальклейским (*Arts versificaria*). Он выделил три категории: фигуры тождества, фигуры сходства, фигуры противоположности. В основе классификации лежит принцип соотношения прямого и переносного лексического значения единиц в составе фигуры⁸. Г. Мальклейский не упоминает перечисление в предложенной классификации, однако нам представляется возможным отнести перечисление к фигурам тождества, так как слова в рамках перечисления не меняют своего смысла.

Анализ основных классификаций средневекового периода показал, что перечисление оставалось неизученным. В связи с тем, что в фокусе внимания мыслителей Средневековья стояли преимущественно проблемы грамматической нормы, явление перечисления не представляло особого интереса для теоретиков рассматриваемого периода.

На смену Средневековью приходит эпоха Возрождения, в период которой риторика вновь становится доминирующей дисциплиной среди наук о языке. Это связано с началом книгопечатания, способствовавшего развитию художественной литературы и высокого стиля, отличительным свойством которого было интенсивное использование тропов и фигур.

С точки зрения классификации выразительных средств ценным трудом периода Возрождения является трактат Дж. Патнама, посвященный использованию фигур. Автор предлагает выделять три класса фигур: «слуховые» (*auricular*), «смысловые» (*sensible*) и «фигуры предложения» (*sententious*). В основе данной классификации лежит уровневый подход, который активно используется и применяется в настоящее время. Подобная классификация подразумевает, что синтаксические конструкции относятся к «фигурам предложения», из чего Дж. Патнам приходит к выводу о том, что перечисление (лат. *expedition*) принадлежит к последнему классу, так как действует в рамках предложения, украшая его⁹.

В XV–XVIII вв. происходит окончательное размежевание грамматики, сохранявшей свою

самостоятельность, и риторики, которая, в свою очередь, практически поглотила поэтику. Любой текст теперь рассматривается с грамматической точки зрения (изучается правильность языковой нормы) и с риторической (анализируется эмоциональная составляющая текста). Учение о тропах и фигурах как в Европе, так и в России не претерпевает особых изменений, работа теоретиков направлена, главным образом, на упорядочение терминологии, что обусловлено наличием многочисленных различий в обозначении отдельных тропов и фигур.

В целях устранения излишней дифференциации обозначений М. В. Ломоносов различает меньшее число средств выразительности, чем античные риторы. В своей книге «Краткое руководство к красноречию» Ломоносов выделяет следующие «фигуры речения»: повторение, усугубление, единознаменование, восхождение, накопление, многосоюзие, бессоюзие и согласование, и отмечает, что в латинских риториках таких фигур больше, но относит их скорее к грамматике, чем к риторике: «И хотя в латинских риториках считают таковых фигур больше, однако прочие отчасти только сродны латинскому языку и для того надлежат до грамматики больше, нежели до риторики, отчасти не имеют столько достоинства, чтобы они за особливые способы в красноречии почтены быть могли»¹⁰. Согласно данной классификации, явлению перечисления частично соответствует фигура единознаменования, которая представляет собой «соединение речений, то же или сродное и близкое знаменование имеющих»¹¹. Тем не менее, если рассмотреть «фигуры предложения», выделяемые Ломоносовым, то можно провести параллель между перечислением и присовокуплением. При присовокуплении к одному имени относятся несколько глаголов или, наоборот, к одному глаголу несколько имен¹². Таким образом, перечисление в своей современной трактовке соответствует как единознаменованию, так и присовокуплению, предложенным Ломоносовым, следовательно, четкого и полного соответствия между фигурами не обнаруживается.

В XIX в. А. А. Потебня в своей книге «Из записок по теории словесности» предлагает еще более упрощенную классификацию выразительных средств, выделяя достаточно ограниченное количество фигур и тропов. Он пишет о метафоре, метонимии, синекдохе, эпитете, сравнении, гиперболе и иронии с точки зрения создания образности, рассматривая их употребление и функционирование в поэтических произведениях¹³. Перечисление в его классификации не упоминается, что может быть объяснено тем, что в XIX в. перечисление не рассматривалось как средство создания образности и экспрессии.

В Европе в XIX в. также были предприняты многочисленные попытки классифицировать тропы и фигуры на основании различных

принципов при рассмотрении разнообразного языкового материала (производился анализ как художественных текстов, так и ораторской речи). А. Г. Горнфельд в своей статье «Фигуры в риторике и поэтики», которая является наиболее ценной работой XIX в., описывающей большое количество классификации фигур, утверждает, что французские классификации того периода, согласно которым все выразительные средства разделялись на «фигуры мысли» и «фигуры слова», являются наименее удачными. Литературовед объясняет это тем, что они остались неизменны со времен александрийской риторики, и считает подобные классификации ненаучными. Горнфельд заявляет, что немецкие классификации фигур этого периода являются более удачными, так как в их основе лежит четкий механизм разграничения фигур на два типа: фигуры, регулирующие расположение слов, и фигуры, останавливающие внимание на определенной мысли. Перечисление или другие подобные фигуры в классификация XIX в. не обнаруживаются, что объясняется тем, что теоретики Нового времени исследовали, как правило, выразительные средства, построенные на сдвигах значения, – метафору, метонимию и синекдоху¹⁴. Значительный вклад в построение обоснований выделения данных выразительных средств внесли Бернгарди, Гербер, Майер, Эльстер, Бен, Фишер¹⁵.

В первой половине XX в. понятия «тропы» и «фигуры» все чаще заменяются понятием «стилистические приемы». Это обусловлено тем, что стилистика начинает формироваться как самостоятельная лингвистическая дисциплина, вследствие чего уточняется терминологический аппарат. Под стилистическим приемом понимается «намеренное и сознательное усиление какой-либо типической структурной и/или семантической черты языковой единицы (нейтральной или экспрессивной), достигшее обобщения и типизации и ставшее таким образом порождающей моделью»¹⁶.

Отметим, однако, что в большинстве стилистик и практических руководств середины XX в. перечисление рассматривается не как стилистический прием. В некоторых работах этот прием отождествляется с приемами асиндетона и полисиндетона (Л. И. Тимофеева и С. В. Тураева¹⁷), в других воспринимается как ряд однородных членов предложения (А. Н. Гвоздев¹⁸, К. И. Былинский¹⁹, Д. Э. Розенталь и М. А. Теленкова²⁰).

Только во второй половине XX в. появляется ряд работ по стилистике, в которых перечисление начинает рассматриваться как один из приемов экспрессивного синтаксиса, а не как фигура конструкции (И. Р. Гальперин, Н. И. Формановская, Н. В. Черемисина). В этих работах исследуются некоторые стороны синтаксической организации и стилистического функционирования перечисления. Одновременно с этим появляется опыт анализа этого приема с позиций теории инфор-

мации. Однако многие вопросы, относящиеся к области исследования перечисления, остаются дискуссионными: не до конца были изучены структурные характеристики и дистрибутивные модели перечисления; существовали различные мнения по вопросу лингвистической природы перечисления; было не полностью объяснено семантическое взаимодействие и взаимообусловленность лексических единиц в ряду перечисления, имевшие место в конструкции в результате их контактного сопоставления в линейном ряду; недостаточно было изучено функционирование данного стилистического приема в различных стилях речи; не было описано взаимодействие перечисления с другими стилистическими приемами в конвергенциях стилистических приемов и, как следствие, отсутствовало окончательное и точное определение приема.

Заметим, что в этот период появляется большое количество классификаций стилистических приемов, которые различаются принципами и механизмами, положенными в основу выделения тех или иных приемов. Три фундаментальные классификации выразительных средств были предложены Дж. Личем, И. Р. Гальпериным и Ю. М. Скробневым и активно применяются в англистике в настоящее время.

Одним из первых лингвистов, предпринявших попытку усовершенствовать и осовременить античную систему тропов и фигур, был Дж. Лич. В своей работе «A Linguistic Guide to English Poetry» (1969 г.) он рассматривает парадигматические и синтагматические отклонения от лексической и грамматической нормы на материале поэтических произведений применительно к стилистическим приемам. Несмотря на то что лингвист рассматривает некоторые фигуры конструкции, перечисление в его классификации отсутствует²¹.

В XX в. в России также были предприняты попытки классифицировать стилистические приемы. В связи с изучаемым вопросом необходимо отметить вклад в классификацию основных стилистических приемов, внесенный И. Р. Гальпериным, который предложил уровневый подход, выделяя фонетический, лексический и синтаксический уровни. Опираясь на работы по синтаксическому анализу текста Л. А. Булаховского, Г. О. Винокура, С. Харриса, Дж. Лионса и других, лингвист рассматривал прием перечисления, относя его к приемам синтаксической группы. Под перечислением он понимал «цепочку объектов, феноменов, качеств, действий, которые следуют один за другим, при этом члены данной цепочки находятся в одинаковых синтаксических позициях, то есть выражены словами одной части речи, однако их семантика разнородна»²².

Трактовка перечисления Гальперина представляется нам наиболее емкой, полной и конкретной. Можно с уверенностью сказать, что определение перечисления Гальперина не только

являлось актуальным в исследованиях синтаксиса советского периода, но и широко используется и активно цитируется в современных работах, посвященных экспрессивному синтаксису (И. Г. Воробьева, О. В. Александрова, А. П. Сквородников).

И. Р. Гальперин подчеркивал важность отграничения стилистического приема перечисления от перечисления логического, конструкции, не являющейся средством художественной выразительности, а выполняющей в тексте логико-классифицирующую функцию²³. Подобное замечание представляется особенно важным с точки зрения отграничения перечисления как стилистического приема от выразительного средства, которое не обладает столь сильным стилистическим эффектом и не привлекает внимания реципиента.

Следует упомянуть, что уровневая классификация стилистических приемов, разработанная И. Р. Гальпериным, вызвала определенные разногласия среди лингвистов. Так, Т. А. Знаменская утверждала, что существует множество приемов, которые могут быть причислены одновременно к нескольким группам²⁴. Таким образом, представляется возможным отнести перечисление не только к синтаксической группе, как предлагал И. Р. Гальперин, но и к фонетической в связи с тем, что единицы перечислительной цепи создают определенный ритм в предложении, в котором используются.

Во второй половине XX в. в рамках исследования стилистических приемов большой интерес вызывал вопрос конвергенций. Понятие «стилистическая конвергенция» впервые было введено М. Риффатером для обозначения пучка стилистических приемов в художественном тексте, используемого автором для создания определенного художественного эффекта. Свое дальнейшее развитие данное понятие получило в работах М. Минкова, Я. Мукаржовского, Ю. М. Скробнева и других отечественных лингвистов. Отмечалось, что функционирование приема перечисления в одном «пучке» с другими стилистическими приемами достаточно ограничено. Наиболее часто перечисление упоминалось в конвергенциях со стилистическими приемами лексической группы (такими, как метафора, метонимия, антонимия, оксюморон, зевгма). Также в исследованиях отмечалось существование конвергенций перечисления и фонетических стилистических приемов (аллитерации, звукоподражания, звукового символизма)²⁵. При этом исследователями отмечалось, что зачастую при конвергенции приемов перечисление носит функцию интенсификации, экспрессивного выделения смыслового содержания конвергенции.

В этот период появляется большое количество подходов к изучению перечисления. Как следствие этого, перечисление начинает рассматриваться не только как стилистический прием.

Оно все чаще заменяется понятием синтаксической конвергенции, которое обозначает группу из нескольких совпадающих по функции элементов, объединенных одинаковым синтаксическим отношением к подчиняющему их слову или предложению (И. Лурия, И. В. Арнольд). Синтаксическая конвергенция может быть создана как единицами лексического уровня, в данном случае используются однородные члены предложения, так и единицами синтаксического уровня, например, придаточными предложениями в составе сложноподчиненного предложения. Синтаксическая конвергенция зачастую основана на семантической неоднородности синтаксически однородных членов, что приводит к созданию комического или сатирического эффекта²⁶.

В середине XX в. делались попытки предложить процедуры анализа приема перечисления, включающие такие этапы, как описание особенностей синтаксического построения единиц, составляющих перечислительный ряд; установление структурно-семантических признаков стилистического приема перечисления, необходимых и достаточных для его идентификации и отграничения от ряда смежных синтаксических стилистических приемов (повтора, нарастания, снижения, синтаксического параллелизма и др.); определение тех структурных отрезков, которые непосредственно образуют перечислительные ряды, и средств их объединения в состав единого целого; а также анализ стилистической маркированности структуры перечисления и средств, способствующих ее интенсификации в тексте художественного произведения²⁷.

В. А. Левашова в своей диссертации, посвященной перечислению, предложила поэтапный анализ для более глубокого рассмотрения этого стилистического приема. В качестве первого этапа анализа предлагалось обращение к особенностям морфолого-синтаксической организации перечисления, т. е. анализ его лингвистической природы. На втором этапе анализа предлагалось выделение критериев стилистического функционирования перечисления. На последнем этапе рассматривалась система функций приема перечисления в художественной речи. Автор пришла к выводу, что главной существенной характеристикой перечислительного ряда является грамматическая равноправность всех его членов, а также частичное или полное совпадение морфологических характеристик соответствующих лексических единиц. В. А. Левашова расширила определение, данное И. Р. Гальпериным, включив в него не только ряды с «семантически разнородной» лексикой, но и ряды, семантика членов которых в лексической системе языка является однородной, но которые, тем не менее, выполняют в тексте определенную стилистическую роль. При этом слова в перечислительной цепи тесно связаны семантически. Соответственно, такими лексическими единицами являются слова или

словосочетания, которые используются в одной коммуникативной функции, т. е. обозначают одно и то же понятие или явление, но, тем не менее, создают определенный стилистический эффект и воздействуют на читателя. Дифференциальными признаками приема перечисления признавались открытость перечислительной цепи (т. е. неограниченность его линейной протяженности) и вариативность структурно-синтаксической организации (возможность модификаций при сохранении тождества между элементами)²⁸.

В последнее десятилетие XX в. в языковедческих работах, посвященных русскому языку, понятие «перечисление» почти не имеет научного освещения, гораздо чаще лингвисты прибегают к понятию «однородные члены предложения». Так, И. Б. Голуб отмечает, что перечисление не является стилистическим приемом, и определяет перечисление как «длинную цепочку однородных членов». Упомянув стилистическое использование «однородных членов предложения», она, тем не менее, не говорит о перечислении как об отдельном стилистическом приеме, а скорее, отождествляет понятия «однородные члены предложения» и «перечисление»²⁹.

В самой поздней классификации стилистических приемов, предложенной Ю. М. Скребневым («Основы стилистики английского языка» 1994 г.)³⁰, перечисление также не упоминается. В основе классификации лежит строгая языковая иерархия, построенная на комбинации принципов, ранее выделенных Дж. Личем и И. Р. Гальпериным. Так, объединяя два подхода, лингвист на материале художественной литературы предлагает рассматривать стилистические приемы согласно двум аспектам (парадигматическому и синтагматическому) и с точки зрения пяти различных уровней (фонетического, морфологического, лексического, синтаксического и семасиологического, которые представлены в виде пирамиды). Согласно предложенному иерархическому методу нам кажется возможным отнести перечисление к приемам парадигматической синтаксической группы, так как перечисление традиционно рассматривается как синтаксическая структура, действующая в рамках одного предложения.

Обзор перечисления в исторической перспективе на материале различных классификаций стилистических приемов продемонстрировал недостаточную освещенность и изученность приема, что обуславливает необходимость дальнейшего углубленного изучения явления перечисления, которое позволит выйти на качественно новый уровень интерпретации рассматриваемого приема. Таким образом, для дальнейшего изучения перечисления, несомненно, необходимы специальные исследования, которые потребуют разработки новых методов анализа в рамках таких наук, как когнитивистика, психолингвистика, и других современных направлений лингвистики.

Примечания

- ¹ См.: *Москвин В.* Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь. 3-е изд. Ростов н/Д, 2007. С. 3.
- ² См.: *Baldick C.* The Oxford Dictionary of Literary Terms. 4th ed. Oxford, 2015. URL: <http://www.oxfordreference.com/view/10.1093/acref/9780198715443.001.0001/acref-9780198715443> (дата обращения: 19.11.2019).
- ³ См.: *Безменова Н.* Очерки по теории и истории риторики. М., 1991. С. 33.
- ⁴ Там же. С. 34.
- ⁵ *Автухович Т.* Античная риторика : учеб. пособие. Гродно, 2003. URL: https://ebooks.grsu.by/antich_ritor/uchenie-o-figurakh.htm (дата обращения: 09.03.2020).
- ⁶ См.: *Фигуры // Литературная энциклопедия* : в 11 т. Т. 11. М., 1939. Стб. 710–713.
- ⁷ См.: *Donatus A.* De solecismo. URL: http://www.intratext.com/IXT/LAT/0364/_P1.HTM (дата обращения: 19.11.2019).
- ⁸ См.: *Гаспаров М.* Средневековые латинские поэтики в системе средневековой грамматики и риторики // *Гаспаров М.* Избранные труды : в 3 т. Т. 1. О поэтах. М., 1997. С. 137.
- ⁹ *Puttenham G.* The art of English poesie. L., 1869. P. 172.
- ¹⁰ *Ломоносов М.* Краткое руководство к красноречию. Кн. 1: В коей содержится Риторика... СПб., 1748. С. 190.
- ¹¹ Там же. С. 193.
- ¹² Там же. С. 209.
- ¹³ См.: *Потебня А.* Из записок по теории словесности. Харьков, 1905.
- ¹⁴ См.: *Горнфельд А.* Фигура в поэтике и риторике // *Вопросы теории и психологии творчества.* Т. 1. Изд. 2-е. Харьков, 1911. С. 13–15.
- ¹⁵ См.: *Фигуры // Литературная энциклопедия.*
- ¹⁶ *Гальперин И.* Стилистика английского языка. 3-е изд. М., 1981. С. 25.
- ¹⁷ См.: *Тимофеев Л., Тураев С.* Словарь литературоведческих терминов. М., 1974.
- ¹⁸ См.: *Гвоздев А.* Очерки по стилистике русского языка. 2-е изд. М., 1955.
- ¹⁹ См.: *Былинский К., Розенталь Д.* Литературное редактирование. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1961.
- ²⁰ См.: *Розенталь Д., Теленкова М.* Практическая стилистика русского языка. М., 1976.
- ²¹ См.: *Leech G.* A Linguistic Guide to English Poetry. L., 1969.
- ²² *Гальперин И.* Указ. соч. С. 197.
- ²³ Там же. С. 198.
- ²⁴ См.: *Знаменская Т.* Стилистика английского языка. Основы курса : учеб. пособие. М., 2006.
- ²⁵ См.: *Арнольд И.* Стилистика. Современный английский язык : учебник для вузов. 4-е изд., испр. и доп. М., 2002.
- ²⁶ См.: *Маторина Н.* Информационный потенциал стилистических конвергенций (на материале англо-американской художественной прозы) : дис. ... канд. филол. наук. М., 1989.
- ²⁷ См.: *Левашова В.* Лингвистическая природа и функционирование стилистического приема перечисления (на материале английского языка) : дис. ... канд. филол. наук. М., 1976. С. 2.
- ²⁸ Там же. С. 10.
- ²⁹ См.: *Голуб И.* Стилистика русского языка : учеб. пособие. М., 1997. С. 56.
- ³⁰ См.: *Скребнев Ю. М.* Основы стилистики английского языка : учебник для вузов. М., 1994. С. 238.

Образец для цитирования:

Савченко Е. В. Фигура перечисления в исторической перспективе // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2020. Т. 20, вып. 2. С. 179–184. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-2-179-184>

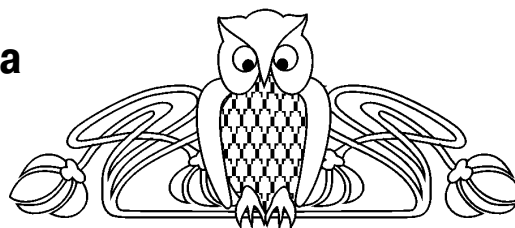
Cite this article as:

Savchenko E. V. Historical Perspective of the Notion of Enumeration. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2020, vol. 20, iss. 2, pp. 179–184 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-2-179-184>

УДК [811.111*276.6:659](477.75-25)

Особенности размещения, тематика и выразительные средства региональной наружной рекламы (на материалах г. Симферополя)

М. Ю. Волконская

Волконская Мария Юрьевна, ассистент кафедры рекламы и издательского дела, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, mvolkonskay@yahoo.com

В статье на материалах свыше 200 модулей проанализированы особенности размещения, тематическая направленность и вербальные приемы, используемые в текстовом оформлении наружной рекламы города Симферополя. Констатировано преобладание билбордов и сити-форматов среди всех рекламных конструкций. Отмечено недостаточное количество ярких выразительных средств вербального характера в оформлении рекламы.

Ключевые слова: реклама, наружная реклама, рекламная конструкция, Республика Крым, Симферополь.

Features of Placement, Theme and Expressive Means of Regional Outdoor Advertising (On the Materials of Simferopol)

М. Yu. Volkonskaya

Maria Yu. Volkonskaya, <https://orcid.org/0000-0003-0045-7302>, V. I. Vernadsky Crimean Federal University, 4 Prospekt Vernadskogo, Simferopol, 295007, Russia, mvolkonskay@yahoo.com

The article analyzes the placement features, thematic focus and verbal techniques used in the text design of outdoor advertising in the city of Simferopol on the material of 200 advertising blocks. The prevalence of billboards and city formats among all advertising structures has been established. An insufficient number of vivid expressive means of verbal nature in the design of advertising is observed.

Keywords: advertising, outdoor advertising, advertising design, Republic of Crimea, Simferopol.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-2-185-191>

В процессах рекламной коммуникации наружной рекламе отводится особая роль. В силу постоянного присутствия в городском пространстве она имеет высокую степень воздействия на потребителя, предлагая вербальные и зрительные образы, которые редко проходят незамеченными. В наружной рекламе есть возможность познакомить зрителя с новым товаром, услугой, социально значимой идеей. И от того, каким окажется первый контакт сторон, зависит судьба их будущего сотрудничества. Зритель может стать клиентом, покупателем, а может и не проявить никакого интереса к объекту рекламирования. Поэтому в рекламоведении уделяется большое внимание выработке оптимальных способов соз-

дания и функционирования наружной рекламы с учетом специфики товара, аудитории, региона.

Целью нашего исследования является анализ особенностей размещения, тематической направленности и вербальных средств воздействия наружной рекламы г. Симферополя. Актуальность проблемы определяется тем, что данный аспект развития региональной рекламы на материалах Крыма исследуется впервые. В то же время процесс интеграции Республики Крым в российское правовое, экономическое и культурно-духовное пространство представляет научный и практический интерес. Изучение процессов развития рекламной деятельности в регионе поможет сформулировать рекомендации по ее совершенствованию, переходу на более высокий содержательный и технологический уровень.

Изложение результатов исследования начнем с краткого обзора литературы по избранной теме. Это поможет не только понять степень изученности проблемы, но и обозначить методологические подходы к ее исследованию: во многих работах апробированы новые методики контент-анализа и новые критерии оценки эффективности рекламных приемов. Полагаем, что их применение будет полезным и при изучении региональной крымской рекламы.

В научном дискурсе вопросы наружной рекламы представлены в монографиях, практических пособиях, научных статьях многих авторов. Отметим, прежде всего, книгу «Наружная реклама» с обстоятельным анализом одного из ведущих носителей рекламной информации, технологий его производства, лингвистических аспектов подготовки рекламного текста¹. Научный интерес представляют также пособия А. Н. Назайкина², В. Б. Устина³, С. Н. Бердышева⁴, в которых не только раскрываются теоретические вопросы, связанные с классификацией наружной рекламы, спецификой ее видов, но и даются практические советы по медиапланированию, разработке текстового контента и визуального оформления носителей наружной рекламы.

В последние годы также опубликованы десятки статей, в которых проанализированы актуальные вопросы создания и функционирования наружной рекламы, ее воздействия на потребителей. Рассмотрим наиболее интересные материалы. М. А. Южанникова на конкретных примерах изучила использование приемов языковой игры в качестве выразительного средства наружной

рекламы. Автор пришла к выводу о рискованности применения приемов двусмысленности, «так как такая реклама может быть как очень эффективной, так и неудачной, вызывающей скорее отторжение»⁵. Эта же тема развивается в работе О. А. Адясовой, проанализировавшей использование таких элементов языковой игры, как стилизация под советские лозунги и столкновение переносного значения с прямым толкованием лексемы⁶. В русле указанного подхода следует рассматривать и статью А. Ж. Кайрамбаевой. На материалах наружной рекламы г. Павлодара в ней исследуются синтаксические приемы, выполняющие суггестивно-экспрессивную функцию рекламы. По мнению автора, наиболее часто встречаются такие приемы, как номинативные и вопросительные предложения, парцелляция, параллелизм, повтор, дейктические конструкции, расположение компонентов рекламного текста⁷. Кемеровские ученые Э. С. Денисова и Е. А. Василенко обратили внимание на приемы метаграфематики и их роль в психологическом воздействии на потребителей текстов наружной рекламы. Предметом их исследования стали выбор шрифтовых гарнитур и средств шрифтового выделения (курсив, подчеркивание, разрядка, использование заглавных букв и т. п.), а также способы размещения текста на плоскости⁸.

Интересная классификация текстов рекламы по частотности апелляции к ценностям представлена в статье Н. В. Аниськиной. На материалах 150 текстов наружной рекламы автор определила, что львиная доля контента апеллирует к таким ценностям, как стремление экономить (40% текстов), обладать модным, современным товаром (18%), вести комфортный, здоровый образ жизни (14%)⁹. Статья Л. Д. Филиогло посвящена рассмотрению манипулятивных технологий в наружной рекламе: эвфемизмов, приемов нейролингвистического программирования, применения «психологического заражения», игры на зрительном восприятии¹⁰. В статье Е. Б. Петровой и Я. С. Черниковой проанализированы языковые средства англоязычной наружной рекламы¹¹. При всей актуальности проблемы следует заметить, что в Крыму использование иностранных языков как средств рекламного воздействия на аудиторию минимально. Англоязычные слова употребляются лишь как названия брендов, в самом тексте рекламы их можно встретить достаточно редко.

Отдельно выделим статью Т. П. Курановой и П. А. Кабановой, в которой средства воздействия наружной рекламы рассматриваются в региональном аспекте рекламной коммуникации. На материалах 28 рекламных модулей, расположенных в г. Ярославле, авторы проанализировали соединение и дополнение друг другом вербальных и визуальных элементов наружной рекламы, выступающих как «единое и неделимое пространство»¹².

В статье доктора филологических наук С. С. Шляховой анализируются особенности наружной рекламы российских мегаполисов¹³. Автор приводит данные по 11 крупнейшим городам России с численностью населения, превышающей 600 тыс. чел. С одной стороны, Симферополь в это число не входит, но, с другой – по некоторым критериям он не уступает показателям развития наружной рекламы мегаполиса. Например, если исходить из того, что в Симферополе официально выделено 466 мест для размещения рекламы¹⁴, а площадь города составляет 107,41 км², то по количеству рекламных конструкций на 1 м² Симферополь превосходит Хабаровск, Владивосток и Уфу, представленные в списке мегаполисов. Причем Симферополь с показателем 4,3 более чем в два раза превосходит показатели Уфы и Хабаровска.

Как и в других городах России, в Симферополе наружная реклама стала неотъемлемой частью городского пейзажа в период формирования рыночной экономики, т. е. в 90-е гг. прошлого века. На первых порах ее развитие проходило стихийно, а в качестве рекламных конструкций часто выступали стволы деревьев, телеграфные столбы, стены зданий и сооружений, трансформаторные будки – все, к чему можно было приклеить или прикрепить плакат. Особенно ярко это проявлялось в дни проведения предвыборных кампаний, когда преимущественно в неустановленных местах расклеивались агитационные материалы многочисленных кандидатов в народные избранники. К концу первого десятилетия 2000-х гг. можно было наблюдать некоторую упорядоченность в размещении наружной рекламы, а в технологиях ее производства наметилась тенденция к переходу к новым материалам и формам конструкций.

Сегодня наружная реклама в Симферополе представлена всеми основными формами рекламных носителей. Предметом нашего исследования стали 121 отдельно стоящая конструкция, а также не менее 100 вывесок и витрин. Что касается последних, их точное число определить не всегда удается, так как во многих случаях можно отметить довольно пестрое оформление коммерческого пространства заведения (торгового центра, рынка, магазина, кафе и проч.) с множеством элементов наружной рекламы, встречающихся одновременно.

Анализ отобранного контента позволяет обнаружить, что среди рекламных конструкций в городском пространстве преобладают билборды (рис. 1). Их в выборке оказалось больше половины – 65.

Несмотря на низкое эстетическое качество самой конструкции, популярность билбордов объясняется большим размером и расположением у проезжей части наиболее оживленных транспортных магистралей. Частые пробки на дорогах увеличивают время «считывания» по-

Рис. 1. Пример билборда с сезонной рекламой и апелляцией к стремлению экономить

ребителем рекламной информации на билборде в несколько раз, повышая эффективность такой рекламы. В последнее время наметилась тенденция постепенного перехода от обычного рекламного щита к призмодинамическим рекламным установкам со сменой изображений (рис. 2). Но на внешний вид конструкции обычно это не влияет и не делает ее более эстетичной.

Вторыми по распространенности являются сити-лайты (рис. 3), в том числе совмещенные с остановочными павильонами общественного транспорта (рис. 4). В выборке их количество составило 33. Установки сити-формата куда более изящны, рекламная информация размещается в них под стеклом, часто бывает динамической, а подсветка в темное время суток позволяет потребителям лучше ее воспринимать.

Конструкции, о которых речь пойдет далее, стали типичными для Симферополя уже в последние годы. После присоединения Крымского полуострова к России в городе начались масштабные градостроительные и реконструктивные работы, частью которых стала установка на перекрестках оживленных улиц указателей на изящных металлических столбах. К этим столбам прикрепляют небольшие рекламные установки в виде панель-кронштейнов с боковым креплением или коробов, обхватывающих столб с четырех сторон (рис. 5).

Предметом анализа стали 23 рекламы на таких указателях. Особенностью размещения рекламных сообщений на них является привязка к местности: в большинстве случаев рекламировались заведения, расположенные в непосред-

Рис. 2. Пример призмодинамической рекламной конструкции со сменным изображением

ственной близости от указателей. Дополнительная стрелка на панели давала направление движения.

Менее распространенными, но также встречающимися на улицах Симферополя, являются штендеры, ролл-апы и другие мобильные конструкции. Первые чаще всего можно встретить у входа в заведения общественного питания, вторые – у входа в бутики в торговых центрах, а также последние выступают как элемент оформления стендов на выставках. Брандмауэры в виде панно из винилового полотна встречаются на фасадах незавершенных новостроек с рекламой фирмы-застройщика, а также в виде рекламного щита – на стенах зданий (рис. 6).

Перетяжки можно увидеть на некоторых людных улицах, пилларсы – пока нетипичны для города. Лайт-боксы и светодиодные экраны как технология появились в Симферополе еще в прошлом десятилетии, но вследствие слабой распространенности назвать их определяющими облик наружной рекламы нельзя.

Таковы основные виды наружной рекламы, размещенной в Симферополе. Анализ ее тематики лег в основу представленной таблицы.

Как показывает анализ полученных результатов, реклама концертов, шоу, всякого рода зрелищ в наружной рекламе количественно преобладает. Здесь сказывается сезонный фактор: исследование проводилось в середине лета, в разгар курортного сезона, когда количество

гастролеров, а также число концертных мероприятий, фестивалей, шоу-программ в Крыму возрастает. Жарким сезоном можно объяснить и преобладание в рекламе бытовой техники кондиционеров и вентиляторов (см. рис. 1), а в рекламе продуктов питания – мороженого, кваса и других прохладительных напитков. Летом также увеличивается количество реклам зоопарков, аквапарков, музеев и других мест, куда приглашаются туристы (см. рис. 2). Сам Симферополь не является туристическим центром, но известен как «ворота Крыма», куда различными видами транспорта прибывают гости полуострова, направляясь затем на Южный берег, в Евпаторию, Бахчисарай, Севастополь и другие места отдыха и развлечений. Таким образом, целевой аудиторией наружной рекламы Симферополя являются не только жители города, но и несколько миллионов туристов, ежегодно прибывающих на полуостров. Поэтому рекламе, адресованную не только местному населению, но и гостям Крыма, практически круглый год можно видеть на различных носителях.

Вопрос о выразительных средствах наружной рекламы, на наш взгляд, является основным в исследовании темы статьи, так как они определяют содержание рекламного контента и то воздействие, которое он окажет на потребителей. Однако с сожалением приходится констатировать тот факт, что разработчики контента наружной рекламы Симферополя не проявляют доста-

Тематика объявлений на отдельно стоящих рекламных конструкциях в г. Симферополе

Тематика рекламы	Количество рекламных конструкций
Афиши концертов, шоу, театральных постановок	15
Продукты питания, в т. ч. продуктовые бренды	11
Банковские услуги	9
Продуктовые супермаркеты	6
Супермаркеты электроники	6
Автосалоны, автосервис	6
Развлечения для туристов (аквапарки, зоопарки и др.)	6
Магазины стройматериалов	5
Медицинские услуги	5
Продажа недвижимости	4
Одежда	4
Мебель, текстиль	4
Развивающие занятия для детей, услуги логопеда	4
Юридические и нотариальные услуги	3
Ювелирные магазины	3
Социальная реклама	3
Пустые билборды	3
Другое (кафе, рестораны, мобильная связь, товары для детей, вызов такси, студии красоты, товары для взрослых, многопрофильные торговые центры, ветеринарные услуги, свадебный салон, охотничий магазин, оперативная полиграфия, комиссионный магазин, военторг, магазин музыкальных инструментов)	24

Рис. 3. Пример сити-лайта с сезонной рекламой и стилизацией под популярный мультфильм

Рис. 4. Пример сити-лайта, совмещенного с остановочным павильоном общественного транспорта

Рис. 5. Пример рекламы на уличных указателях

Рис. 6. Пример брендмауэра в виде рекламного щита

точного креатива, чтобы сделать рекламу яркой, запоминающейся, вызывающей эмоции. Большинство рекламных текстов состоят из простых предложений: номинативных, односоставных, двусоставных неполных и т. п. Например: «Егор Крид. 26 июля. Ночной клуб “Ribiza”», «Сергей Лазарев. Ялта. Юбилейный. 7 августа. 20.00. Новое шоу. Билеты онлайн», «Бухгалтерские услуги. Сдача отчетности. Консультация. Регистрация и ликвидация ООО и ИП», «Снаряжение для дайвинга и подводной охоты», «Японский сад “Шесть чувств”», «Магазин “Нарядница”: одежда и обувь для танцев» и др. Если такие тексты используются в оформлении вывесок, которые отличаются небольшими размерами и требуют лаконичности, это понятно. Но они характерны и для всех других видов наружной рекламы, в том числе билбордов и сити-лайтов. Соответственно, главную роль в таких рекламных играх не текст, а приемы метаграфемы.

Из более чем 200 реклам, отобранных для анализа, лишь в 37 обнаружены элементы текста, свидетельствующие о желании разнообразить банальную констатацию факта того, что где-то что-то находится. Речь идет, прежде всего, о слоганах и других элементах языковой игры, манипулятивных технологиях и т. п. Приведем примеры наиболее интересных вербальных приемов:

- апелляция к семейным ценностям: «Строим с заботой о детях!»;
- апелляция к высокому качеству и натуральным ингредиентам пищевого продукта: «Всегда из свежего молока», «Союз вкуса и качества» (см. рис. 6), «Чистый вкус настоящего молока»;
- апелляция к высокому качеству и оригинальности промышленных товаров: «В мире, полном подделок, будь оригиналом» (указатель у входа в магазин одежды), «Обувь. Немецкое качество»;
- апелляция к желанию красиво выглядеть: «Мы за Вашу элегантность!» (магазин тканей);
- апелляция к патриотическим чувствам крымчан: «Вместе с Россией» (Банк «Россия»);
- стилизация под советские лозунги: «Каждый должен съесть хоть пельмень!» (Сеть столовых «Советская пельменная», на плакате изображен рабочий с поднятой вверх рукой);
- языковая игра на соответствии названия торговой марки и слов в тексте рекламы: (йогурты «Вкуснотеево» – «Чтобы жить вкусно» (см. рис. 4)), (банк «Россия» – «Вместе с Россией»), (торговый комплекс «Центрум» – «Centrum приятия» (см. рис. 2));
- двусмысленность, усиливающаяся зрительным восприятием: «Да! Вот это квас!» (Квас «Староминский». Половину рекламного поля занимает изображение большегрудой девушки с бокалом кваса. Нетрудно догадаться, что под возгласом «Вот это квас!» скрывается «Вот это класс!»);
- языковая игра на парадоксе: «Мы поможем его прокормить» (установка газа на автомобиле),

«Если села батарейка» (медицинская лаборатория), «Море бывает черным, а мороженое – синим!»;

– апелляция к стремлению сэкономить, сэкономить средства, получить выгоду: «Хорошие вещи по лучшей цене», «Экономьте с нами!», «Дешевле всех. Нашел дешевле? Вернем 130% от разницы цены», «Сделаем цену лучше, чем у конкурента», «Проснись с выгодой. Сироп в подарок», «Удар по ценам!», «Территория низких цен», «Платите меньше по кредитам», «Время выгодных сбережений!», «Тотальная ликвидация техники. От 90%», «Жаркий сезон скидок» (см. рис. 1);

– апелляция к стремлению к комфорту, удобству: «Janita ... это наслаждение для ног», «Обувь для тех, кто любит комфорт», «Легко готовить! Вкусно жить!» (кухонная мебель);

– апелляция к стремлению быть лучшей, покупать только лучшее: «Выбери для себя только лучшее» (спортивная обувь);

– стилизация под известные произведения игрового, анимационного кино и других видов искусства: «Ты это, приезжай!» (на рекламе изображены герои популярного мультфильма «Жил-был пес»; в оригинале фраза звучала так: «Ты это, заходи, если что») (см. рис. 3);

– апелляция к ценности здоровья: «Раскрой в себе силу и здоровье!» (торговая марка молочной продукции);

– апелляция к стремлению жить весело, повышать адреналин: «Оторвись на виноградниках» (фестиваль «Золотая Балка»).

Слоганы как выразительные средства использованы также в социальной рекламе, представленной на нескольких носителях: «Мы выбираем жизнь» (к Международному дню борьбы с наркоманией и незаконным оборотом наркотиков), «Твой город – твои решения! Присоединяйся!» (общественное движение «Активный Симферополь»), «Опасный переход – роковая ошибка» (ГИБДД предупреждает).

Наиболее остроумно выглядят рекламные тексты одного из бутиков одежды и обуви: «Если честно, шопинг куда лучше, чем психотерапия. Цена одна, но Вы остаетесь с платьем»; «Возьмите деньги, отложенные на черный день, и купите себе новые туфли. И, возможно, черный день так никогда и не наступит». Единственным недостатком приведенных текстов является их неоригинальность: после набора в поисковой строке браузера первой части фразы, Интернет сразу же выдает вторую. Пытаясь внести разнообразие в нечто стандартное и скучное, люди часто обращаются к Интернету. В данном случае такое стремление похвально, хотя правильнее было бы указывать авторов используемых в рекламе афоризмов, чтобы избежать обвинений в нарушении авторских прав.

Интересно то, что результаты нашего исследования полностью подтвердили вышеприведенный вывод Н. В. Анискиной о том, что 40% апелляций к ценностям в рекламе представляют

собой апелляцию к стремлению экономить (11 из 37 реклам). Очевидно, это объясняется тем, что основную часть рекламной аудитории как Симферополя, так и других городов и регионов России составляют люди небогатые, для которых каждая копейка на счету. Это обстоятельство учитывают маркетологи и рекламисты, выстраивая соответствующую работу с потребителями.

Таким образом, в развитии наружной рекламы Симферополя прослеживаются несколько тенденций:

1) среди рекламных конструкций преобладают билборды, сити-лайты и реклама на указателях. Билборды, несмотря на популярность среди рекламодателей, относятся к конструкциям, скорее нарушающим эстетический облик города, чем украшающим городское пространство. В перспективе рекомендуется их заменить современными установками с использованием передовых технологий: динамическими конструкциями, светодиодными экранами и т. п.;

2) в тематике наружной рекламы большую роль играет сезонный фактор. Поскольку исследование проводилось летом, в рекламе широко представлены товары и услуги летнего ассортимента, а также адресованные туристам;

3) большинство реклам не имеет ярких выразительных средств вербального характера и ориентировано на использование приемов метаграфимики. Анализ средств графического выделения не являлся целью данного исследования и будет представлен в следующих работах;

4) как и в других регионах России, в вербальной рекламе преобладает апелляция к стремлению потребителей жить экономно и получать выгоду от покупок.

Примечания

- 1 См.: Наружная реклама / сост. Н. В. Аниськина, Т. Б. Кольшикина. М., 2013.
- 2 См.: Назайкин А. Наружная, внутренняя, транзитная реклама. М., 2014.
- 3 См.: Устин В. Наружная реклама : практическое руководство. М., 2009.
- 4 См.: Бердышев С. Эффективная наружная реклама, М., 2010.

- 5 Южанникова М. Риторические приемы двусмысленности в наружной рекламе (к вопросу о языковой игре) // Мир науки, культуры, образования. 2009. № 6 (18). С. 91.
- 6 См.: Адясова (Локоткова) О. Лингвокультурная специфика языковой игры в наружной рекламе // Урал. филол. вестн. Сер. Язык. Система. Личность : лингвистика креатива. 2017. № 2. С. 15–23. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/lingvokulturnaya-spetsifika-yazykovoy-igry-v-naruzhnoy-reklame> (дата обращения: 19.10.2019).
- 7 См.: Кайрамбаева А. Синтаксические приемы как экспрессивные средства рекламного дискурса (на материале наружной рекламы г. Павлодара) // Вестн. КемГУКИ. 2012. № 18. С. 131.
- 8 См.: Денисова Э., Василенко Е. Воздействующий потенциал способов и приемов графодеривационной игры (на материале наружной рекламы г. Кемерово) // Вестн. КемГУ. 2012. № 2 (50). С. 133–138.
- 9 См.: Аниськина Н. Ценностная аргументация в наружной рекламе // Символ науки. 2016. № 8. С. 95.
- 10 См.: Филюгло Л. Манипуляция в наружной рекламе (на примере наружной рекламы г.о. Тольятти) // Азимут научных исследований : педагогика и психология. 2015. № 1 (10). С. 101–105.
- 11 См.: Петрова Е., Черникова Я. Основные способы речевого воздействия в дискурсе наружной рекламы на английском языке // Вестн. ТГПУ. 2015. № 4 (157). С. 165–171.
- 12 Куранова Т., Кабанова П. Вербальные и визуальные средства воздействия в региональной наружной рекламе // Ярослав. пед. вестн. 2013. № 2. Т. 1. Гуманитарные науки. С. 172.
- 13 См.: Шляхова С. Наружная реклама крупного промышленного города : контент и стратегии влияния // Вестн. Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. 2017. Т. 9, вып. 1. С. 110. DOI: 10.17072/2037-6681-2017-1-108-121
- 14 См.: Информационная справка «Сфера распространения наружной рекламы на территории Республики Крым». Ответ заместителя Министра внутренней политики, информации и связи Республики Крым от 05.06.2019 г. на запрос заведующего кафедрой рекламы и издательского дела Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. URL: <https://e-mail.ru/attach/15598936520416170021/0%3B0/?x-email=bv.10%40mail.ru&folder-id=0> (дата обращения: 20.09.2019).

Образец для цитирования:

Волконская М. Ю. Особенности размещения, тематика и выразительные средства региональной наружной рекламы (на материалах г. Симферополя) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2020. Т. 20, вып. 2. С. 185–191. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-2-185-191>

Cite this article as:

Volkonskaya M. Yu. Features of Placement, Theme and Expressive Means of Regional Outdoor Advertising (On the Materials of Simferopol). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2020, vol. 20, iss. 2, pp. 185–191 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-2-185-191>

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1.09+929[Шахматов+Пыпин]

А. А. Шахматов об А. Н. Пыпине

Е. В. Степанова

Степанова Елена Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры начального языкового и литературного образования, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, ste-jelena@yandex.ru

Публикуемые воспоминания А. А. Шахматова – важный источник изучения жизни и деятельности А. Н. Пыпина. На основании живого свидетельства рассматриваются основные направления научной и организационной деятельности Пыпина в период его пребывания в Академии наук, раскрываются отдельные стороны его личности.

Ключевые слова: А. Н. Пыпин, А. А. Шахматов, воспоминания, Отделение русского языка и словесности, Академия наук.

A. A. Shakhmatov about A. N. Pypin

E. V. Stepanova

Elena V. Stepanova, <https://orcid.org/0000-0003-0802-4368>, Saratov State University, 83 Astrahanskaya St., Saratov 410012, Russia, ste-jelena@yandex.ru

Published memoirs of A. A. Shakhmatov are an important source of study of the life and work of A. N. Pypin. On the basis of the living testimony, the main directions of scientific and organizational activities of Pypin during his tenure in the Academy of Sciences are considered, certain aspects of his personality are revealed.

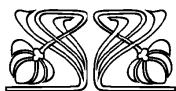
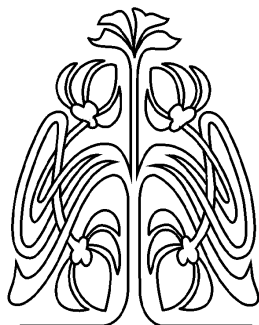
Keywords: A. N. Pypin, A. A. Shakhmatov, reminiscences, Department of the Russian language and literature, Academy of Sciences.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-2-192-195>

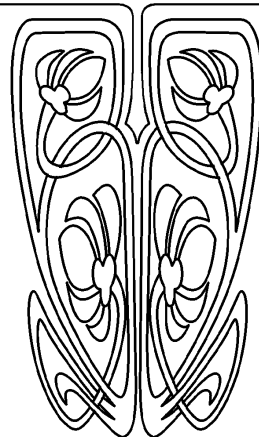
Публикуемые воспоминания академика Алексея Александровича Шахматова входят в корпус немногочисленных мемориальных источников о выдающемся ученом-гуманитарии, академике, основателе культурно-исторической школы в русском литературоведении Александре Николаевиче Пыпине (1833–1904). Они были написаны в 1913 г., в год 80-летия со дня рождения Пыпина, по просьбе его дочери Веры Александровны. В ответном письме Шахматов отмечал: «Посылаю Вам несколько строк об Александре Николаевиче. С искренним чувством написал я их и жалею, что вышло мало и бледно. Надеюсь, я не очень запоздал с ответом на Ваше предложение»¹.

Воспоминания Шахматова охватывают значимый период в жизни и творчестве Пыпина, связанный с избранием его ординарным академиком по Отделению русского языка и словесности и его последующей работой в Императорской академии наук.

С университетской скамьи Пыпин был настроен связать свою жизнь с научной деятельностью, однако планы в полной мере не реализовались. В 1857 г., защитив магистерскую диссертацию «Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских», он командирован Министерством народного просвещения в Европу «для приготовления к профессорскому званию по русской словесности»². По возвращении в марте 1860 г. в звании экстраординарного профессора молодой ученый был определен на кафедру всеобщей истории литературы историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета, которую спустя полтора года вынужденно покинул вместе с группой профессоров в знак протеста против

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

реакционной политики властей в отношении студенческих требований демократизировать систему высшего образования. К преподавательской работе он больше не вернулся. Но интенсивности научной работы не смогла помешать почти полувековая редакционная и журналистская деятельность Пыпина в журналах «Современник» и «Вестник Европы».

В 1871 г. Пыпин – ученый с европейским именем, автор исследований по истории, филологии, славистике, этнографии, в том числе монографических трудов «Обзор славянских литератур» (в соавторстве с В. Д. Спасовичем) (1865), «Общественное движение в России при Александре I» (1871), избирается адъюнктом Академии наук по Отделению русской истории. Однако решение с его утверждением затянется вследствие неблагоприятных оценок «политических взглядов и мыслей» ученого, «не соответствующих, по мнению Министра народного просвещения Д. А. Толстого, ... государственному устройству»³. Дело закончилось отказом самого Пыпина от избрания. Вновь вопрос о его академическом статусе был поднят в 1898 г. Отделением русского языка и словесности (ОРЯС) и благополучно завершился избранием Пыпина ординарным академиком Академии наук.

По воспоминаниям А. А. Шахматова, его личное знакомство с Пыпиным состоялось в 1896 г. Однако оба находились в поле зрения друг друга задолго до этого времени. Шахматов как представитель «младшего поколения» филологов был знаком с исследованиями ученого по истории древнерусских памятников, славянских литератур, русской этнографии, а также его общественно-историческими трудами. В письме к Пыпину от 25 мая 1900 г. Шахматов писал: «С большим интересом перечел я книгу [«Общественные отношения в России при Александре I» (3-е изд. – Е. С.)], с которой познакомился еще на первом курсе университета <...>. Как хорошо, что Вы дали моим сверстникам, младшему поколению, новое издание этого прекрасного труда»⁴. О талантливом молодом лингвисте Московского университета был осведомлен и Пыпин, по рекомендации которого в 1889 г. Саратовская ученая архивная комиссия избрала двадцатипятилетнего Шахматова, уроженца Саратовской губернии, ее почетным членом⁵.

Как показывает переписка ученых 1898–1904 гг., их общение носило характер коллегиально-дружеский. Наряду с организационными вопросами по Академии наук: присутствия на заседаниях, редактирования «Известий», подготовки международного съезда славистов, поднимаются темы и частного характера. Так, например, Шахматов сообщает о приступах болезни сына⁶, о хлопотах, связанных с устройством свадьбы его сестры⁷, он принимает активное участие в разрешении проблемы Пыпина, связанной с захватом его земли в Аткарском уезде⁸. О высокой

степени доверия Пыпина к Шахматову говорит и тот факт, что в своем завещании ученый назовет его в числе тех, к кому его дети могут обратиться за помощью в практических делах, у кого они найдут «совет и содействие»⁹. Пыпину Шахматов посвятил свою работу «Сказание о призвании варягов», опубликованную в 1904 г., в год смерти Александра Николаевича.

Текст воспоминаний публикуется с сохранением авторской орфографии и пунктуации. Недописанные слова взяты в угловые скобки.

С Александром Николаевичем Пыпиным я познакомился в 1896 году, вскоре после избрания моего в члены Академии Наук¹⁰. Я чувствовал давно большое уважение к автору «Очерка старинных повестей и сказаний русских»¹¹, «Общественного движения при Александре I»¹² и других важных исследований по литературе и этнографии¹³. Мне было тяжело думать, что А. Н. Пыпин не член Отделения русского языка и словесности, которое так хотелось тогда видеть средоточием русской науки. Впечатления от первого знакомства усилили мои симпатии к А<лександр> Н<иколаевич>. Он поразил меня своею живостью, удивительной начитанностью и тою энциклопедичностью, которая позволяла ему братья за ряд обобщающих трудов. Помнится, я однажды застал его за рецензией одного этнографического сборника и видел его возмущение от той крайней небрежности, с какою составитель отнесся к явлениям языка; другой раз я нашел Пыпина за изучением одного из древних наших паломников, личность которого ему хотелось разгадать. Так ясно было, что имеешь дело с полным почти юношеского жара настоящим ученым. Мне казалось, что в чиновном Петербурге таких ученых не найдешь. Болезнь и смерть жены¹⁴ А<лекса> Н<иколаевич> были, как кажется, причиною того, что несколько раз подряд я его не заставал: это задержало на некоторое время мое сближение с ним.

С величайшей радостью пришлось мне принять участие в баллотировке А<лекса> Н<иколаевич> в члены Отделения р<усского> яз<ыка> и сл<овесности> на очистившееся после смерти К. Н. Бестужева-Рюмина¹⁵ кресло. Мне казалось, что представление об его избрании, записка об его ученых заслугах, написаны несколько холодно и суховато. Так и хотелось подчеркнуть, что Отделение видит в привлечении А<лекса> Н<иколаевич> в свою среду исполнение своего долга перед русской наукой. Кандидатура А<лекса> Н<иколаевич> в Отделении встречена была общим одобрением и прошла без всяких возражений. Помню, что в Общем Собрании Академии, куда направлено было представление, решение Отделения было приветствовано с разных сторон. У многих

членов Академии вырвалось слово: «наконец-то»¹⁶.

Став членом Отделения р<усского> яз<ыка> и слов<есности>, А<лександр> Н<иколаевич> сразу получил руководящее влияние на его занятия. Моя личная симпатия к нему увеличилась еще больше, когда я увидел то сердечное отношение, которое он проявлял к интересам Академии и к ее славе. Больше чем кто-либо иной А<лександр> Н<иколаевич> сознавал свой долг и долг всей Академии перед родиной. Сознание это не выливалось в тирадах или сентенциях: оно проявлялось им в каждом подлежавшем обсуждению Академии деле, тем особенным вниманием, которое свидетельствовало об особенном уважении его и к науке, и к научным деятелям, и к самой Академии. Вспоминая отношение А<лександра> Н<иколаевича> к вопросам, занимавшим Отделение, я ясно вижу, что его интересы специалиста, его научные занятия, вся его работа направлялись одним высшим чувством: любовью к России и к родному великорусскому племени. Вступая в знакомство с А<лександром> Н<иколаевичем>, мне казалось, что я найду в нем скорее теоретика прогресса и европейца, несколько отставшего от русской жизни. Я сильно ошибся: А<лександр> Н<иколаевич> оказался человеком с глубоко заложенным национальным чувством. Это чувство было для него не мертвым, бесплодным началом: оно вызывало его к активному действию, ставя перед ним реальные задачи, устанавливая связь между его научной работой и великим делом общественного строительства. А<лександр> Н<иколаевич> любил русскую старину: он находил в ней так много для себя родного, громко говорившего его впечатлительному уму и нежному сердцу; он любил многострадальное и величественное прошлое русского народа: здесь так ярко для его научного творчества выступали беззаветные жертвы, принесенные общему делу, и громадные усилия, создавшие русскую культуру и просвещение; А<лександр> Н<иколаевич> любил и в настоящем этот народ с его неисчерпаемыми нуждами, но с жаждой прогресса и усовершенствования: что-то близкое, неотъемлемое свое, соединялось у А<лександра> Н<иколаевича> с представлением о русской деревне и ее обитателях. В заседаниях Отделения, в частных беседах, во всех своих ученых предприятиях А<лександр> Н<иколаевич> представлялся мне не только носителем высоких идеалов, но и обладателем согретого любовью сердца: всюду он проявлял искреннее благожелательство. Сколько симпатии и деятельной любви было в отношениях А<лександра> Н<иколаевича> к современной литературе, к молодым деятелям на почве науки и этнографии! А<лександр> Н<иколаевич> полюбил и Отделение: он старался сблизиться со своими сочленами и сбли-

зить их между собой, вызывая их на частные между собою свидания, устранивая между ними собеседования. Ему казалось, что это сблизит их и на деле, скрепив связь между ними и высоким делом, им порученным.

А<лександр> Н<иколаевич> вступил в Академию в преклонном возрасте¹⁷. Горячую деятельность, которую он проявил здесь, можно было бы объяснить желанием его успеть подвести итоги своим работам, стремлением осуществить намеченные в течение долгой жизни задачи. Но мне, видевшему А<лександра> Н<иколаевича> на деле, более убедительным представляется другое объяснение. Как я уже сказал, А<лександр> Н<иколаевич> был особенно высокого мнения о задачах и обязанностях Академии Наук, и быть может, несколько преувеличенно смотрел и на свои обязанности перед Академией. Отделение р<усского> яз<ыка> и слов<есности>, по его убеждению, должно было брать на себя осуществление сложных и ответственных научных предприятий, оправдывая этим свое высокое призвание. И каждый академик, – так чувствовал А<лександр> Н<иколаевич>, – должен, не покладая рук, работать в приобщившем его к себе храме науки. Академия Наук и академики должны оправдать те жертвы, которые на их содержание несет бедная просвещением страна. Вот впечатление, вынесенное мною из того, что я слышал и видел за время семилетней совместной с А<лександром> Н<иколаевичем> работы в Отделении.

С любовью и рвением отдавал А<лександр> Н<иколаевич> свой труд на редактирование Известий Отделения¹⁸; он жертвовал свои слабые силы на издание сочинений императрицы Екатерины II¹⁹, тщательно изучая рукописные материалы и собирая данные для классического их комментария; он с полной верой в успех стал во главе комитета по устройству славянского научного съезда и тщательно разрабатывал подробности этого неосуществившегося до сих пор предприятия²⁰; своими публичными докладами он один из первых положил начало деятельности разряда изящной словесности²¹, самая организация которого вырабатывалась при участии А<лександра> Н<иколаевича>. Вместе с тем А<лександр> Н<иколаевич> готовит свод материалов по литературе славянских апокрифов и легенд²², подводит итоги собранному им обширному библиографическому материалу по истории русской этнографии²³; усиленно работает над новым изданием своей знаменитой «Истории славянских литератур»²⁴, привлекая к этим работам молодых сотрудников; собирает материалы для биографии Белинского²⁵; перерабатывает в четырехтомный труд свои статьи по истории русской литературы²⁶ и пр.

Весьма возможно, что трудолюбие и энергия А<лександра> Н<иколаевича> и вне Ака-

демии наметили бы и осуществили весь этот ряд научных предприятий. Но А<лександр> Н<иколаевич> так тесно слился с Академией, так сросся со званием академика, что все труды казались морально связанными с Академией и предпринятыми прежде всего на ее пользу и славу. Цельная личность А. Н. Пыпина вызывала цельное впечатление и такое же цельное впечатление вызывала его плодотворная научная деятельность.

А. Шахматов.
14 августа 1913 г.

(РО ИРЛИ (Пушкинский Дом). Ф. 163. Оп. 4. № 40. Л. 3–4. Рукопись).

Примечания

- 1 Письмо А. А. Шахматова В. А. Пыпиной от 14 августа 1913 г. // Рукописный отдел ИРЛИ (Пушкинский Дом). Ф. 163. Оп. 4. № 40. Л. 1.
- 2 Формулярный список А. Н. Пыпина // Там же. Ф. 250. Оп. 4. № 31. Л. 2.
- 3 Семевский В. Памяти А. Н. Пыпина // Русская мысль. 1904. № 12. С. 170.
- 4 Из переписки деятелей Академии наук. Л., 1925. С. 113.
- 5 Там же. С. 111.
- 6 Там же. С. 113.
- 7 См.: Шахматов А. Письма и телеграммы А. Н. Пыпину. 1889–1900 гг. // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 621. № 971. Л. 80.
- 8 См.: Шахматов А. Письма и записки А. Н. Пыпину 1903–1904 гг. // Там же. № 973. Л. 95.
- 9 Озерянский А. Завещание А. Н. Пыпина // Четыре века. Сборник статей, посвященных 400-летию Саратова. Саратов, 1991. С. 127.
- 10 С 1891 г. Пыпин состоял членом-корреспондентом Императорской Академии наук по Отделению русского языка и словесности.
- 11 Точное название работы – «Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских» (1857).
- 12 «Общественное движение в России при Александре I» (1871).
- 13 Пыпину принадлежит около 1500 печатных работ, в том числе монографические исследования по литературе и

этнографии: «Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятых годов» (1873), «Белинский. Его жизнь и переписка» (1876), «История славянских литератур» в 2 т. (1879, 1881), «История русской этнографии» в 4 т. (1890–1892), «История русской литературы» в 4 т. (1898).

- 14 Пыпина Юлия Петровна скончалась 5 декабря 1897 г.
- 15 Бестужев-Рюмин Константин Николаевич (1829–1897) – российский историк, в 1865–1884 гг. – профессор русской истории Петербургского университета, с 1890 г. – академик Императорской АН.
- 16 Избрание Пыпина ординарным академиком по Отделению русского языка и словесности состоялось 10 января 1898 г. Высочайшим приказом от 7 февраля 1898 г. он был утвержден в избрании и определен на службу по ведомству Народного просвещения.
- 17 25 марта 1898 г. Пыпину исполнилось 65 лет.
- 18 С 1899 г. Пыпин совместно с Шахматовым был привлечен к редактированию «Известий Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук».
- 19 См.: Сочинения императрицы Екатерины II. На основании подлинных рукописей и с объяснительными примечаниями академика А. Н. Пыпина : в 12 т. СПб., 1901–1907.
- 20 Речь идет о международном съезде славистов, который ОРЯС планировало провести в 1904 г. Организационную комиссию по его подготовке возглавил Пыпин. Русско-японская война и революция 1905–1907 гг. в России помешали его проведению.
- 21 В 1899 г. император учреждает в АН разряд изящной словесности, в состав которого должны избираться почетные академики из числа писателей, художников, литературных критиков.
- 22 См.: Пытин А. Легенды и апокрифы в древнерусской письменности // Вестн. Европы. 1894. Март. С. 291–339.
- 23 См.: Пытин А. История русской этнографии : в 4 т. СПб., 1890–1892.
- 24 Третье издание «Истории славянских литератур» ученый не успел осуществить.
- 25 Первое издание двухтомного труда Пыпина «Белинский. Его жизнь и переписка» вышло в 1876 г., второе – после смерти ученого в 1908 г.
- 26 См.: Пытин А. История русской литературы : в 4 т. Изд. 2-е, перераб. и доп. Т. 1–3. СПб., 1902 ; Т. 4. СПб., 1903.

Образец для цитирования:

Степанова Е. В. А. А. Шахматов об А. Н. Пыпине // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2020. Т. 20, вып. 2. С. 192–195. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-2-192-195>

Cite this article as:

Stepanova E. V. A. A. Shakhmatov about A. N. Pypin. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2020, vol. 20, iss. 2, pp. 192–195 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-2-192-195>

УДК 821.09-3+398.21(100)

Образ Золушки в восточных и западноевропейских сказках

Л. Пханаван

Пханаван Латсадапхон, аспирант кафедры истории зарубежных литератур, Санкт-Петербургский государственный университет, amphone7@yahoo.com

В статье анализируется образ Золушки в восточных и западноевропейских сказках. Дается сопоставительный анализ внешних и внутренних характеристик героини, проводится связь между сказками и их мифологическо-ритуальной основой, изучаются тотемические мотивы персонажей.

Ключевые слова: Золушка, сказка, Перро, братья Grimm, Базиле, тотем, ритуал, золотые башмачки.

The Image of Cinderella in the Fairy-Tales of Western Europe and the East

L. Phanavan

Phanavan Latsadaphone, <https://orcid.org/0000-0002-0488-0442>, St. Petersburg University, 7–9 Universitetskaya Emb., St. Petersburg 199034, Russia, amphone7@yahoo.com

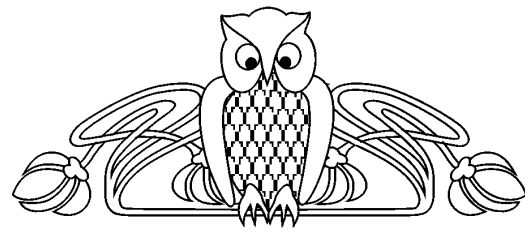
The article discloses the images of a fairytale character Cinderella in the literary heritage of Western Europe and the East. The comparative analysis of the character's external and internal qualities is carried out, the relation between fairy tales and myth-ritual basis is ascertained, totemic motives of the characters are examined.

Keywords: Cinderella, fairytale, Perrault, Grimm, Basile, totem, ritual, golden shoes.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-2-196-200>

Изучение сказочных сюжетов является увлекательным занятием и одновременно представляет собой одно из наиболее востребованных направлений в сравнительном литературоведении. История про золушку – одна из самых известных в мировой литературе. Сюжет этой сказки, по классификации Аарне – Томпсона (Aarne – Thompson)¹ относится к типу «преследование героини» – так называемый 510 А: притесняемая в доме падчерица получает от покойной матери (крестной-феи) или каких-либо животных чудесный дар (красивое платье и башмачки), в девушку влюбляется принц, она прячется, ее узнают по башмачку.

На сегодняшний день известно более тысячи модификаций данной сказки. Впервые на Востоке китайская сказка про золушку появляется в IX в. н. э., именно тогда ее внес в свой сборник «Всякий разносол из Ю-яна» китайский литератор Дуань Чэньши (803–863). В Европе сказка о Золушке появляется значительно позднее, в сформировавшемся виде она публикуется дву-

мя авторами в XVII в.: итальянцем Дж. Базиле («Кошка-Золушка», 1634) и французом Ш. Перро («Золушка», 1697). В XIX в. свою обработку фольклорного материала предлагают немецкие сказочники – братья Grimm.

В статье мы обратимся к изучению образа золушки в восточном и европейском литературном наследии. Для анализа «азиатского» варианта золушки нами было отобрано четыре сказки: чжуанская (народная) «Сиротка», китайская (народная) «Е-сянь»², тайская «Золотой бычок»³ (автор – король Сиам Рамы II (1767–1824)), лаосская «Золотая черепаха»⁴ («Сказание Аунг Сана о маленькой черепахе», автор неизвестен, возможно, житель Исана). Каждая из выбранных сказок по-своему необычна и интересна, в каждой отражены культурно-психологические особенности национального характера.

Отличительной чертой всех сказок о золушке является прекрасный внешний облик главной героини. Например, в чжуанской сказке изначально постулируется, что девушка Татиа исключительно красива, и этот фактор играет решающую роль, поскольку мачеха мстит ей именно по причине природной красоты падчерицы. В китайской сказке героиня Е-сянь, когда предстает перед глазами своего суженого, тоханьского вана, в шелковом платье с перьями зимородка, оказывается «видом словно небожительница»⁵. Внешние черты тайской Ыай и лаосской Уттхакэу в целом совпадают с чжуанским вариантом. Итальянка Цеццола, получившая впоследствии прозвище Кошка-Золушка, обладает «невероятной красотой»: встретивший ее на балу король находит ее ослепительной, «словно солнцу»⁶, и тотчас влюбляется. Золушка Ш. Перро пленяет сердце не только принца, поскольку и прибывшие на бал «гости невольно загляделись на незнакомую красавицу»⁷. Братья Grimm создали образ своей героини также необычайно привлекательным, ибо принц влюбился в прекрасную незнакомку на балу с первого взгляда и протанцевал три вечера подряд исключительно с ней.

Вместе с тем внешняя привлекательность героини соответствует ее внутренним добродетелям. Все варианты сказок указывают на послушание, трудолюбие, добросердечие и исключительную скромность девушки. Например, Ш. Перро сообщает о своей Золушке, что та была «на редкость кроткая и ласковая» и «сто раз милее своих разряженных сестриц»⁸. А Татиа в чжуанской сказке весьма хозяйственна

и любит чистоту. Это неоспоримое достоинство помогает душе девушки, сохранившейся в одном единственном побеге бамбука, вернуться в мир людей: живя в доме у старой волшебницы, материализовавшаяся героиня прибирается в ее жилище, и в благодарность старица оставляет ее навеки в человеческом обличье. Аналогичный сюжетный ход можно встретить и в лаосской сказке о Золотой черепахе: там героиня Уттхакэу после насильственной смерти превращается в айву, но в виде оборотня-девы входит в дом благочестивых старцев, помогая им по хозяйству, после чего в благодарность старики чудесным образом дарят героине новую жизнь среди людей.

Еще одним достоинством всех золушек является терпеливость и исполнительность. Все героини очень сострадательны и незлобивы: по достижении высокого положения никто из них не мстит своей мачехе за притеснения и кровные обиды, хотя, к примеру, Е-сянь очень переживала по поводу несчастной участи своей подруги золотой рыбки, которую втайне от девушки сварила ее приемная мать, а лаотянка Уттхакэу вообще теряет свою матушку из-за козней второй жены отца. Вот и европейской Золушке Ш. Перро изрядно доставалось от дочерей мачехи, но она сумела их простить от чистого сердца, не причинив им никакого вреда.

Но все же кое-кто из героинь не так уж безропотно относится к своей участи. Например, Татиа способна по справедливости поступить со своей сестрицей за свою неоднократную гибель (европейскому читателю не стоит удивляться такому сюжетному повороту, потому что ближний метемпсихоз в восточной сказке считается явлением заурядным). Героиня в конце своих испытаний дает наущение сестре, как той преумножить свою красоту, по выполнении которого девица умирает в муках, что влечет смерть от горя и мачехи. В немецком варианте Золушка, пусть и косвенно, выступает в качестве злого рока в судьбе своих сестриц: на свадьбе главной героини голубки выклевают девицам глаза с той же легкостью, с какой они выбирали клювами чечевичные зерна, когда помогали своей госпоже в изнурительных домашних обязанностях, навязанных по воле родственников.

Практически все золушки являются мастерицами в каком-либо деле. Чжуанская Татиа хорошо прядет, китайка Е-сянь «искусна в добыче золота»⁹, что говорит о ее развитых навыках, усидчивости, старательности и необычайной удачливости. Тайская Ыай обладала изящным вкусом и была мастерицей в рукоделии, поэтому после своей метаморфозы (буддийский монах превратил ее из попугайчика в человека) сплела для своего мужа царя Бороматхата такой красоты венки, что через него он сумел опознать свою, казалось бы, потерянную навсегда супругу. Цеццола и Золушка братьев Гримм умело ухаживали

за чудесными деревьями, так что они стали исполнять их сокровенные пожелания.

Умение обращаться с родовой магией является отличительной чертой героинь, что неизбежно направляет наш литературный анализ к проработке мифологической составляющей сказки и ее ритуальной основы, так как лингвисты полагают, что мифологическая семантика весьма близка к сказочной. О том, что сказка о золушке произрастает из мифа, свидетельствует распространенность сюжетов волшебной сказки о браке с тотемным существом, о дарении женой мужу некоей удачи, о традиционных брачных испытаниях (что соответствует сюжетам 400 и 425 по упомянутой в начале статьи классификации Аарне – Томпсона). Антропологи утверждают, что миф рассказывает о событиях сакрального прошлого и строится на ощущении сопричастности к мифическому первопредку-тотему, который в представлении носителей культа является создателем родовой группы как людей, так и животных/растений, поэтому обе эти группы считаются родственными по сущности и по происхождению. В связи с этим тотемы обладают двойственной природой, принадлежат одновременно и миру животных/растений, и миру людей, вследствие чего являются посредниками между указанными группами в разрешении нарастающих противоречий и проблем¹⁰.

Все героини восточных сказок наделены мистической способностью общаться со своими родственниками-тотемами. Так, Татиа в чжуанской сказке могла разговаривать со своей матерью, превращенной в буйволицу (священное животное в индийской мифологии), а также прилетевшей ей на смену помощнице-вороне. Этнологи на сей счет поясняют, что у ряда народов палеоазиатской группы (у чукчей, коряков, камчадалов) ворона, она же Ворон, до настоящего времени считается творцом Начальных Времен, выступая одновременно и первопредком, и культурным героем¹¹. Ворон также теснейшим образом связан брачным ритуалом (заключение обменного брака с неродственными группами). В чжуанской сказке ворона ниспосылается предками Татиа с целью защиты от нападков мачехи-колдуньи и устройства ее счастливой супружеской жизни, что подтверждает тотемный статус этой птицы. Ворона помогает девушке быстро справиться со всеми поручениями мачехи, а также учит подопечную магии на костях, рекомендует ей закопать останки буйволицы-матери под банановым деревом, откуда в день праздника песни девушка смогла извлечь нарядное платье и башмачки, которые ей помогли удачно выйти замуж за сына вождя племени. Неслучайным представляется и выбор растения: судя по всему, пернатый друг посоветовал девушке схоронить кости буйволицы в корнях дикорастущего банана, именуемого в тайском языке «клуай тани». По тайскому преданию, именно там проживает

лесная фея-дух Тани, родовой предок некоторых таеязычных групп. Тайцы носят амулеты с обликом лесной феи Тани и повязывают зеленым шелком стволы этого дикорастущего растения как бы в дар ее хозяйке¹², что опять-таки говорит о родовых отношениях с этим божеством. Фея леса помогает всем хорошим людям. Можно предположить, что она не обделила своим вниманием и несчастную девушку Татиа, превратив буйволовые кости в свадебный наряд.

Аналогичной способностью обладают и другие восточные золушки. Китайка Е-сянь общалась со своим духом рода У, к которому она принадлежала, а именно с загадочным человеком с распущенными волосами, одетым в рубище, весьма напоминающим даосского монаха, обретшего бессмертие. Он-то ей и раскрыл секреты родовой магии, сообщив, как воспользоваться останками любимой ею золотой рыбки, чтобы те стали волшебным средством (которое помогло ей со свадебным нарядом). Тайка Ыай разговаривала с золотым бычком, в которого вселилась душа ее матери, а далее утка помогла своему родовому потомку вырастить из костей рыбки священное дерево Бодхи, где окончательно обрела покой душа матери героини. Лаотянка Уттхакэу смогла заговорить с золотой черепахой, инкарнацией ее матери. Черепаха также почитается у народов Юго-Восточной Азии первоматерью, лежащей на дне глубокого океана, от ее телодвижений зависит состояние воды – штиль или буря. Поэтому неудивительно, что душа матери вселилась в тотемное животное. Но когда черепаха погибает, на помощь девушке приходит еще один тотемный предок в виде собаки.

В ритуальном плане собака является особенным животным. У народностей мяо и яо (обитающих в гористой местности Таиланда, Лаоса, Вьетнама, Южного Китая) собака может использоваться в качестве сакральной жертвы богам, заместителя человеческой жертвы¹³, что сближает этот ритуал с мифологической первоосновой. Все эти народы почитают в качестве своего предка именно собаку, а точнее сказать, медведеобразного пса, которого китайцы величают Пань-гу. По легенде, данный мифозой появился из яйца, а после смерти из различных частей тела Пань-гу возникло все окружающее человека мироздание¹⁴. Собака Пань-гу по своим типическим функциям является тотемным предком, обладающим чертами культурного героя.

Вот почему именно собака подсказывает Уттхакэу, как из костей черепахи возродить дух матери в виде дерева Бодхи. Представляется, что дерево Бодхи в данном случае контаминирует с другим деревом этого рода фикусовых – баньяном. *Ficus bengalensis* является священным древом как у тайцев, так и лаосцев. Так, в тайской поэме «Кхун Чанг, Кхун Пхэн» баньян символизирует судьбу главных героев – деревья вянут, если посадившие их «хозяева» заболевают, и даже гиб-

нут, когда герои умирают¹⁵. Это произведение перекликается с тайской и лаосской сказкой: когда главную героиню убивают злокозненные родственники, то дерево Бодхи также находится на грани гибели.

Интересно отметить, что и в европейском варианте сказки прослеживается тема общения золушки с родовыми животными и растениями. Например, в итальянской версии Цецолла общается с голубкой, которая при встрече с ее отцом князем предстает как девушка, «красивая, словно знамя вознесённое»¹⁶. За добрую память и признательность (имеется в виду почитание безвременно ушедшей матери девушки) фея дарит Цецолле: 1) волшебное средство – побег финиковой пальмы; 2) прилагающееся к волшебному средству заклинание, позволяющее им воспользоваться, и инвентарь в виде «золотой мотыжки, золотого ведёрка и шёлковой нити – всё для того, чтобы посадить и возделывать пальму»¹⁷; 3) свои волшебные способности, с помощью которых героиня облачается в роскошные наряды для праздника¹⁸. Пальмовый побег через четыре дня благодаря заботе Цецоллы превращается в пальму ростом с женщину, из которой выходит фея-даритель с типическими для сказки функциями родовой охранительницы. Фея-голубка дарит героине наряды на праздник, в том числе итальянский башмачок-пьянелла, с помощью которого в конце сказки героиня будет узнана королем.

В сказке братьев Grimm родовым деревом оказывается орешник, который вырос на могиле матери, орошаемой горькими слезами Золушки. Лещина у многих европейских народов связывалась с миром усопших родственников, а на святочную неделю (фестивальная основа ритуала) по углам дома разбрасывались ветки орешника для «кормления» предков¹⁹. К родовому орешнику прилагался тотем-помощник, в качестве которого выступала «белая птичка», прилетающая на это дерево всякий раз, «когда Золушка ей высказывала какое-нибудь желание», при этом «птичка сбрасывала ей то, о чём она просила»²⁰. У белой птички были и другие товарищи – голубки и горлилки, помогавшие Золушке справиться со сложными поручениями на кухне и подсказавшие суженому принцу, кому в действительности принадлежал золотой башмачок, упавший с ноги героини.

Лишь в сказке Ш. Перро у Золушки нет родовых помощников в виде животных или растений, но родственные отношения в делах магии все же появляются. На помощь Золушке в решении вопроса о ее удачном замужестве приходит фея, которая по совместительству является ее крестной матерью. Она дарит девушке праздничный наряд вкуче с хрустальными туфельками, она же дает карету с экипажем и свитой.

Следует отметить и говорящие имена золушек. Так, Татиа с чжуанского переводится «Си-

ротка». Тайская Ыай (ไฉ่) буквально обозначает «Старшая Сестрица», ибо у нее имелись две младшие сестры от второй магушки. Утххакэу (อุทัย) или же более древний вариант Уса переводится с санскрита ни много ни мало как «Сияние Утренней Зари», что, безусловно, демонстрирует ее необычайные душевные качества. Однако китайская золушка Е-сянь (葉限) – это просто имя, как какая-нибудь русская Наташа, и особого значения не имеет. Итальянская Цецолла (Zezzolla) также является непереводаемым именем, зато ее прозвище La Gatta Cennerentola соответствует пониженному статусу и означает «Кошка-Золушка» в знак того, что ночевала она в лохмотьях у очага и выполняла по дому всю черновую работу. В сказке Ш. Перро и братьев Grimm у героини нет имени, дается только ее прозвище Золушка, что вполне можно рассматривать как «замарашка».

Как в восточных, так и западных сказках героиня становится царицей (принцессой) благодаря башмачкам, поскольку узнавание по предмету является одним из характерных сказочных мотивов. Универсальный миф о чудесной туфельке, лежащий в основе подобных сказок, тесно взаимосвязан со священными обрядами продолжения рода. В стародавние времена обувь в свадебных обрядах как символ означала помолвку или саму свадьбу. Разделение пары обуви могло как предвещать разлуку для влюбленных, так и быть связанным с поиском суженого.

Вместе с тем во всех сказках, где одним из чудесных предметов является башмачок (или сплетенный венок), где имеется сюжетный ход с «мнимой невестой» (в «Сиротке», «Золотом бычке», «Золотой черепахе», в сказке братьев Grimm) и где проводится карнавальная тема (в чжуанской сказке встреча Татиа с сыном вождя проходит во время зимнего обрядового праздника, китайская золушка Е-сянь теряет башмачок во время зимнего фестиваля, все европейские золушки блистают на королевском балу и там же теряют туфельку), читатель обнаруживает традиционные брачные испытания.

В этой связи интересно отметить, что мифологическая семантика, вплетенная в канву восточной сказки, сохраняет некоторые онтологические связи с племенными/народными верованиями и ритуалами: «наследие обрядов посвящения», по В. Я. Проппу, связанное с жизненными испытаниями героев, является важнейшей частью сказочного сюжета²¹. Подобные обряды «в еще большей степени свойственны волшебным сказкам, которые в отличие от мифов заведомо нацелены на судьбу индивида»²², как на это указывает Е. М. Мелетинский. Он считал, что брачный обряд, имплицитно составляющий основу сказки о Золушке, вполне укладывается в схему переходного ритуала, поскольку последний предполагает установление связей с

другим родом и сопровождается испытаниями, аналогичными тем, которым подвергаются герои мифов. Собственно говоря, тяготы и перипетии жизни восточной золушки весьма напоминают путь культурного героя: те же испытания на выносливость, страдания, овладение мудростью, временная смерть, контакт с духами, новое рождение²³. В связи с этим интересно отметить, что К. Леви-Стросс оригинально характеризовал брачный ритуал как родовой «податель» жён, поскольку, пройдя через череду испытаний, героиня в конце концов вручает себя «получателю», коим должен стать ее суженый²⁴. На инициационный характер испытаний героини указывает и факт того, что гонителем выступает близкий родственник отец/мачеха, которые оказываются в конце концов побеждены героиней.

Все золушки в восточных сказках находятся в непрерывном общении со своими тотемными родственниками и вместе с тем сами, подобно культурным героям-первопредкам, проходят испытания, умирают, перерождаются, приобретают силу и мудрость, т. е. претерпевают некоторые трансформации, подобно их тотемным первопредкам. Однако процесс демифологизации диктует снижение героя до запредельного уровня парии, заставляя героиню не просто быть отверженными в своей семье, но и пройти через утопление, сварение в кипятке, сжигание в пламени, превращение в птицу, бамбук, айву. Но все же, как бы судьба ни пыталась рассеять золушек в прах в прямом и переносном смысле, они оказываются в силах возвратиться в мир людей и воссоединиться с любимым, заняв причитающуюся их красоте и таланту социальную позицию.

Как можно было заметить, основные внутренние качества золушек, которые подчеркнуты как в восточных, так и в европейских сказках, составляют доброта, сострадательность, незлобность, трудолюбие и исполнительность. Им сопутствует и внешняя привлекательность – необычайная красота, способная очаровывать не только обычных людей, но и принцев, что является особенно важной характеристикой, поскольку речь идет о матримониальном церемониале. На этот осто в нанизываются разнообразные сказочные элементы в соответствии с культурно-историческими условиями, религиозными верованиями, обычаями и нравами. В восточных сказках героиня обладает способностью к метемпсихозу ближнего круга общения, т. е. к скорейшему перерождению в родовых птиц и растений, которые могут оставаться в поле зрения их возлюбленных (что в принципе является магистральной функцией тотема). Кроме того, у восточной золушки ярче прослеживается способность к мистическому общению с природой и потусторонними силами вследствие более развитых анимистических представлений народов Восточной и Юго-Восточной Азии. В европейских сказках преобладает социальный момент

в виде благородства манер и изысканности как символа высокого происхождения Золушек. Однако в какие бы одежды ни рядилась золушка – восточные или европейские, – сказки учат, что красота, помноженная на природную доброту и трудолюбие, воздадутся сторицей, а добро найдет дорогу к счастью, какие бы преграды ни стояли на его пути.

Примечания

- 1 См.: Сказки народов мира. Указатель сказочных сюжетов. URL: <http://skazka.mifolog.ru/books/item/f00/s00/z0000045/st111.shtmlm> (дата обращения: 02.04.2018).
- 2 См.: Е-сянь – Хуйгуня из 9-го века (пер. А. Крисского). URL: <https://magazeta.com/2011/05/huigunya> (дата обращения: 09.12.2019).
- 3 См.: กวีตาดนอมงาม. ปลาปู่ทอง (ฉบับการ์ตูน) นิทานพื้นบ้าน. – ศูนย์หนังสือแห่งจุฬาลงกรณ์มหาวิทยาลัย, 2011. Здесь и далее текст сказки цитируется в нашем переводе.
- 4 См.: พัชรพงษ์ปัญจบุรี. นิทานเพื่อการเรียนรู้ภาษาไทยนานาชาติ. – สำนักส่งเสริมศิลปวัฒนธรรมมหาวิทยาลัยเชียงใหม่, 2013. Здесь и далее текст сказки цитируется в нашем переводе.
- 5 Е-сянь – Хуйгуня из 9-го века.
- 6 *Базиле Дж.* Цеццолла // Сказка сказок, или Забава для малых ребят / пер. с неап. П. Епифанова. СПб., 2016. С. 99.
- 7 См.: *Перро Ш.* Золушка / пер. с фр. Т. Габбе, А. Любарской // Сказки Шарля Перро. М., 2013. С. 53.
- 8 Там же. С. 44.
- 9 Е-сянь – Хуйгуня из 9-го века.
- 10 См.: *Мелетинский Е.* Поэтика мифа. М., 2000. С. 179.
- 11 Там же. С. 175.
- 12 См.: Nang Tani. URL: https://wn.com/nang_tani/wikipedia (дата обращения: 21.10.2019).
- 13 См.: *Стратанович Г.* О ранних верованиях древних китайцев (тотемизм) // Краткие сообщения Института народов Азии. Вып. LXI. М., 1963. С. 65.
- 14 См.: *Мелетинский Е.* Указ. соч. С. 203.
- 15 См.: *Афанасьева Е.* Буддизм тхеравады и развитие тайской литературы XIII–XVII веков. М., 2003. С. 34.
- 16 *Базиле Дж.* Цеццолла. С. 97.
- 17 Там же.
- 18 Там же. С. 98.
- 19 См.: *Максимова А.* Жертвоприношения и каннибализм : настоящая сказка о Золушке. URL: <https://www.cosmo.ru/lifestyle/stil-zhizni/zhertvoprinosheniya-i-kannibalizm-nastoyashchaya-skazka-o-zolushke/> (дата обращения: 21.10.2019).
- 20 *Братья Гримм.* Золушка / пер. с нем. Э. И. Ивановой // Братья Гримм. Полн. собр. сказок : в 2 т. Т. 1. М., 2002. С. 123.
- 21 См.: *Пропп В.* Исторические корни волшебной сказки. М., 2000. С. 37–40.
- 22 *Мелетинский Е.* Указ. соч. С. 227.
- 23 Там же. С. 226.
- 24 См.: *Леви-Стросс К.* Первобытное мышление. М., 1999. С. 324.

Образец для цитирования:

Пханаван Л. Образ Золушки в восточных и западноевропейских сказках // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2020. Т. 20, вып. 2. С. 196–200. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-2-196-200>

Cite this article as:

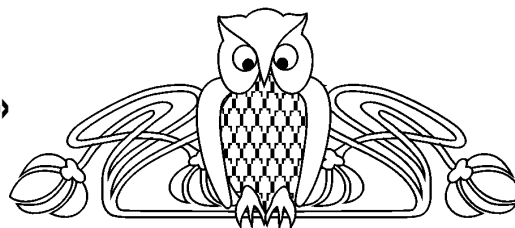
Phanavan L. The Image of Cinderella in the Fairy-Tales of Western Europe and the East. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2020, vol. 20, iss. 2, pp. 196–200 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-2-196-200>

УДК 821.161.1.09-31+821.131.1.09+929[Сологуб+Данте]

Дантовские мотивы в романе Ф. Сологуба «Мелкий бес»

Н. В. Мокина

Мокина Наталия Васильевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, nat.mokina2011@yandex.ru

«Ад» Данте рассматривается в статье как один из прецедентных текстов «Мелкого беса». По мнению автора статьи, дантовские, «адские» коннотации обретают в романе сюжетобразующий мотив *обмана*, а также сквозные мотивы (грязи, болота, слепоты, безумия) и зооморфные сравнения. В целом аллюзии на первую кантику позволяют понять дополнительные аспекты замысла и своеобразие поэтики романа Сологуба.

Ключевые слова: Данте, «Ад», Сологуб, «Мелкий бес», образно-мотивные и сюжетные параллели.

Dante's Motives in the Novel *The Petty Demon* by Fyodor Sologub

N. V. Mokina

Natalia V. Mokina, <https://orcid.org/0000-0002-6314-0823>, Saratov State University, 83 Astrahanskaya St., Saratov 410012, Russia, nat.mokina2011@yandex.ru

The article considers *Inferno* by Dante Alighieri as one of the precedent texts for the novel *The Petty Demon*. The author supposes that Dante's 'infernal' connotations transform in the novel into the motive of *deception* which forms the plot of the novel. The motives that go through the whole novel (of mud, swamp, blindness and madness) as well as zoomorphic comparisons and allusions to the first cantos also reveal other aspects of Sologub's plan and the distinctness of the poetics of the novel.

Keywords: Dante, *Inferno*, Sologub, *The Petty Demon*, parallels in images, motives and plot.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-2-201-206>

В исследованиях символистской рецепции личности и творчества Данте справедливо отмечена принципиальная роль Вл. Соловьева в актуализации поэтических идей автора «Новой Жизни» и «Божественной Комедии»¹ и формировании «дантова кода», объединяющего символистов разных поколений, несмотря на разность их «образов Данте». Знаками «дантова кода», по мнению Л. Силард, являются «курсирующие» между символистскими текстами дантовские слова-образы (круг, роза, Чистилище, Беатриче, подземное пламя) и символизация образа самого Данте² как поэта-предшественника, прошедшего через посвящение в таинство смерти к познанию божественной Любви.

Это представление о сущности «дантова кода» может уточняться и дополняться в работах

других исследователей³, ибо круг дантовских идей, увлекающих символистов, был более значительным, а пути к дантовскому наследию – более сложными⁴ и нередко – индивидуальными. Для Сологуба-романиста такой путь открывал, думается, Н. Гоголь, его опыт освоения дантовских традиций в «Мертвых душах», где русская жизнь изображалась с «оглядкой на “память смертную”»⁵, а идея духовного воскресения человека, прошедшего через испытания адом жизни, формировала архитектуру⁶.

Сологуб не упоминал имени Данте в своих статьях об искусстве, поэтому, не имея возможности апеллировать к высказываниям самого писателя, попробуем реконструировать (хотя бы в самых общих чертах) путь приобщения его к миру «Божественной Комедии», отразившийся в первых его романах.

В библиотеке Сологуба хранилось издание «Ада» 1896 года⁷. Скорее всего, это был перевод Н. Н. Голованова, отредактированный Ф. И. Буслаевым⁸. Но «Ад», несомненно, был прочитан Сологубом раньше, не позднее первой половины 1890-х гг.: об этом свидетельствуют дантовские мотивы и образы в ключевых эпизодах первого романа Сологуба «Тяжелые сны» (1895), наиболее очевидно – в семи снах главной героини, Анны.

Последовательное упоминание локусов в описании сновиденного пути героини (сумрачной долины, зеленого луга, леса, роши, кладбища, пустыни), мотивы страха и познания неведомого мира, сопутствующие Анне, позволяли понять, что она идет по следам Данте, нисходившего по кругам Ада. Опорные образы и знаковые подробности в описании последних снов, например, образы «угрюмых» деревьев, следящих за героиней, или «свирепых псов»-преследователей, а также упоминания о «багряном» воздухе пустыни и песке «красновато-пепельного цвета»⁹ указывали на то, что сологубовская странница проходит по второму поясу седьмого круга, где томились «насилыники естества» (превращенные в деревья¹⁰ или преследуемые «станицами псиц голодных, черной масти»¹¹), и завершает свой путь в третьем поясе седьмого круга, где под огненным дождем, воспламеняющим песок пустыни, терпят муки «насилыники над божеством»¹². В целом дантовские образы и мотивы открывали подлинный сюжет семи сновидений как хождения Анны по безднам подсознания ее избранника, Логина, по «адским кругам» его греховных желаний и как духовного испытания самой героини.

В «Мелком бесе» аллюзии на первую кантику Данте значительнее: дантовские мотивы и образы не локализируются в отдельных эпизодах, а устойчиво сопутствуют повествованию о героях. Причем объемность и функции дантовского «слоя» свидетельствуют не только о восприятии Сологубом сюжетных коллизий «Божественной Комедии» как «источников нового творчества» (говоря словами писателя¹³), но и о творческом влиянии. Думается, этические взгляды Данте, определившие план Ада, дают важный импульс для формирования замысла романа «Мелкий бес», в котором мотив обмана (объединяющий, как известно, истории обитателей восьмого и девятого кругов дантовского Ада) становится сюжетообразующим, *жизнь* персонажей напоминает *смерть*, а сами персонажи – дантовских грешников.

Представление о смерти живущих в «Мелком бесе» акцентируется: в сологубовском городе живыми кажутся «только дети, вечные, неустанные сосуды Божьей радости над землею», но, пишет далее автор, «уже и на них налегла косность, и какое-то безликое и незримое чудище, угнездясь за их плечами, заглядывало порою глазами, полными угроз, на их внезапно тупеющие лица»¹⁴. Танатологические коннотации содержат и описания «печального, как бы не солнечного света» над городом, «безнадежно-обветшалых зданий» (84), топонимы, например, названия «ближайшего городка» *Сафата* (скорее всего, редуцированного названия библейской долины Иосафат, где будет происходить Страшный суд) и реки *Самородины*, явно ведущей свое происхождение от фольклорной реки *Смородины*, за которой – царство смерти.

Мысль о жизни-как-смерти поддерживает и комплекс приемов, определяющих поэтику образов персонажей. В числе наиболее устойчивых – сравнения героев с механизмами, автоматами, куклами, вещами, причем традиционные танатологические аспекты сравнения¹⁵ могут усиливаться экспликацией мотива смерти. Так, председатель уездной земской управы Кириллов производит впечатление «как будто спянного из двух половинок», и это восприятие героя как вещи или игрушки дополняют его «как бы неживые, оловянного блеска глаза» (98). С «хитро придуманной машинкой-докучалкой» сравнивается купец Тишков, кажущийся «уже умершим» (84). Танатологические мотивы сопутствуют и сравнениям героев с демоническими персонажами: например, неподвижные глаза Дарьи Рутиловой, напомнившей ведьму, уподобляются «кругам мертвой луны» (137), а ее «горланье» – «пенью» выпущенного из могилы мертвеца (136).

Наиболее последовательно и явно усиливаясь мотив смерти звучит в повествовании о главном герое Передонове. Более значителен и комплекс приемов, указывающий на «мертвенность» героя. «Мертвенными» автор называет его чувства (85), «мертвыми» – глаза (85, 195, 222 и др.), «растлевающим и умертвляющим аппаратом» – сознание,

ибо «все доходящее до его сознания претворялось в мерзость и грязь» (85)¹⁶. Передонов сравнивается с «заведенной в пляс куклой» (194, 195) и с механизмом (34), причем каждое сравнение дополняется танатологическими мотивами (см.: «механически, как на неживом», прыгают на носу Передонова золотые очки (32); на «неподвижном лице» героя не было никакого выражения, «как у заведенной куклы <...>, и только какой-то жадный огонь мертво мерцал в глазах» (195)). Мотив смерти героя эксплицируется в его сравнениях с «ходячим трупом» или «трупом, движимым внешними силами» (202, 237).

Доминирующая в «Мелком бесе» тема жизни-как-смерти – одна из сквозных в творчестве Сологуба. Она обретает разные аспекты в романах писателя, его поэзии и публицистике. Мысль о духовной смерти современников нередко эксплицируется, например, в афоризме 1905 г.: «Царствуют мертвые»¹⁷ (возможно, являющемся реминисценцией из первой кантики «Божественной Комедии»: обитатели Ада называют его «царством умерщвленных»¹⁸). Еще ранее та же мысль звучала в стихотворении 1897 г. «Живы дети, только дети...» – своего рода поэтической версии рефлексий повествователя в «Мелком бесе». Позднее, в статьях 1918 г. «Без праздника» и «Крещение грязью», Сологуб опишет приметы духовной смерти современников и укажет ее причины, причем «Передоновыми» назовет тех, кто «тупо и самоуверенно портили работу» немногих пытающихся воскресить духовных мертвецов¹⁹.

Тема духовной смерти, безусловно, еще один знак гоголевского присутствия в «Мелком бесе»: это явная аллюзия на поэму «Мертвые души», справедливо признанную исследователями прецедентным текстом романа Сологуба²⁰. Но танатологическая доминанта и в описании соотечественников в статьях, и – ранее – персонажей романа «Мелкий бес», а также формы ее репрезентации в романе имеют, несомненно, и еще один источник (знаковый, в свою очередь, и для гоголевской поэмы) – первую кантику «Божественной Комедии» Данте – «Ад», параллели с которой не только существенно расширяют круг танатологических мотивов, но и, дополняя их «адскими» коннотациями, позволяют уточнить представление о замысле сологубовского романа.

Это мотивы *грязи, болота, мрака, слепоты, безумия* и сравнения с *животными* – опорные уже в начале повествования о Передонове. К первой кантике «Божественной Комедии», как уже отмечалось выше, скорее всего, восходит и мотив *обмана*, сквозной и сюжетообразующий в сологубовском романе.

Прежде всего, отметим дантовские – танатологические и «адские» – коннотации мотива *грязи*. Это один из устойчивых в описании Передонова (а также его невесты Варвары) мотивов, и он имеет двойной смысл. Грязь – и метафора душевной нечистоты героев (автор называет Передоно-

ва и Варвару «грязными людишками» (57), имея в виду их нравственную «грязь», их порочность, и характерная примета их бытовой жизни, даже своего рода «идеал», ибо Передонову хотелось все чистое «испакостити», и он «смеялся от радости, когда при нем что-нибудь пачкали» (85).

Эта повторяющаяся подробность в повествовании о Передонове не только дополняет психологический рисунок образа сологубовского героя, неизменно злобного, угрюмого, желающего «ничего не делать и, замкнувшись от мира, ублажать свою утробу» (85), но и, думается, призвана напомнить о его адских «двойниках» – «грязном люде» (чревоугодниках и «грешниках злой воли»)²¹, терпящих наказание в «грязной гуще»²², в «грязнейшей из клоак»²³, в третьем и пятом кругах Ада.

Мотив грязи в описании дантовских чревоугодников и «грешников злой воли» также имеет двойной смысл: грязь и смрад – «праведное наказание», которое соответствует «преступлению»²⁴: чревоугодники, по словам комментаторов, «плавают» «в отвратительной грязи», потому что «в жизни погружались в грязь»²⁵. И та же «логико-аллегорическая связь» между «образом вины» и «образом кары»²⁶ определяет акцентирование мотивов грязи и болота и в описании «грешников злой воли», «гневных и сердитых», томящихся в пятом круге – «в грязных болотах Стикса»²⁷, превративших тех, кто «не украсил память добротой»²⁸, в «грязный люд».

Устойчивая «адская» семантика мотивов грязи и болота позволяет увидеть дополнительный – танатологический и «адский» – смысл и в именовании Передонова и Варвары «грязными людишками», и в размышлении повествователя о Передонове: «Но, видно, вязко было то болото, куда залез Передонов, и никакими чарами не удавалось перебултыхнуть его в другое» (63). Историю своего героя Сологуб рассказывает как будто с «оглядкой» на дантовских грешников – двойников Передонова.

На эту же «оглядку» может указывать и сравнение Передонова со *свиньей*, повторяющееся в романе (22, 48, 49, 206 и др.), причем дантовские аллюзии не исключают, а дополняют евангельские, гётеанские, Достоевские коннотации сравнения. В дантовском «Аде» образ свиньи тоже устойчиво возникает в описании чревоугодников и «грешников злой воли». Чревоугодник, рассказывающий Данте свою историю (VI песнь), был прозван согражданами Чьякко (Сiассо), что, как отметили комментаторы, «значит просто свинья; обычное в то время прозвище людей этого рода»²⁹. «Погружены, как свиньи, в тину»³⁰ и «грешники злой воли».

Аллюзией на описания дантовских грешников, «приниженных почти до скотства» (по выражению комментаторов³¹) или даже превратившихся в животных (свиней и псов), может быть и устойчивая замена слова «лицо» (в высказываниях самих персонажей, в том числе Передонова, об их собственных лицах) на «хари», «морды», «рожи»

(22, 49, 121, 187). В первой кантике скотоподобие мертвых грешников, ставшее следствием их пороков, эксплицировалось (Данте и Вергилий называли грешников «скотами» или «псами»³²) и имплицитно утверждалось с помощью звуковых мотивов (грешники «воют» или «лают»³³). И, думается, эти «адские» смыслы зооморфных мотивов отзываются в описании не только Передонова, но и других сологубовских персонажей, напоминающих в некоторых эпизодах (например в сцене маскарада) стаю псов или стадо свиней (272–273).

Скорее всего, не только дионисийские, евангельские или гоголевские, но и дантовские (танатологические и «адские») коннотации имеют в романе Сологуба и мотивы безумия (Вергилий называет Ад местом мучения «утративших дар разума небесный»³⁴) и «слепоты» (знака неспособности видеть смысл явлений и жизни в целом), причем мотив «слепоты», устойчиво сопутствующий Передонову, распространяется автором романа на современников: Передонов «был слеп», пишет Сологуб, как «многие из нас» (211).

Данте описывает Ад именно как «мир слепой»³⁵, хотя слепота грешников – особенная: они не могут видеть то, что рядом (так, чревоугодник по прозвищу Чьякко обретает способность видеть Данте только во время рассказа о себе: «Недвижный взор, уставясь на меня, / Померк спустя мгновение, и, словно / Другие, он ослеп <...>»³⁶), но видят «издалека», т. е. знают будущее, причем в X песне это представление акцентируется³⁷.

Можно предположить, что это соединение мотивов слепоты-незнания и зрения-знания трансформируется (в том числе и травестируется) в «Мелком бесе»: «слепой», неспособный видеть-понимать явления действительности Передонов описывает жизнь «через двести или через триста лет», когда «люди сами работать не будут», а «на всё машины будут». Характерно, что сологубовский герой убежден в том, что он доживет до этого времени (253), и эта безумная вера также может указывать на принадлежность Передонова миру смерти.

Формируемое благодаря дантовским мотивам имплицитное уподобление жизни героев «Мелкого беса» адскому существованию – безусловно, не новация Сологуба: оно не только сопутствует, например, гоголевским персонажам, но и нередко эксплицируется в произведениях и русских³⁸, и западноевропейских писателей. В частности, источником сологубовского представления могли быть и герценовские инвективы³⁹, и стихотворение в прозе О. Уайльда «The House of Judgment», герой которого – грешник, судимый Божьим судом по Книге своей жизни, не верит в то, что Бог отправит его в ад, ибо в аду он жил всю свою жизнь⁴⁰. Впервые опубликованное на русском языке в 1898 г. в журнале «Русское богатство», это стихотворение много лет спустя вошло в Полное собрание сочинений О. Уайльда, причем в переводе Ф. Сологуба (воз-

можно, отредактировавшего кем-то выполненный перевод⁴¹).

Но, думается, именно первая кантика «Божественной Комедии» открывает и глубинные смыслы сравнения жизни сологубовских героев с Адом, и суть новаций Сологуба, развернувшего традиционное сравнение и обосновавшего его не столько ужасами жизни или страданиями человека, сколько его греховностью. Сологубовские герои, прежде всего Передонов, не догадываясь об этом, превращают жизнь в адское существование, нисходя все ниже и ниже, но ведет их не Вергилий, а собственная порочность, «жажда злого»⁴².

Передонов действительно совершает все более тяжкие грехи, причем «адский» смысл этих грехов, последним из которых оказывается убийство «сотрапезника», позволяет понять истории дантовских грешников. В начале повествования Передонов отмечен теми грехами, которые дантовский Вергилий вслед за Аристотелем считал проявлением «несдержанности». Такие грехи, как утверждают комментаторы «Ада», «менее всех наказываются», потому что «причиной их является не злая воля, а недостаток сознания и власти над собой»⁴³. Но все очевиднее поступки сологубовского героя определяются «жаждой злого», вызывающей и «насилие», и «обман бесчестный»⁴⁴, наиболее сурово караемый в дантовском Аде, ибо он присущ только человеку и становится источником всякого зла⁴⁵.

Многие поступки Передонова, хотя, безусловно, и травестировано, как будто повторяют грехи обманщиков («вообще людей» и «доверившихся»), описанные Данте: он – злой советчик (по его совету мажут дегтем ворота Вершиной), он – вор и при этом лжец и клеветник, так как обвиняет в воровстве кухарку. «Жажда злого» заставляет его клеветать на Сашу Пыльникову, приписывая ему пороки, клеветать на гимназистов их родителям и на знакомых – жандарму Рубовскому. Однако Передонов обманывает и «доверившегося», совершая то преступление, которое дантовский Вергилий считал «стократ черней, страшней и безобразней»⁴⁶, чем иные обманы: он убивает приглашенного в дом «друга» (287).

Как уже отметили исследователи, финал «Мелкого беса» содержит аллюзии на жертвоприношение Авраамом Исаака⁴⁷, убийство Пенфея⁴⁸, на сцены убийства в романе Достоевского «Идиот»⁴⁹ и романе Э. Золя «Завоевание Плассана»⁵⁰. Дополнительный смысл эпизода открывает XXXIII песнь «Ада», где рассказываются две истории об убийстве сотрапезников, совершенных Альберико и Бранко д'Ориа. Наказанием грешникам за измену «особенному доверию»⁵¹, за обман и убийство приглашенных на трапезу друзей или родных становятся не только их мучения в Толмее (в переводе Н. Голованова – Птолмее) – третьей области девятого круга, *перед дном* Ада, но и их «двойное» существование: «обманывая взоры» (воспользуемся выражением из перевода

М. Лозинского⁵²), их плоть, в которую вселяется «демон»⁵³, продолжает жить на земле, дух же в это время претерпевает муки в Аду. То, что Данте кажется в рассказе одного из убийц сначала «ложью нестерпимой» (ибо Бранко д'Ориа, уверяет он, «ки ест и пьет и ходит невредимо»⁵⁴ в мире живых), оборачивается страшной истиной.

Истории убийц и завершающие их слова Данте об Альберико («С чернейшею душой Романы здесь / Увидел замороженным в Коците / Я одного из вас, кого поднесь / Вы меж собой живым и здоровым зрите!»⁵⁵), по мнению исследователей, открывают «далекую перспективу»⁵⁶ следующим литературным поколениям. Можно предположить, что эта сюжетная идея, свидетельствующая о новых аспектах в представлениях о жизни и смерти, увлекает и Сологуба. Основания для такого предположения дают и само преступление сологубовского героя, и его фамилия – *Передонов*, как будто указывающая на его место в мире мертвых: *перед дном* (т. е. перед четвертой областью девятого круга – Джудеккой), где и пребывают обманувшие «доверившихся». Такие же дополнительные смыслы может иметь и количество глав романа: убийство сотрапезника Володина происходит в последней, XXXII главе. Напомним, что именно в тридцать второй – *от начала странствия Данте с Вергилием по Аду* – песне и описаны убийцы сотрапезников.

Убийство Володина, приглашенного самим Передоновым «пить чай» (286), кажется травестией убийств «сотрапезников», совершенных дантовскими грешниками. Но комические подробности не лишают сцену истинного драматизма. Характерно, что в этой сцене акцентируется мотив обмана. Слова Володина, признавшего Передонова жертвой обмана («Околпачили тебя, Ардаша <...>»), и вызывают желание у Передонова обмануть-убить самого Володина: «Я тебя околпачу! – свирепо зарычал Передонов» (287).

Это превращение Передонова, чревоугодника, сластолюбца, обманщика «вообще людей» в «жаждущего злого» клеветника и убийцу «доверившегося» позволяет говорить о том, что Сологубу оказывается близкой и дантовская этика, не совпадающая «и с церковными нормами, и с житейскими представлениями», и «строгая логика», определившая «нетривиальность распределения в “Комедии” грехов по кругам наказаний»⁵⁷.

Не включаясь в дискуссии по проблемам происхождения дантовских этических представлений и принципов, формирующих иерархию грехов, приведем только одно столкновение дантовской логики, позволяющее одновременно понять и возможную причину обращения к этике Данте Сологуба. Данте, по утверждению Ю. М. Лотмана, оценивал «грехи, заключающиеся в неправедных деяниях», как «менее тяжелые, чем все случаи лживого исполнения знаков», потому что «неправильные поступки причиняют единичное зло, нарушение предустановленных

знаковых связей разрывает саму основу человеческого общества и делает Землю царством Сатаны – Адом»⁵⁸.

Дантовская логика, как можно предположить, убеждает и Сологуба, но «царством Сатаны – Адом» предстает в романе сама земная жизнь, в которой обман и ложь стали нормой. Однако дантовская первая кантика позволяет понять не только глубинные смыслы доминирования мотива обмана, но и композиционный принцип, в соответствии с которым вторая сюжетная линия – история Саши Пыльникова – начинается только в XI главе. И в этой линии мотив обмана тоже будет определять динамику событий: сначала мальчика несправедливо обвиняют в обмане, затем его обманывает Людмила иллюзорной невинностью своих встреч с ним, а потом и сам Саша становится обманщиком, причем он обманывает не только словами, невинными интонациями, но и «лицом» (277), и своими «лживо-невинными» глазами (258).

История мальчика позволяет говорить о нем как о частичном двойнике Передонова. Саша как будто идет по следам (по тем же «кругам») героя-протагониста, повторяя его грехи: чревоугодие (Саша, по словам автора, «любил поесть», и «ему нравилось, что Людмила угощает его сладким» (160)), сладострастие, «насилие» (он «поколачивал» Людмилу (259)), обман. Саша оказывается «поддельщиком»⁵⁹ слов и людей, являясь в разных костюмах – мужских и женских.

Характерно, что «чистенькому» гимназисту сопутствует и мотив «болота»: в одном из снов Людмила слышит запах «теплой застоявшей воды и тины» и видит плывущего по «темной и зловеще спокойной» воде лебедя с лицом Саши (137). Возможно, и фамилия героя, образованная от слова *пыль*, указывает на его символическую связь с «грязным» Передоновым. Такие общие опорные мотивы в двух линиях не только представляют героев, кажущихся антиподами, частичными двойниками, но имплицитно создают образ-символ круга – еще одну дантовскую, «адскую» аллюзию, усиливающую «адские» коннотации в описании земного бытия.

Вероятнее всего, проведенными параллелями дантовский «слой» в «Мелком бесе» не исчерпывается. Но уже можно говорить о том, что первая кантика Данте является прецедентным текстом, участвующим в формировании замысла романа и его поэтики. Жизнь в изображении Сологуба действительно напоминает «царство Сатаны – Ад», пусть и травестированный, но по своему страшный, ибо при жизни «жаждет злого» «принижает» человека «почти до скотства», делает его «слепым» и «безумным». И в это нисхождение по кругам Ада вовлекаются все новые поколения, те, которые *кажутся* еще живыми.

Но одновременно аллюзии на первую кантику «Комедии», органично включающиеся в реминисцентный «слой» и обнаруживающие свою соотнесенность с дионисийскими, гоголевски-

ми, достоевскими и прочими мотивами, помогают писателю решить чисто символистскую задачу – «поставить всё являющееся в общий чертеж вселенской жизни»⁶⁰.

Примечания

- 1 См.: Davidson P. The poetic imagination of Vyacheslav Ivanov : A Russian Symbolist's perception of Dante. Cambridge, 1989. P. 72.
- 2 См.: Силард Л. Дантов код русского символизма // Силард Л. Герметизм и герменевтика. СПб., 2002. С. 162–205.
- 3 См.: Глухова Е. Еще раз о «дантовом коде» русского символизма. URL: https://library.by/portalus/modules/philosophy/readme.php?subaction=showfull&id=1109017125&archive=0217&start_from=&ucat& (дата обращения: 10.12.2019).
- 4 См.: Полонский В. Русский Данте конца XIX – первой половины XX в. : опыт рецепции и интерпретации классики до и после революционного порога // Литературоведческий журнал. 2015. № 2. С. 111–130.
- 5 Манн Ю. «Память смертная» : Данте в творческом сознании Гоголя // Манн Ю. Поэтика Гоголя. Вариации к теме. М., 1996. С. 436.
- 6 См.: Гольденберг А. «Гоголь и Данте» как современная научная проблема // Н. В. Гоголь и современная культура : Шестые Гоголевские чтения : материалы докл. и сообщ. Междунар. науч. конф. (Москва, 31 марта – 3 апреля 2006 г.) / под общ. ред. В. П. Викуловой. М., 2007. С. 159–174.
- 7 См.: Шаталина Н. Библиотека Ф. Сологуба. Материалы к описанию // Неизданный Сологуб. Стихи. Документы. Мемуары. М., 1999. URL: [www:http://rulit.me/books/neizdannyy-fedor-sologub-read-307934-139.html](http://rulit.me/books/neizdannyy-fedor-sologub-read-307934-139.html) (дата обращения: 19.08.2019).
- 8 См.: Данченко В. Данте Алигьери. Библиографический указатель русских переводов и критической литературы на русском языке. 1762–1972. М., 1973. С. 39.
- 9 Сологуб Ф. Тяжелые сны // Северный вестник. 1895. № 9. С. 29–30.
- 10 См.: «Ад» Данте Алигьери / пер. с ит. размером подлинника Д. Мина. М., 1855. С. 108–109.
- 11 Там же. С. 109–110.
- 12 Там же. С. 113.
- 13 Цит. по: Павлова М. Комментарии // Сологуб Ф. Тяжелые сны. М., 1990. С. 358.
- 14 Сологуб Ф. Мелкий бес. Рассказы. М., 2007. С. 84–85. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием страниц в скобках.
- 15 См.: Гиппиус В. Люди и куклы в сатире Салтыкова // Гиппиус В. От Пушкина до Блока. М. ; Л., 1966. С. 303–330.
- 16 Это сравнение представляет свернутый сюжет русской сказки о «нечистом», превращающем проклятые хозяевами золотые предметы в черепки и уносящем золото в «киной мир». См.: Народные русские сказки А. Н. Афанасьева : в 3 т. Т. 2. М., 1985. С. 170–171.
- 17 Сологуб Ф. Афоризмы. Достоинство и мера вещей /

- вступ. заметка и публ. М. Павловой // Неизданный Сологуб. URL: www.rulit.me/books/neizdannyy-fedor-sologub-read-307934-44.htm (дата обращения: 19.08.2019).
- 18 Данте Алигьери. Божественная Комедия. Ч. 1. Ад / пер. размером подлинника (терцинами) Н. Голованова. Изд. 2-е. М., 1899. С. 60.
- 19 Сологуб Ф. Без праздника. URL: http://az.lib.ru/s/sologub_f/text_0360.shtml (дата обращения: 19.08.2019).
- 20 См.: Минц З. О некоторых «неомифологических» текстах в творчестве русских символистов // Минц З. Поэтика русского символизма. СПб., 2004. С. 89.
- 21 Данте Алигьери. Божественная Комедия. Ч. 1. Ад. С. 58, 59.
- 22 «<...> мы проходили грязной гущей / Из ливня и духов» (Там же. С. 47).
- 23 Там же. С. 42, 43.
- 24 Веселовский А. Данте // Данте : Pro et contra. Личность и наследие Данте в оценке русских мыслителей, писателей, исследователей : антология. СПб., 2017. С. 688.
- 25 Данте Алигьери. Божественная Комедия. Ч. 1. Ад. С. 42.
- 26 Аверинцев С. Ад // Мифы народов мира : энциклопедия : в 2 т. М., 1980. Т. 1. С. 39.
- 27 Скартаччини И. Данте / пер. О. Введенской. СПб., 1905. С. 138.
- 28 Данте Алигьери. Божественная Комедия. Ч. 1. Ад. С. 58.
- 29 Там же. С. 45.
- 30 Там же. С. 58.
- 31 Там же. С. 47.
- 32 Так, Данте обращается к «гневному», ставшему «духом грязным»: «Но кто ты, оскотившийся, как пес?», и далее называет его «скотом». «Псом» называет «духа в грязи» Вергилий: «Ты пес, ступай же к псиной стае!». И он же уподобляет «рой грешников» «свиньям», погруженным в тину (Там же. С. 57, 58).
- 33 Там же. С. 52, 51.
- 34 Там же. С. 19.
- 35 Там же. С. 27.
- 36 Там же. С. 47.
- 37 См. объяснение слепоты одним из обитателей Ада: «"Как те, у коих зрение плохое, / Мы видим", он сказал, – "издалека / Нам только знать даровано судьбою. / Но лишь оно приблизится слегка, / Наш бедный разум слепнет скоротечно <...>"» (Там же. С. 75).
- 38 См.: Илюшин А. Реминисценции из «Божественной комедии» в русской литературе XIX в. // Дантовские чтения. 1968 / под общ. ред. И. Бэлзы. М., 1968. С. 152.
- 39 См. размышление А. И. Герцена в статье «Император Александр I и В. Н. Каразин» (1862): «Русская жизнь стоит леса, в котором Данте заблудился, и дикие бесстии такие же есть, даже гаже флорентийских; но нет Вергилия» (Цит. по: Голенищев-Кутузов И. Данте в России // Голенищев-Кутузов И. Творчество Данте и мировая культура. М., 1971. С. 463).
- 40 См.: Динео. Из Англии // Русское богатство. 1898. № 8. С. 199.
- 41 См.: Стрельникова А. «Стихотворения в прозе» О. Уайльда в переводе Ф. Сологуба // Сиб. филол. журн. 2013. № 3. С. 88–92.
- 42 Данте Алигьери. Божественная Комедия. Ч. 1. Ад. С. 79.
- 43 Там же. С. 78.
- 44 Там же. С. 79.
- 45 См.: Назаров В. Этическая структура и моральная символика Ада в «Божественной Комедии» Данте // Этическая мысль. 2017. Т. 17, № 2. С. 93.
- 46 Данте Алигьери. Божественная Комедия. Ч. 1. Ад. С. 80.
- 47 См.: Силард Л. Федор Сологуб и наследие герметизма в России начала XX века (к символике «Творимой легенды» // На рубеже двух столетий. Сборник в честь 60-летия А. В. Лаврова / сост. В. Багно, Д. Малмстад, М. Маликова. М., 2009. С. 608.
- 48 См.: Розенталь Ш., Фоули Х. Символический аспект романа Ф. Сологуба «Мелкий бес» // Русская литература XX века. Исследования американских ученых : сб. ст. : пер. с англ. СПб., 1993. С. 23.
- 49 См.: Минц З. О некоторых «неомифологических» текстах в творчестве русских символистов. С. 89.
- 50 См.: Мокина Н. «Завоевание Плассана» Э. Золя и «Мелкий бес» Ф. Сологуба : к проблеме функций «чужого слова» в символистском романе // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2019. Т. 19, вып. 2. С. 201. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-2-198-203>
- 51 Данте Алигьери. Божественная Комедия. Ч. 1. Ад. С. 240.
- 52 Данте Алигьери. Божественная Комедия / пер. М. Лозинского. М. ; Л., 1950. С. 140.
- 53 «И демон плоть того животворит, / Кто запятнал себя измены делом» (Данте Алигьери. Божественная Комедия. Ч. 1. Ад. С. 240).
- 54 Там же. С. 241.
- 55 Там же.
- 56 Полуяхтова И. Античные боги в «Божественной Комедии» и лирике Leopardi // Дантовские чтения / под ред. А. А. Илюшина. М., 2005. С. 127.
- 57 Лотман Ю. Внутри мыслящих миров. Человек – Текст – Семиосфера – История. М., 1999. С. 255.
- 58 Там же. С. 256.
- 59 Данте Алигьери. Божественная комедия / пер. М. Лозинского. С. 444.
- 60 Сологуб Ф. Искусство наших дней. URL: http://az.lib.ru/s/sologub_f/text_1915_iskusstvo_nashih_dney.shtml (дата обращения: 10.10.2014).

Образец для цитирования:

Мокина Н. В. Дантовские мотивы в романе Ф. Сологуба «Мелкий бес» // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2020. Т. 20, вып. 2. С. 201–206. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-2-201-206>

Cite this article as:

Mokina N. V. Dante's Motives in the Novel *The Petty Demon* by Fyodor Sologub. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2020, vol. 20, iss. 2, pp. 201–206 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-2-201-206>

УДК 821.161.109-3:61(09)+929Вересаев

«Записки врача» В. Вересаева в контексте этических проблем современной медицины

Е. Г. Трубецкова

Трубецкова Елена Геннадиевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, etrubetskova@gmail.com

В статье показывается актуальность философских и этических проблем, поставленных в книге В. Вересаева, для современного медицинского знания. «Записки врача» рассматриваются как пример междисциплинарного синтеза, во многом предвосхитившего подходы биоэтики.

Ключевые слова: Вересаев, литература и медицина, биоэтика.

Notes of a Doctor by V. Veresaev in the Context of Ethical Problems of Contemporary Medicine

E. G. Trubetskova

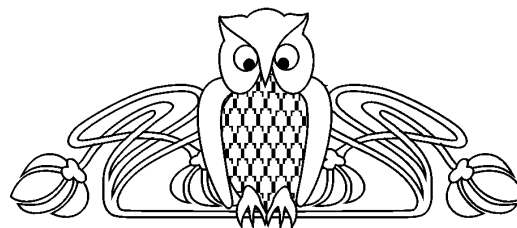
Elena G. Trubetskova, <https://orcid.org/0000-0001-7728-2382>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, etrubetskova@gmail.com

The article discusses the relevance of philosophical and ethical problems featured in Veresaev's book for contemporary medical knowledge. *Notes of a Doctor* are considered as an example of interdisciplinary synthesis, which in many ways have anticipated the approaches of bioethics.

Keywords: Veresaev, literature and medicine, bioethics.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-2-207-211>

Среди многих аспектов литературной рецепции морбуальности один из важнейших и традиционно наиболее исследованных – осмысление этических вопросов, связанных с развитием медицины и касающихся взаимодействия врача и пациента. Обращаясь к «медицинским» сюжетам, литература описывала моральные и нравственные проблемы, встающие перед врачом, во многих случаях показывала и возможности их решения. Роль художественной литературы в формировании медицинской этики признана профессиональным сообществом. С 1980-х гг. на медицинских факультетах европейских и американских университетов был введен специальный курс Literature and Medicine, цель которого – сформировать у студентов более полное представление о морально-этических основах будущей профессии. С 1982 г. выходит журнал «Literature and medicine» (Johns Hopkins University Press, USA), полностью посвященный указанной проблематике, а с конца 1980-х издается «Journal of Medical Humanities» (Springer

Science+Business Media B. V., USA), ведущим направлением которого является осмысление гуманитарных основ медицинского знания¹. В отечественной медицине как отдельное направление этот курс до сих пор не существует.

Исторически сложилось, что медицинская этика вплоть до середины XX в. не регулировалась юридическими нормами. В зависимости от религиозных, национальных, культурных традиций варьировались границы врачебного вмешательства². В европейской традиции основным принципом отношения к больному являлся «не навреди». Только в середине XIX в. начинается становление медицинской деонтологии (от др. греч. *δέον* – должное) – совокупности этических правил, регулирующих профессиональную деятельность врача. Выпускники медицинских факультетов университетов Российской Империи давали «Факультетское обещание», тезисы которого были сформулированы на основе Клятвы Гиппократова³. Труды М. Я. Мудрова, Н. И. Пирогова, практическая деятельность С. К. Зыбелина, С. П. Боткина, В. А. Манассейна и Ф. П. Газа способствовали формированию представлений о профессиональном долге, но юридически они не были закреплены.

По признанию самих врачей, много сделал для формирования медицинской деонтологии В. В. Вересаев. Фрагменты из его «Записок врача» впоследствии не раз перепечатывались в медицинских пособиях как примеры постановки диагнозов и стратегий поведения с пациентами⁴. При этом роль Вересаева в осмыслении фундаментальных проблем, встающих перед медицинским сообществом, остается недооцененной.

Актуальность книги Вересаева не вызывала сомнений. Сразу после завершения «Записок» встал вопрос о возможности их публикации – многие из поднятых писателем вопросов слишком откровенно освещали трудности, возникающие перед современной автору наукой и практикой. После чтения в редакции «Жизни», на котором присутствовали В. А. Поссе, А. М. Горький, М. П. Неведомский, П. Б. Струве, М. И. Туган-Барановский и другие, Горький высказался против печатания книги: «<...> в каких условиях мы живем? В условиях недоверия к интеллигенции, а в особенности – к врачам. Народто и так им мало верит, а после таких “Записок” и вовсе перестанет верить и пойдет к знахаркам»⁵. После того, как подавляющим большинством

решение о публикации было все-таки принято и книга была напечатана, она вызвала немало резких отзывов по той же причине, о которой говорил Горький, – в ней увидели дискредитацию медицинского сообщества⁶.

В предисловии к первому изданию Вересаев писал, что поднятые им проблемы «бьют в глаза каждому врачу»⁷, несмотря на это, они никак не обсуждаются в медицинской литературе: «Для пользы данного момента иногда по необходимости приходится обманывать тяжело больного; но общество в целом – не тяжело больной, и минутную ложь нельзя возводить в постоянное правило» (225). Недопустимая, по мнению одних рецензентов, «откровенность» автора была высоко оценена другими критиками и читателями. «Записки» стали самой известной книгой писателя.

Называя себя «обыкновенным средним врачом, с средним умом и средними знаниями» (233), Вересаев в начале XX в. сформулировал основные проблемы, до сих пор остающиеся актуальными для медицинской этики.

Важнейший вопрос, поднятый в «Записках», – возможность проведения испытаний на человеке. В 1935 г. в предисловии к четырнадцатому изданию книги Вересаев, отмечая ряд положительных изменений в развитии медицины, вновь констатировал, что «не определены в достаточной мере границы дозволенных опытов на живых людях» (231). События ближайшего будущего показали, насколько актуальны были его предупреждения. При подготовке к Нюрнбергскому процессу впервые стало очевидно, что отсутствие законодательного регулирования медицинского вмешательства может привести к безнаказанным массовым преступлениям. Выяснилось, что врачи, проводившие опыты на заключенных концентрационных лагерей, формально не нарушили юридические законы, так как нигде (!) не говорилось о запрете на испытания непроверенных препаратов и медицинских манипуляций без согласия пациента, о невозможности проведения опытов на человеке, содержащих риск смертельного исхода. Именно тогда, в 1947 г., Нюрнбергским трибуналом был принят Нюрнбергский кодекс, первый пункт которого гласил: «Абсолютно необходимым условием проведения эксперимента на человеке является добровольное согласие последнего», а это было невозможно без полного информирования пациента «о характере, продолжительности и цели данного эксперимента; о методах и способах его проведения; <...> о возможных последствиях для физического или психического здоровья испытуемого, могущих возникнуть в результате его участия в эксперименте». Еще один пункт Кодекса запрещал проводить опыты, если возникал риск «смерти или инвалидизирующего ранения испытуемого», допуская лишь одно исключение – когда «врачи-исследователи выступают в качестве испытуемых при прове-

дении своих экспериментов». Эти же принципы легли в основу Хельсинкской декларации, принятой Всемирной медицинской ассоциацией в 1964 г., а также были отражены в законодательствах большинства стран, в том числе в ст. 21 Конституции Российской Федерации: «Никто не может быть без добровольного согласия подвергнут медицинским, научным или иным опытам». Это положение было сформулировано только в 1993 г. Ни в одной из Конституций СССР оно не было отражено.

Вересаев остро поставил вопрос о возможности проведения опытов на людях еще на рубеже XIX–XX вв. Признавая, что проведение исследований на человеке – необходимый, а иногда, например в случае венерических заболеваний, единственно возможный путь познания, так как животные устойчивы к возбудителям подобных болезней и, соответственно, не могут служить объектом испытаний, автор поднимал проблему обоснованности медицинских экспериментов. В частности, на примере опубликованных данных опытов, доказывающих возможность заражения гонорей и сифилисом во вторичной стадии, он продемонстрировал, что уже первые испытания доказали высокую степень вирулентности прививаемых культур, но с непонятной настойчивостью врачи разных стран в течение еще десяти лет продолжали проводить подобные опыты и с гордостью публиковать результаты, хотя никакой необходимости в них не было. При этом не только не спрашивали согласия испытуемых – больных, не ставили даже в известность о проведении опытов.

Проблема, поднятая писателем, стала объектом дискуссии во второй половине XX в. в рамках развития биоэтики и проведения клинических исследований, к качеству которых предъявляются строгие требования (термин «биоэтика» был введен В. Р. Поттером, поставившим вопрос о необходимости взаимодействия естественных и гуманитарных наук для решения современных проблем, встающих перед медициной⁸). В 1966 г. Г. Бичер инициировал широкое обсуждение медицинским сообществом условий проведения опытов, опубликовав статью, содержащую 22 примера неэтичных экспериментов на людях⁹. Большой резонанс вызвала и монография М. Паппворта «Человек как морская свинка»¹⁰ (1967). Словосочетание «human guinea pig» стало нарицательным и до сих пор постоянно используется в медицинском дискурсе. Современные требования признают недопустимым и аморальным проведение испытаний, необоснованно повторяющих уже проведенные¹¹.

Во многом предвосхитили положения биоэтики размышления писателя о том, что объектом эксперимента становились, как правило, незащищенные слои населения: бедные, не могущие оплатить частную практику, а в ряде случаев и дети. «Здесь мы наталкиваемся на одно из

тех противоречий, которые еще так часто будут встречаться нам впоследствии – существование медицинской школы, школы гуманнейшей из всех наук – немыслимо без поправки самой элементарной гуманности. Пользуясь невозможностью бедняков лечиться на собственные средства, наша школа обращает больных в манекены для упражнений <...>» (298). Биоэтика активно рассматривает вопрос об экспериментах на незащищенных категориях населения – «vulnerable persons». К данным категориям кроме детей, лиц с нарушениями психики, заключенных, военнослужащих, безусловно, относят лиц бедных и с низким образованием¹². С точки зрения биоэтики, «vulnerable persons» нуждаются в дополнительной защите, так как ими легко манипулировать, что может привести к нарушению прав человека.

Книга Вересаева отличается тем, что автор стремился осветить поднятые вопросы с разных точек зрения, показывая, что во многих случаях однозначного решения проблем не существует. Так, осуждая необоснованные эксперименты, он признавал невозможность полного отказа от опытов на людях, иначе никогда не были бы открыты способы лечения и лекарственные средства, спасшие впоследствии тысячи жизней: «Не было бы риска, не было бы и прогресса; это свидетельствует вся история врачебной науки» (279). Письма и труды великих хирургов Т. Бильрота и Н. И. Пирогова, имеющих мужество рассказать не только о своих успехах, но и о неудачных операциях, позволяют автору сделать вывод: «<...> сколько таких мук, сколько загубленных жизней лежит на пути каждого врача! “Наши успехи идут через горы трупов”, – с грустью сознается Бильрот в одном частном письме» (267). «Долгим путем <...> ошибок и промахов и вырабатывается мастер, а путь этот лежит опять-таки через “горы трупов”» (273).

Солидаризируясь с мнением знаменитого французского хирурга Жюля Пэана, утверждавшего, что опыты на животных при запрещении испытаний на человеке в конечном итоге приведут только к развитию ветеринарной медицины, Вересаев, тем не менее, признается, что в своей врачебной практике на подобные эксперименты пойти не может: «Каждую дорогу мне загораживает живой человек; я вижу его – и поворачиваю назад» (281). И данные автора о последствиях применения ряда новых препаратов, во многих случаях не только нанесших вред здоровью, но и приведших к смертельному исходу, подкрепляют взвешенность его решения и честность по отношению к собственным пациентам. Однако рассказчик тут же задает вопрос: «Что было бы, если бы все врачи смотрели на дело так же, как и я? <...> Где-то там, за моими глазами, дело выяснится на тех же больных и, если средство окажется хорошим ... я благополучно стану применять его <...>» (278). Автор показывает, что

однозначного ответа нет. Так же, как нет его для Вересаева и в вопросе обучения врачей: как бы хорошо ни был подготовлен молодой специалист, пока он самостоятельно не проведет сложные манипуляции или операции не на муляжах, а на пациентах, он не станет настоящим оператором. Однако рассказчик признается, что быть первым пациентом начинающего хирурга он сам категорически отказывается.

Вересаев-писатель не дает готовых рецептов. «Где граница допустимого? Я не знаю» (279), – пишет он. В его рассуждениях ценно столкновение представлений о глобальных вопросах, встающих перед медициной, и заботы об интересах конкретного пациента. И здесь он выдвигает важный тезис о необходимости индивидуального подхода к каждому больному. Задача врача – «понять всю тяжесть и сложность дела, к каждому новому больному относиться с неослабевающим сознанием новизны и непознанности его болезни, <...> ничему не доверять, никогда не успокаиваться» (301). В этом смысле, с его точки зрения, медицина является искусством, требующим от врача необходимого сочетания знания, опыта и интуиции: «Хирургия есть искусство, как таковое она более всего требует творчества и менее всего мирится с шаблоном» (273). Обосновывая необходимость «индивидуализирующего подхода», герой «Записок» говорит о недопустимости «спокойного и беззаботного соблюдения указаний науки» (301). Его глубоким убеждением становится то, что медицине «невозможно *научиться*» (курсив автора. – Е. Т.) (303), так как обнаруживается ограниченность общих правил, и в каждом конкретном случае могут возникнуть неожиданные исключения и осложнения.

Одним из первых Вересаев говорит об относительности медицинского знания. Он констатирует, насколько наивными с позиций современной науки кажутся методы лечения предшественников. «Древнегреческий врач Хризипп запрещал лихорадящим больным есть, Диоксипп – пить. Сильвий заставлял их потеть, Бруссэ пускал им кровь до обморока, Керри сажал их в холодные ванны, – и каждый видел пользу именно от своего способа. Средневековые врачи с большим, по их мнению, успехом применяли против рака мазь из человеческих испражнений. В прошлом веке, чтобы “помочь” прорезыванию зубов, детям делали по десяти и двадцати раз разрезы десен, делали это даже десятидневным детям; еще в 1842 году Ундервуд советовал при этом разрезать десны на протяжении целых челюстей, и притом резать поглубже, до самых зубов, “повреждения которых нечего опасаться”. И все это, по мнению наблюдателей, помогало!» (296). Но вместо ожидаемого удовлетворения прогрессом, делающим очевидной несостоятельность признанных в прошлом врачебных методов, Вересаев заставляет задуматься, не обнаружат ли в будущем такую же бесполезность современных ему подходов. И,

как следствие, возникает фундаментальный вопрос: можно ли считать медицину наукой, если каждые 10–15 лет в корне меняются методы лечения и представления о причине заболеваний?

В литературе XX в. продолжит вересаевские традиции Марк Алданов¹³, в романе которого «Девятое термидора» Пьер Ламор озвучивает скептическое отношение автора: «Лечить человека невозможно. Сегодня врачи объявляют вредным то, что еще вчера признавали спасительным»¹⁴. Позднее Александр Солженицын продемонстрирует относительность медицинского знания на примере применения облучения при лечении опухолей в «Раковом корпусе»¹⁵.

Не теряют актуальности размышления Вересаева о «границах допустимого» и по отношению к гуманности медицины, необходимости медицинского вмешательства в случае неизлечимой болезни. Здесь снова сталкиваются интересы частного человека и человечества в целом. Говоря о стремлении помочь конкретному больному, автор признает и жестокую правоту естественного отбора для жизнеспособности *homo sapiens*: «Чем сильнее детская смертность, с которой так энергично борется медицина, тем вернее очищается поколение от всех слабых и болезненных организмов. Сифилитики, туберкулезные, психические и нервные больные, излеченные стараниями медицины, размножаются и дают хилое и нервное, вырождающееся потомство. <...> таким образом вызывают быстрое ухудшение человеческой расы» (329). В то же время писатель твердо убежден, что забота о «всеобщем счастье» не должна «превратить человечество в заводскую конюшню под верховным управлением врачей-антропотехников» (329). Здесь он во многом предсказывает опыты по созданию «нового человека» евгеникой, благая цель которой из-за сложности и неопределенности понятия «положительного подбора» для «выведения совершенного человека» на практике стала подменяться «подбором отрицательным, т. е. восприемлением браков, признающихся какогенетическими, угрожающими в смысле наследственности <...> наследственным слабоумием, известными формами психических заболеваний, эпилепсией, гемофилией и пр.»¹⁶. Об односторонности и опасности таких методов писал в 1922 г. один из создателей Русского евгенического общества, редактор «Русского евгенического журнала» Н. К. Кольцов.

Теоретические размышления Вересаева базируются на описании и анализе конкретных случаев из медицинской практики. Организация повествования, ведущегося от первого лица и построенного в форме записок, сообщает максимальную достоверность изображаемым фактам. В то же время биограф писателя С. Вржосек акцентировал внимание на том, что Вересаев никогда не включал «Записки» в число автобиографических сочинений и в письме к исследователю

сообщил, что некоторые из описанных случаев (в частности, с неудачной трахеотомией) были не в его практике, а в практике знакомого молодого доктора¹⁷. Тем не менее, мысли, чувства рассказчика, безусловно, носят автобиографический характер¹⁸. Это позволяет автору вести искренний диалог с читателем, вовлекая его в волнующие рассказчика проблемы.

«Записки врача» вынесли на открытое обсуждение проблемы, решавшиеся и обсуждаемые ранее строго в рамках медицинского сообщества. Это нарушало устоявшуюся патерналистскую модель взаимодействия врача и пациента, построенную на строгой иерархии, когда врач, обладающий полнотой знания, брал на себя всю ответственность за тактику лечения. Вересаев, показав относительность медицинского знания, необходимость учета ряда индивидуальных факторов в каждом конкретном случае, описал подходы, принятые в современной коллегиальной модели, построенной на сотрудничестве врача, обязанного предоставить всю информацию о спектре действия лекарственных средств, инвазивных вмешательств и о возможных осложнениях, и пациента, становящегося не только объектом, но и «со-участником» процесса лечения. Таким образом, «Записки врача» не только стали важны для формирования медицинской деонтологии, разрабатывающей конкретные нормы профессионального общения, но во многом и предвосхитили подходы биоэтики, рассматривающей философские и антропологические вопросы, встающие перед медицинским сообществом в связи с появлением новых технологий. В. Р. Поттер, создавая концепцию биоэтики, говорил о необходимости междисциплинарного синтеза, объединения методов гуманитарных и естественных наук для решения фундаментальных проблем современной медицины. Книга писателя Вересаева, осмыслившего свой путь как врача, стала примером такого междисциплинарного синтеза задолго до его теоретического обоснования.

Примечания

- 1 Обзор междисциплинарного курса «Literature and Medicine и проблемы его развития» см.: Неклюдова Е. «Воскрешение Аполлона»: literature and medicine – генезис, история, методология // Русская литература и медицина: Тело, предписания, социальная практика: сб. ст. / под ред. К. Богданова, Ю. Мурашова, Р. Николози. М., 2006. С. 16–27.
- 2 В Кодексе Хаммурапи, Аюрведе, трудах Гиппократов, Цельса, Галена, Ибн Сина (Авиценны) содержались основные нравственные принципы деятельности врача, однако представление о гуманности по отношению к больному могло пониматься по-разному: так, в древнеиндийской медицине врач не должен был оказывать помощь неизлечимым больным; в трактате «Аштанга Хридая Самхита» утверждалось, что недостойн лече-

- ния и тот, кто ненавидит врача или раджу. Об истории формирования медицинской этики см.: Балалыкин Д., Киселёв А. История и современные вопросы развития биоэтики : учеб. пособие. М., 2012. С. 11–44.
- ³ См.: Вагнер Е., Росновский А. О самовоспитании врача. Пермь, 1976. С. 36–37.
- ⁴ См., например: Медицина в произведениях русских писателей : хрестоматия для студентов медицинских учебных заведений / сост. А. Сатретдинова. Астрахань, 2009.
- ⁵ Цит. по: Вржосек С. Жизнь и творчество Вересаева. Л., 1930. С. 74.
- ⁶ Там же. С. 75.
- ⁷ Вересаев В. Предисловие к первому изданию // Вересаев В. Записки врача. Тула, 1987. С. 223. В дальнейшем все цитаты приводятся в тексте по данному изданию с указанием страниц в скобках.
- ⁸ См.: Potter V. Bioethics : bridge to the future. N.-J., 1971.
- ⁹ См.: Beecher H. Ethics and Clinical Research // The New England Journal of Medicine. 1966. Vol. 274. P. 1354–1360.
- ¹⁰ См.: Pappworth M. Human guinea pigs : experimentation on man. Boston, 1967.
- ¹¹ См.: Brody B. The Ethics of Biomedical Research : An International Perspective. N.Y., 1998. P. 45–46.
- ¹² Там же. P. 119–138.
- ¹³ О рецепции этических проблем медицины в произведениях Алданова см.: Трубецкова Е. «История болезни» в романах М. А. Алданова // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2017. Т. 17, вып. 3. С. 323–326. DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-3-323-326
- ¹⁴ Алданов М. Чертов мост // Алданов М. Собр. соч. : в 6 т. / сост. и общ. ред. М. Чернышева. Т. 1. М., 1991. С. 186.
- ¹⁵ Подробнее см.: Трубецкова Е. «Новое зрение» : болезнь как прием остранения в русской литературе XX века. М., 2019. С. 129–135.
- ¹⁶ Кольцов Н. Улучшение человеческой породы // Русский евгенический журнал. 1922. Т. 1, вып. 1. С. 17.
- ¹⁷ См.: Вржосек С. Указ. соч. С. 75.
- ¹⁸ О соединении в тексте художественного и документального начал и своеобразии жанра «Записок» в творчестве писателя см.: Бородина М. Ранняя проза В. В. Вересаева в литературном контексте журнала «Мир Божий» : автореф. дис... канд. филол. наук. Тверь. 2008. С. 9–10.

Образец для цитирования:

Трубецкова Е. Г. «Записки врача» В. Вересаева в контексте этических проблем современной медицины // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2020. Т. 20, вып. 2. С. 207–211. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-2-207-211>

Cite this article as:

Trubetskova E. G. *Notes of a Doctor* by V. Veresaev in the Context of Ethical Problems of Contemporary Medicine. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2020, vol. 20, iss. 2, pp. 207–211 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-2-207-211>

УДК 821.161.1.09+821.112.2.09+929Битов

«Кавказский текст» А. Г. Битова в русской и зарубежной (немецкой) критике

О. В. Матасова, Э. Ф. Тугушева

Матасова Оксана Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры переводоведения и межкультурной коммуникации, Саратовский социально-экономический институт (филиал) РЭУ им. Г. В. Плеханова, oxidim@yandex.ru

Тугушева Эльмира Фейсовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры переводоведения и межкультурной коммуникации, Саратовский социально-экономический институт (филиал) РЭУ им. Г. В. Плеханова, elmiratugusheva@gmail.com

Статья посвящена исследованию рецепции творчества А. Г. Битова в русской и немецкой критике. На материале произведений, представляющих «кавказский текст», рассматриваются подходы постмодернистской, а также постколониальной теории к осмыслению писательского вклада в развитие русской литературы, уделяется внимание истории перевода текстов А. Г. Битова на немецкий язык.

Ключевые слова: А. Г. Битов, «кавказский текст», «русский постмодернизм», рецепция.

The 'Caucasus Text' by A. G. Bitov in the Russian and Foreign (German) Criticism

O. V. Matasova, E. F. Tugusheva

Oksana V. Matasova, <https://orcid.org/0000-0001-6052-7726>, Saratov Socio-Economic Institute of the Plekhanov Russian University of Economics, 89 Radischeva St., Saratov 410003, Russia, oxidim@yandex.ru

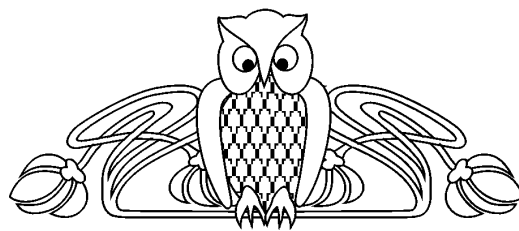
Elmira F. Tugusheva, <https://orcid.org/0000-0002-4181-521X>, Saratov Socio-Economic Institute of the Plekhanov Russian University of Economics, 89 Radischeva St., Saratov 410003, Russia, elmiratugusheva@gmail.com

The article studies how the artistic works of A. G. Bitov are perceived by the Russian and German criticism. The approaches of postmodern and postcolonial theories to the awareness of the author's contribution in the development of the Russian literature are considered on the material of the works representing the 'Caucasus text'. The history of A. G. Bitov's texts being translated into German is addressed.

Keywords: A. G. Bitov, 'Caucasus text', 'Russian postmodernism', perception.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-2-212-217>

Творчество А. Битова мало известно широкому кругу современных читателей за рубежом. Германия не является исключением, хотя многие тексты А. Битова переведены на немецкий язык. Так, начиная с 80-х гг. прошлого столетия на немецком языке вышли многие рассказы и эссе писателя, повесть «Человек в пейзаже» («Mensch

in Landschaft. Eine Pilgerfahrt»), а также романы «Пушкинский дом» («Das Puschkinhaus»), «Улетающий Монахов» («Die Rolle») и «Преподаватель симметрии» («Der Symmetrielehrer»). Примечательно, что роман «Улетающий Монахов» был переведен для немецкого читателя без ключевой повести «Вкус». Об этом писатель свидетельствует в цикле эссе «File на грани фола» (2004): «“Вкус” был задуман в 1965 году, оплодотворен некими похоронами в 1976-м, написан в катастрофических обстоятельствах, на чемоданах, в одну летнюю ночь 1980-го. Ночь была последней: нас выселяли из дома, в котором мы прожили сорок лет (смотри “Рассеянный свет” в “Грузинском альбоме”). Торопился: хотел закончить растянувшийся на двадцать лет роман-пунктир “Улетающий Монахов” там же, где его начал. “Вкус” как раз и являлся его последней повестью (каждая часть или глава романа, являясь продолжением, могла существовать и отдельно, как самостоятельное произведение). “Вкус” – это катастрофа, как по сюжету, так и по смыслу. У немцев не было всех этих обстоятельств: роман у них вышел в том же 1980 году, без своего финала, без катарсиса и катастрофы, под названием “Die Rolle”»¹. А. Битов говорит об этом не без сожаления, пунктиром соединяет 1980-е и 2000-е гг.: «Не знаю, имеет ли слово “вкус” то же многозначение, что и по-русски... <...> из жизни все более удаляется вкус. Как пищевой, так и духовный»². На наш взгляд, данный факт достаточно интересен для понимания своеобразия творчества А. Битова в немецкой рецепции.

Как и в современной России, так и в Германии А. Битов более известен как автор романа «Пушкинский дом». Роман был переведен дважды: первый перевод выполнен в 1983 г. Натасей Шпитц-Вдовин и Сильвией Лист, а второй в 2007-м – Роземари Титце, известной переводчицей, перу которой принадлежат также переводы романов Достоевского и Толстого. Хотя роман посвящен судьбе поколения «оттепели» и весьма критично живописует советскую действительность, зарубежных исследователей, прежде всего, привлекают его структурные элементы, характерные для постмодернистских текстов, – интертекстуальность, достигаемая цитатами, пародированием и аллюзиями, отчуждение при помощи иронии и опять же пародии, а также понимание непрерывности времени и культуры. Перечисленные черты еще более заметны немецким исследователям в романе А. Битова «Пре-

подаватель симметрии». В целом акцентирование постмодернистского дискурса в творчестве А. Битова характерно не только для немецких исследователей. Так, исследуя преимущественно англоязычную критику, посвященную данным романам, М. С. Кормилова пишет: «...критики-постмодернисты ввели в литературную полемику элемент игры, которого в ней не хватало в советский период. В своем творчестве А. Битов использовал многие близкие им методы, однако в дискуссии о постмодернизме писатель не принял сторону критиков-экспериментаторов. Вводя в свои тексты постмодернистские художественные приемы (цитатность, фрагментарность, черты гипертекста в композиции), Битов всегда уравновешивал их более традиционными»³.

Для немецких исследователей А. Битов также интересен как один из первых постмодернистов СССР. В русской критике Битов-постмодернист начинается с романа «Пушкинский дом». Однако и немецкой публике творчество Битова было знакомо еще до публикации романа «Пушкинский дом». Отдельные повести Битова переводились на немецкий язык уже начиная с 1972 г. В. Шмид в своей статье, подготовленной на основе произнесенной им речи по случаю присуждения Битову премии имени Пушкина в 1990 г., пишет: «...Андрей Битов ценится восточными и западными читателями не только как создатель большого романа, но и как мастер малых форм, притом разных жанров, таких как рассказ, повесть, путешествие, критическая статья и полухудожественное литературоведческое эссе»⁴. В. Шмид отмечает своеобразие битовской эстетики. Опираясь на высказывание Ю. Трифонова об «островидении» Битова, он отмечает, что Битов использует в своих текстах и такой прием, как остранение. «И в самом деле, – пишет В. Шмид, – наш автор никогда не скрывал своей симпатии к этому приему и к той школе, которая сделала этот прием центром своей эстетики – эстетики антиотражения и постоянной инновации»⁵. Этот же прием, по его мнению, вводит творчество Битова в русло традиционного жанра путешествия.

Как нам представляется, именно в связи с идеей В. Шмида о вовлеченности битовской прозы в традиционный жанр путешествия в немецкой критике наблюдается несколько иной интерес к Битову как постмодернисту. И причиной тому стал так называемый «кавказский текст» А. Битова, явленный, прежде всего, в «Уроках Армении» и «Грузинском альбоме». Немецкая критика отмечает реализм ранних рассказов А. Битова, написанных в период «оттепели» и посвященных ленинградскому быту; интерес представляют, прежде всего, образ автора-героя и психология человеческих взаимоотношений. С публикацией немецкого перевода «Уроков Армении» немецкие критики усмотрели, что постмодернистские методы в прозе А. Битова появляются уже к концу «оттепели». Существенно то, что

«Уроки Армении», изданные в 1969 г., переведены на немецкий язык довольно поздно – в 2002 г. – той же Роземари Титце («Armenische Lektionen. Eine Reise aus Russland»). И книга вызвала интерес немецких исследователей, прежде всего, из-за того, что в ней впервые использован прием отчуждения, который позднее станет визитной карточкой мастера – взгляд на Россию и на себя извне. За счет этого книга действует на читателя перформативно⁶. Одновременно А. Битов вписывает свою книгу в мировой литературный континуум, делая ее продолжением творчества Пушкина и Мандельштама, подчеркивая непрерывность времени, истории и культуры.

Литература о Кавказе имеет в русском словесном пространстве долгую традицию. Российские писатели-романтики, в первую очередь Пушкин и Лермонтов, традиционно видели в Кавказе некий мистический край, связанный с древнегреческой мифологией – родиной Медеи, страной Колхидой и местом, где был прикован Прометей. Такая романтизация, одобренная, впрочем, долей иронии, не мешала видению Кавказа в колониальном контексте, соответствующем общей идеологии Российской империи⁷.

В начале двадцатого столетия кавказской проблематики коснулись А. Белый и О. Мандельштам, для модернистских текстов которых характерны отсылки к античным мифам и импрессионистским полотнам Сарьяна и Врубеля, а также пушкинские и гетевские реминисценции. Битов обращается к текстам обоих писателей в первой же главе «Уроков Армении». В «Уроке языка» вплетен экскурс в историю армянского шрифта, который близок идеографическому письму древних шумеров. Для Битова символизм армянского письма свидетельствует о его древности и божественном происхождении. В «Уроке языка» Битов реминисцирует к отрывку из «Ветра с Кавказа» А. Белого, приписывая армянской речи звукоподражательный характер, а также к соответствующему пассажиру О. Мандельштама из «Путешествия в Армению», который, будучи сторонником яфетической теории происхождения языка Н. Марра, считал армянский язык близким к праязыку и находил в нем множество архисем⁸. Действительно, поэты русского авангарда начала прошлого века А. Белый, В. Хлебников и В. Маяковский писали о важной роли иконичности в языке и литературе⁹. Они грезили о некоем универсальном языке, графика которого должна быть основана на принципах иконичности (В. Хлебников), а звуковая сторона – звукоизобразительности. Таков, по их мнению, был изначальный язык человечества, звуки которого отражали смысл (А. Белый), а языковой знак соотносился с обозначаемым объектом неконвенционально. По нашему мнению, «Урок языка» отсылает одновременно к лингвофилософскому дискурсу немецкого барокко, когда активно обсуждался вопрос о происхождении

языков¹⁰, и *lingua adamica*, сакрального языка, в котором вещи названы по их истинной природе¹¹. В лингвофилософском дискурсе барокко особое значение придавалось звукоизобразительной лексике, которая отождествлялась с праформами изначального языка¹².

В отличие от хронологически построенного путевого дневника А. Белого, «Уроки Армении» схожи с учебником. Однако эта схожесть мнимая, проявляющаяся на формальном уровне – в названиях глав, тогда как лирический герой А. Битова отвергает объективные знания. «Грузинский альбом» представляет собой сборник хаотично расположенных эссе и путевых заметок, лейтмотивами которых являются критический взгляд на Россию, поиск родины и своей идентичности. Тексты А. Битова, как и тексты О. Мандельштама, не дают точных описаний маршрута поездки. Скорее они представляют собой нагромождения впечатлений, размышлений, воспоминаний, комментариев, записей разговоров и встреч, реальных и воображаемых. Они показывают нам сам процесс конструирования, создания текста, что для Битова есть процесс познания и самопознания.

Битов обращается к мотиву побега из страны, откуда сбежать невозможно. Как и лирический герой Пушкина в «Путешествии в Арзрум во время похода 1829 года», герой Битова вроде бы покидает Россию, не пересекая, однако, границ ее огромной империи, что наталкивает читателя на мысль, что политика СССР в отношении Кавказа не сильно отличается от политики Российской империи, нацеленной на завоевание и подчинение последнего. Спустя полтора столетия ничего не изменилось, и бегство на периферию империи все также означает глоток свободы. Одновременно Битов иронизирует, реминисцируя к «Кавказскому пленнику» Пушкина, в отличие от героя которого его путешественник находится в эмоциональном плену красоты и культуры Армении. Герой Битова видит подлинность и аутентичность Армении в ее внутренней свободе от советских достижений социализма. Битов намеренно избегает в своих описаниях социалистических реалий. Более того, он деидеологизирует Армению и ее столицу Ереван, противопоставляя подглавы «Урока языка» – «Азбуку» и «Букварь» – идеологически нагруженной «Советской азбуке» В. Маяковского¹³.

С. Л. Мюллер видит в «Уроках Армении» попытку развенчать советский, унаследованный от имперской России кавказский миф, создав утопию – край, которого не найти на географических картах, но который, как айсберг, выступает из океана книг, культур, цитат. Битов создает образ Кавказа при помощи приема интертекстуальности, вводя аллюзии на художественные тексты и картины, вписывая его в непрерывный мировой культурный контекст, а также играя с читателем, предлагая ему понять, где правда, а где вымысел. С. Шпикер считает поиск культурной преемственности Битова тоской по потерянному

прошлому¹⁴. После смерти Сталина образовался культурный вакуум, преодолеть который пыталась литература «оттепели». С. Шпикер видит в «Уроках Армении» в горе Арарат, всегда скрытой от глаз, метафору борьбы с забвением. Увидеть ее так же трудно, как и преодолеть забвение, преодолеть сталинскую эпоху¹⁵.

Интертекстуальность, как и гипертекстуальность, по мнению Г. Генетта, представляют собой виды *транстекстуальности*¹⁶. Внедряя в текст ссылки, подзаголовки, примечания, предисловия и послесловия, а также рисунки и меняя их в последующих изданиях, Битов создает гипертекст. Э. Чансес видит в текстах А. Битова схожесть со спиралями ДНК, подчеркивая их циклическое построение и взаимосвязи¹⁷. Образы цикла и круга являются центральными в главе «История с географией». Они связаны с вечностью и идиллическим существованием поколений в согласии с природой. Такое представление о жизни на Кавказе противопоставляет тексты Битова русской литературе девятнадцатого столетия, «кавказские тексты» которой имели приключенческий и скрытый империалистический характер. Одновременно Битов, вводя аллюзии на творчество Мандельштама и Белого, противопоставляет свои тексты литературе соцреализма, из которой русский авангард начала XX в. был исключен.

Официальный литературный дискурс «оттепели» был довольно инертен и следовал, в общем и целом, литературному канону тридцатых годов, сформированному согласно личному вкусу Сталина, корифеем которого был Горький. Имена поэтов русского авангарда, которые не успели или не захотели приспособиться к новой действительности, были заклеены позором, а затем забыты. В период «оттепели» на Западе вышли собрания сочинений запрещенных в СССР писателей. По мнению С. Л. Мюллер, Битов с большой долей вероятности был знаком с Собраниями сочинений Мандельштама¹⁸, вышедшими в США. В СССР первая публикация Мандельштама после 1928 г. относится к 1973 г. Таким образом, в «Уроках Армении» Битов обращается к творчеству поэта на пять лет раньше его официальной реабилитации и даже имеет смелость видеть в нем последователя Пушкина. Рамки постколониальной теории в литературе задают немецкой критике определенный взгляд на обращение А. Битова к русской классике. Соотношение имен, аллюзий, реминисценций, отсылающих к русской литературе разных эпох, фиксируется немецкой критикой в равной степени. Однако, на наш взгляд, именно в «кавказских текстах» отчетливо то, что ориентиром в поисках гениального воплощения высоких смыслов жизни и творчества, а также образцом для создания собственной поэтики для А. Битова в большей степени является А. С. Пушкин.

Думается, немецкие исследователи в большей мере сосредоточиваются на тщательном распознавании малейших интертекстуальных

связующих «кавказского текста». Например, образ круга и понятия *подлинность* и *вечность*, являющиеся лейтмотивами «Уроков Армении», ассоциируются для С. Л. Мюллер с учением дзен. По ее мнению, автор опирается в описаниях своих кавказских впечатлений на созерцательную эстетику этой школы, которую он изучал, готовясь к поездке в Японию, не состоявшейся по политическим причинам. Поездку на Дальний Восток заменило путешествие в Армению, которое Битов воспринимал сквозь призму эстетики дзен, пытаясь выразить невыразимое¹⁹.

С. Л. Мюллер сравнивает «Уроки Армении» с «Империей знаков» Р. Барта²⁰. В обеих книгах путешествие начинается со столиц (Ереван vs Токио), архитектуру которых можно читать как книгу. Обе страны обладают древними культурами с иероглифическим письмом. Но если Р. Барт опирается только на эстетику дзен, то эстетика Битова соединяет буддистские и христианские мотивы, видя в языке Армении первоначальную *lingua adamica*, а в ее ландшафте – первоначальный акт творения, отделения земли от суши. Тексты Битова полны метафор. Сам писатель сравнивает их с храмами, а слова и буквы – с камнями, реминисцируя к поэзии Манделштама. Отсылая к тому же Манделштаму, он сравнивает мир, страну, город с книгой. С книгой же он сравнивает путешествие, а путешественника – с читателем. С. Л. Мюллер задается вопросом, насколько это литературное путешествие – написание текста – соответствует своему прототипу, путешествию реальному. Насколько можно и можно ли поставить знак равенства между пережитым и сотворенным или текст Битова симулякр? В русской критике, на наш взгляд, на этот вопрос дает ответ Л. Аннинский: «Секрет в том, что “Уроки Армении” – книга, точнейшим образом воплотившая внутреннюю драму, которую можно назвать сугубо “битовским сюжетом”: поиск реальности за “абракадаброй” знаков»²¹.

Наряду с транстекстуальностью Битов создает свой гипертекст при помощи отчуждения, в том числе зрительного восприятия, используя технику живописи, фотографии, видеосъемки. С. Л. Мюллер отмечает, как мастерски писатель настраивает, фокусирует, уменьшает и увеличивает изображение, уподобляя свой глаз оптическим инструментам – очкам, биноклю, фото- и видеокамерам – и придавая, таким образом, своей прозе кинематографичность. Одновременно с этим Битов отсылает к сюжетам фильмов О. Иоселиани и Я. Протазанова, а также полотен Я. Вермеера и М. Сарьяна. Хотя зрительное восприятие играет ключевую роль в текстах Битова, С. Л. Мюллер также обращает внимание на использование им синестезии как художественного приема²². Р. Лауер пишет о характерных для «Уроков истории» и «Грузинского альбома» деконструктивистских принципах повествования – нелинейном, фрагментарном и пунктирном²³.

Поездка А. Битова в Армению состоялась в 1967 г., в Грузию – в 1985 г. Обе поездки, как пишет Елена Чхаидзе, способствовали «конструированию» личностной и культурной идентичности писателя, а также авторского образа «имперского человека», что отразилось в соответствующих текстах по принципу бинарной оппозиции (ср.: «поэтика поиска» в исследованиях В. Шмида): «...Россия – Армения, Россия – Грузия, история любви кавказского пленника у Лермонтова – любовь армянской девушки Аэлиты в его “Уроках Армении”»²⁴. Завершается путешествие, а вместе с ним и «кавказский текст» в последней части романа «Оглашенные», в которой между Грузией и Россией вспыхивает Абхазия, передавая «нарастание тревоги предимперского краха»²⁵. В «Оглашенных» Е. Чхаидзе также выделяет бинарные модели: свой/колонизированный, чужой/колонизатор. Сам автор «кавказского текста», пребывающий в двойственном состоянии, фиксирующий это состояние с художественной точностью, все же пишет: «Империя путешественника – другая планета»²⁶. Но именно двойственность акцентируется как главный код прочтения битовского «кавказского текста»: «Битов, наследник традиции русской классической литературы, становится ее *заложником или колонизованным*. Вырваться из такого “кавказского плена” не удастся. Все: и природа, и ландшафт Грузии, воспетые в русской литературе, – *захватывают* писателя. Он оказывается пленником собственных знаний. Ощущение “колониатора” и “колонизованного” меняются на протяжении всего текста. Раздвоенность лишает “счастья соответствия”. Лишь на секунду, в конце прогулки, он фиксирует момент соответствия самому себе. Раздвоение между стремлением *сохранить* и стремлением *вырваться* пронизывает весь текст»²⁷. Статья Е. Чхаидзе интересна с точки зрения пересечения германской и русскоязычной критики (Е. Чхаидзе является научным сотрудником Рурского университета (Бохум), Германия). Ее исследование также придерживается рамок постколониальной теории, выводы перекликаются с работами других немецких исследователей, пишущих о своеобразном «русском постмодернизме» А. Битова.

Несмотря на то что постмодернизм в СССР – явление конца семидесятых годов прошлого века, «кавказские тексты» А. Битова, по мнению зарубежных исследователей, бессознательно предвосхищают его²⁸. Согласно Р. Эшелману, русский постмодернизм возник в позднем социалистическом обществе в результате эволюционного – а не революционного, как на Западе, – процесса и был, с одной стороны, реакцией, на поздний модернизм тоталитарной сталинской эпохи с его утопическими чертами, а, с другой стороны, переосмыслением культурного наследия досталинской эры. Русский постмодернизм, таким образом, был своеобразным продолжением

ем модернизма, а не его отрицанием²⁹. А. Битов не просто создает «кавказский» гипертекст, играя цитатами и аллюзиями, он критически осмысляет авангард, модернизм, соцреализм и связанные с ними травмы, демонстрируя изменение парадигмы мышления позднего социалистического общества, выразившиеся в его постутопизме и деконструктивизме³⁰. В русской критике, на наш взгляд, дано очень краткое определение данного явления: «Типологически Битова можно назвать “постмодернистом без постмодернизма”»³¹. В какой-то степени это подтверждает и А. Великанов, считая стиль романа «Оглашенные» образцом «литературы деконструктивизма»: «Конструктивность текста становится его декором. Истинная же конструкция (то, что она существует, не вызывает сомнений) запрятана глубоко и мастерски, она существует чуть ли не на уровне подсознания»³².

Следующие за «Уроками Армении» романы Битова не менее интересны для западных исследователей, так как в них его постмодернистский метод достигает своего расцвета. У. Гольдшверер применяет теорию хаоса для анализа этого этапа творчества Битова. Существуют писатели, считает она, нарушающие нормы современной литературы и тем самым позитивно влияющие на всю ее систему. Такие писатели опасны для тоталитарных режимов, потому что они расшатывают формы господствующего литературного канона, как это делал Битов в своей ранней прозе, нарушая нормы соцреализма. В не-тоталитарных системах такие авторы нарушают рамки морали и жанров, находясь в авангарде литературного процесса³³.

Итак, русской и зарубежной критике интересно творчество Битова, особое внимание привлекает сам Битов как особый тип писателя. Однако следует различать ракурсы: если говорить о новаторстве, или, как точно определил Л. Аннинский, об особом «битовском сюжете», то немецкая критика сосредоточена в большей мере на диалоге Битова с мировым пространством культуры, который выражается как противостояние тоталитарному режиму. В таком ракурсе социально-политическое измерение творчества, судя по высказываниям немецких исследователей, во многом определяет поэтику писателя. Постмодернистские методы и приемы писателя, которые завораживали не только зарубежных, но и русских исследователей, воспринимаются как новаторство. Но в новой публикации И. Роднянской («Застигнувший себя») мы видим иной ракурс. Подлинным новаторством Битова она считает обращение еще в 1960-е гг. к глубинному, экзистенциальному дискурсу в литературе: «Тогда, в той обстановке, мне было важно и то, что передо мной оказался не советский (в духе шестидесятничества), не антисоветский, а совершенно *внесоветский* писатель. Я не сразу осознала это разительное впечатление; ...

у Битова социальные роли вторичны по сравнению с оголенно-экзистенциальными: мальчик, женщина, отец, сын и т. п. Сегодняшним поколениям не понять уже, как это было ново и дерзко, пуше всякого диссидентства»³⁴.

Таким образом, можно считать, что в разножанровых произведениях А. Битова процессы межкультурной диффузии выражаются не только как прием интертекстуальности, как текст ради текста, но и как текст ради смысла жизни, связующего, по сути религиозного. В интервью С. Шаргунову А. Битов произносит сокровенную фразу, явившуюся для него «точкой сборки»: «...без Бога жизнь бессмысленна»³⁵. И в то же время продолжает: «Жизнь действительно бессмысленна, спору нет. А смысл она обретает путем объяснений – как правило, слабых. Либо путем веры, которая ничем не может быть оправдана и подтверждена»³⁶. Сказанное писателем актуализирует исследование особого измерения его литературного творчества.

Собранные в книге «Портрет поздней империи: Андрей Битов» (2020) статьи и воспоминания людей, не равнодушных к личности и творчеству Битова, во многом создают образ культового писателя, который «открыл новую область исследования, при этом обнаружив абсолютный уровень в слове» (Ю. Карабчиевский)³⁷. Однако, как нам представляется, по-прежнему остается актуальным духовно-эстетический аспект изучения творчества Битова, исследование тех творческих состояний, в которых писатель шел по пути углубления жизни до того предела, где сквозь всякую расщепленность и дробность проступает Целое. Проблемой остается и то, как он в текстах разной литературной природы осмысляет свой духовный опыт, не субъективируя и не сужая жизненную реальность³⁸.

Примечания

- 1 Битов А. File на грани фола. URL: <https://public.wikireading.ru/109634> (дата обращения: 20.01.2020).
- 2 Там же.
- 3 Кормилова М. Творчество А. Битова в оценке российской и русской зарубежной критики : дис. ... канд. филол. наук. М., 2010. С. 14.
- 4 Шмид В. Андрей Битов – мастер «островидения» // Битов А. Империя в четырех измерениях. I. Петроградская сторона. Харьков ; М., 1996. С. 373.
- 5 Там же. С. 376.
- 6 См.: Müller S. L. Andrej Bitovs Uroki Armenii – eine literarische Raumutopie. Eine Analyse von Wahrnehmungsmustern und Raumkonzeptionen : masterarbeit. Granges-Paccot, 2009. S. 117.
- 7 Ibid. S. 25.
- 8 См.: Spieker S. Figures of Memory and Forgetting in Andrej Bitov's Prose : Postmodernism and the Quest for History // Slavische Literaturen. Texte und Abhandlungen. Bd. 11. Frankfurt a/M [etc.], 1996. S. 83.

- ⁹ См.: *Zimmermann T.* Bild-Sprachen für neue Menschen : Ideogramm und Piktogramm im revolutionären Russland // Ackermann M., Rathgeber P. (Hg.). Piktogramme – die Einsamkeit der Zeichen : [Katalog zur Ausstellung im Kunstmuseum Stuttgart, vom 4. November 2006 – 25. Februar 2007]. München, 2006. S. 38.
- ¹⁰ См.: *Матасова О.* Konzept Ikonizität in diachronischer Perspektive // Инновации в преподавании и изучении немецкого языка : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Ульяновск, 2012. С. 73–74.
- ¹¹ См.: *Матасова О.* Природа языкового знака : мифологическая трактовка языкового знака в диахронии // Проблемы современной лингвистики в контексте антропоцентризма / под ред. А. А. Зарайского. Саратов, 2016. С. 17.
- ¹² См.: *Матасова О.* Ономапоэтическая теория происхождения языка // Язык и мир изучаемого языка. 2016. № 7. С. 68.
- ¹³ См.: *Zimmermann T.* Op. cit. S. 44.
- ¹⁴ См.: *Spieker S.* Einleitung : Die Ver-Ortung des Archivs // Spieker S., Codognot Ph. (Hg.). Bürokratische Leidenschaften. Kultur- und Mediengeschichte im Archiv. Berlin, 2004. S. 7–25.
- ¹⁵ См.: *Spieker S.* Figures of Memory and Forgetting in Andrej Bitov's Prose. Postmodernism and the Quest for History. S. 77–100.
- ¹⁶ См.: *Genette G.* Palimpseste. Die Literatur auf zweiter Stufe. 2. Übersetzt. Aufl. Frankfurt a/M, 2004. S. 13.
- ¹⁷ См.: *Chances E.* Andrei Bitov. The ecology of inspiration // Cambridge studies in Russian literature. Cambridge, 1993. P. 11.
- ¹⁸ См.: *Мандельштам О.* Собр. соч. : в 3 т. / под ред. Г. П. Струве, В. А. Филиппова. Вашингтон, 1964–1969.
- ¹⁹ См.: *Müller S. L.* Op. cit. S. 95–98.
- ²⁰ Ibid. S. 5.
- ²¹ *Аннинский Л.* Странный странник // Портрет поздней империи : Андрей Битов / авт.-сост. Е. Чигрин ; предисл. В. Попова. М., 2020. С. 21.
- ²² См.: *Müller S. L.* Op. cit. S. 74–94.
- ²³ См.: *Lauer R.* Geschichte der russischen Literatur. Von 1700 bis zur Gegenwart. München, 2000. S. 809.
- ²⁴ *Чхаидзе Е.* «Русский имперский человек» в «провинции». Дискурс «Россия – Грузия» в книге Андрея Битова «Империя в четырех измерениях» // Дружба народов. 2014. № 10. URL: <https://magazines.gorky.media/druzhiba/2014/10/russkij-imperskij-chelovek-v-provinczii.html> (дата обращения: 20.01.2020).
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ *Битов А.* Путешествие из России. М., 2003. С. 264.
- ²⁷ *Чхаидзе Е.* Указ. соч.
- ²⁸ См.: *Eshelman R.* Early Soviet Postmodernism // Schmid W. (Hg.). Slavische Literaturen. Texte und Abhandlungen. Bd. 12. Berlin ; Frankfurt a/M [etc.], 1997. S. 24 ; *Kary D.* Andrej Bitov : Ein postmoderner Präzedenzfall? Periodisierungsmodelle einer sowjetrussischen Postmoderne und Bemerkungen zur Indifferenz // Gözl Ch., Otto A., Vogt R. (Hg.). Romantik – Moderne – Postmoderne. Slavische Literaturen. Texte und Abhandlungen. Bd. 15. Bern ; Frankfurt a/M [etc.], 1998. S. 311.
- ²⁹ См.: *Eshelman R.* Op. cit. S. 10–19.
- ³⁰ См.: *Arns I.* «Objects in the mirror may be closer than they appear!» Die Avantgarde im Rückspiegel – Zum Paradigmenwechsel der künstlerischen Avantgarderezeption in (Ex-) Jugoslawien und Russland von den 1980er Jahren bis in die Gegenwart. Dissertationsschrift. URL: <http://www.inkearns.de> (дата обращения: 20.01.2020).
- ³¹ *Арьев А.* Огненный бык в сумеречном пейзаже // Портрет поздней империи : Андрей Битов. С. 42.
- ³² *Великанов А.* Сущее и несущее // Там же. С. 97.
- ³³ См.: *Goldschweer U.* Das Komplex im Konstruierten : der Beitrag der Chaos-Theorie für die Literaturwissenschaft. Vochum, 1998. S. 105–108.
- ³⁴ *Роднянская И.* Застигнувший себя // Портрет поздней империи : Андрей Битов. С. 268.
- ³⁵ *Шаргунов С.* Дымом по воздуху // Там же. С. 341.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Портрет поздней империи : Андрей Битов. С. 5.
- ³⁸ См.: *Тугушева Э.* Метапоэтика А. Г. Битова : дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2011.

Образец для цитирования:

Матасова О. В., Тугушева Э. Ф. «Кавказский текст» А. Г. Битова в русской и зарубежной (немецкой) критике // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2020. Т. 20, вып. 2. С. 212–217. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-2-212-217>

Cite this article as:

Matasova O. V., Tugusheva E. F. The 'Caucasus Text' by A. G. Bitov in the Russian and Foreign (German) Criticism. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2020, vol. 20, iss. 2, pp. 212–217 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-2-212-217>

УДК 821.161.1.09-14+929Шварц

Оппозиции пространственного кода в лирике Елены Шварц

А. А. Романов

Романов Андрей Андреевич, аспирант кафедры русской и зарубежной литературы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, hp72007@yandex.ru

В статье анализируются оппозиции пространственного кода, демонстрируются способы их репрезентации в лирике Е. Шварц. Рассматриваются особенности функционирования кода в художественном мире автора. Устанавливается взаимозависимость между выбором конкретной пространственной оппозиции и художественной задачей поэта.

Ключевые слова: поэзия, Елена Шварц, культурный код, язык культуры, поэтика, пространство, бинарные оппозиции.

Oppositions of Spatial Code in the Poems of Elena Shvartz

A. A. Romanov

Andrey A. Romanov, <https://orcid.org/0000-0002-4660-3160>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, hp72007@yandex.ru

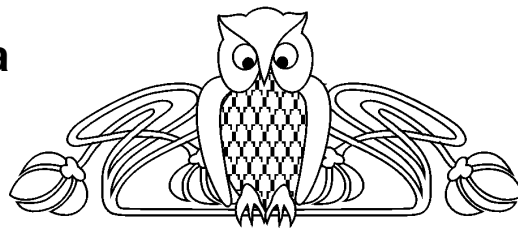
The article describes oppositions of spatial code and shows the ways of its representation in the poems of Elena Shvartz. Special features of how the spatial code functions in the author's artistic world are also considered. The correlation between the poet's choice of a particular spatial opposition and the artistic message is identified.

Keywords: poetry, Elena Shvartz, cultural code, language of culture, poetics, spatiality, binary oppositions.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-2-218-222>

Культурный код – «вторичная семиотическая система в ее соотношении с системой естественного языка, в которой знаки языка обладают особой символической семантикой»¹. Существует множество различных культурных кодов, но базовых выделяют всего шесть: телесный, духовный, пространственный, временной, биоморфный и вещественный². Они помогают систематизировать представления людей о мире. Взаимное напряжение семиотических систем, по Ю. Лотману, является жизненной силой культуры, в нем рождаются новые смыслы³.

Каждый язык культуры, или культурный код, должен обладать набором инвариантов⁴. Пространственный код исходит из универсальной базы характеристик пространства. Они представляют собой бинарные оппозиции: «верх» и «низ», «право» и «лево», «вперед» и «назад», «восток» и «запад», «север» и «юг», «далеко» и «близко» и т. д.

Принцип противопоставления определяет и правила применения кода: в художественных произведениях традиционно принято использовать контрастную пару/пары пространственных координат. При этом непосредственно в тексте может быть эксплицирован лишь один полюс, но второй должен присутствовать там имплицитно для сохранения оппозиции.

Между набором инвариантов в естественном языке и культурном коде существуют различия. Если естественный язык пользуется как синтагматическими, так и парадигматическими связями, то в языке культуры преобладают ассоциативные (парадигматические), при которых означающее соединяется с системой (пучком) означаемых⁵. Следовательно, за инвариантами в языке культуры закреплены не определенные прямые значения, которые вытекают из семантических связей, а устойчивые ассоциации.

Например, в пространственном коде за плюсом горизонтальной оси «лево» может быть закреплено несколько значений, а не только определение направления. Так, этот полюс может означать политическую позицию (деление на «правых» и «левых»), женское начало, адюльтер (сходить налево), негативную оценку чего-либо (это какая-то левая идея) и т. д. Выбор тех или иных значений сугубо индивидуален, зависит лишь от художественной задачи, которую решает автор. В связи с этим все инварианты пространственных характеристик, т. е. единицы кода, возможно определить лишь в процессе анализа произведения искусства в целом.

Яркий пример использования пространственного кода представляет собой поэзия Е. Шварц. В ее произведениях встречаются как традиционные формы его применения, так и отклонения от нормы и окказиональные варианты.

Традиционное использование оппозиций пространственного кода свидетельствует о заимствовании знаков, приемов, ритмико-синтаксических фигур из уже сложившейся системы языка. Логика выборов оппозиций, частота использования, место в композиции произведения, столкновение с другими культурными кодами – из этого будут складываться индивидуальные черты поэтики автора, его личная художественная «речь».

Так, описательные возможности кода позволяют автору с помощью пространственных характеристик изображать временные изменения, например смену времени суток. Е. Шварц

изображает закат как спуск/падение солнца с небосвода: «Упало солнце»⁶, «Падают солнце в златых болячках» (II, 15), рассвет – как противоположный процесс, подъем по вертикальной оси: «Вниз кидается ночь и вскарабкивается день» (I, 275), «Восходит косматое Солнце» (II, 190).

Полюса оппозиции «верх – низ» могут маркироваться как «небо – земля». Это усиливает противопоставление крайних точек вертикальной оси, способствуя гиперболизации изображаемого движения: «С дня рожденья шла – упала / (Так упала, так упала!) / Будто с неба – прямо в землю / Головой» (I, 191).

Помимо своего прямого значения, пространственный код способен воспроизводить закрепленные в культурном поле дополнительные смыслы, актуализировать знаки смежных семантических структур. Оппозиция «верх – низ» соотносится с метафорическим противостоянием «высокого» и «низкого», «святого» и «греховного»: рай и ад, Олимп и Аид. У Е. Шварц вполне традиционно за полюсом «верх» закреплены значения духовного, возвышенного, созидющего пространства («Вверх к собору» (I, 333), «Куда-то ввысь – к подошве рая» (I, 21)), за полюсом «низ» – греховного, земного, бытового и деструктивного («спускаясь в ад» (III, 10), «Земля, будто яблоко падшее» (III, 85)). Духовному «верху» противопоставлен тварный мир людей.

Пара пространственного кода «верх – низ» не единственная, через которую может реализовываться противопоставление духовного и греховного. Этот же контраст отражают пары «глубоко – мелко», «большое – маленькое»:

Я думала – меня оставил Бог,
Ну что с того – он драгоценный луч
Или иголка – человек же стог. Жесток...
Я отвернулась от него – не мучь.
Но кто из нас двоих жесточей и страшней?
Конечно, тот, кто не имеет тела, –
Он сделал нас бездонными – затем,
Чтобы тоска не ведала предела (I, 389).

Душа лирической героини многосоставна, вера – лишь часть ее (хоть и значительная, исходя из глубины эмоциональных переживаний). С помощью оппозиции пространственного кода «большое – малое» Е. Шварц говорит о сложности духовного поиска и кризисе веры: Бог – иголка в стоге сена человеческой души. Поиски отнимают колоссальное количество сил и времени. В этом поэт видит жестокость, так как каждый раз кризис веры, ощущение потери Бога приводит к духовному слому, который переживается настолько остро, что проще «отвернуться» от Бога. Оппозиция «глубоко – мелко» передает уровень человеческого отчаяния. «Бездонная» глубина «беспредельной» тоски обусловлена жестокостью Творца, который позволил человеку вмещать в себя так много боли.

Настроение опустошенности усиливается нюансами ритмико-синтаксического построения

текста. Архитектоника произведения обуславливает неспешное прочтение каждого стиха, особенно третьего, на котором читающий возьмет паузу из-за анжамбемана и полного фонетического совпадения смежных слов «же стог» и «жесток», а потом еще одну – после многоточия. С помощью тире Е. Шварц задает ритмический рисунок: каждый стих будто разделяется пополам. Но инерция ожидания нарушается двумя выбивающимися строками: пятый и восьмой (последний) стихи звучат динамичнее, поскольку в них отсутствуют дробящие знаки препинания. Пятый стих – эмоциональная сердцевина текста, порыв, интонация читающего идет вверх. А последний стих дает мощное интонационное усиление оппозиции «глубоко – мелко»: голос, наоборот, спускается вниз, длинная фраза будто проваливается в бездонную страдающую душу героини.

Часто оппозиции пространственного кода используются поэтом в разговоре о творчестве. Так, в стихотворении «Давид Бурлюк» с помощью пространственных оппозиций «устойчивое – неустойчивое», «гармония – хаос» Е. Шварц передает смену эстетических и мировоззренческих моделей, показывает разницу между классическим и модернистским направлениями в искусстве:

О русский Полифем! Гармонии стрекало
Твой выжгло глаз
<...>
Явился он – и Хаос забурлил
И асимметрия взыграла,
Дом крепкий, ясный блеск светил –
Все затряслось, как лодка у причала (I, 11–12).

Классическое гармоничное искусство Е. Шварц изображает как неприемлемое и даже опасное для своего персонажа, оно становится фактически оружием («стрекалом»), лишаящим его глаза, в результате чего герой становится «русским Полифемом».

Футиризм, основоположником которого в России был Д. Бурлюк, пошатнул общепринятые каноны искусства. Е. Шварц наделяет новое направление большой мощью: сравнивает футуризм с землетрясением и взволнованным морем. «Крепкий дом» – сложившаяся отечественная традиция. С приходом футуризма всё, что казалось неизблемым, пошатнулось: «Хаос забурлил», «асимметрия взыграла», «затряслось, как лодка у причала».

Как видим, при всем разнообразии конкретных репрезентаций пространственного кода в традиционном варианте главная его функция – контрастообразующая.

Более сложная модель художественного пространства возникает, когда поэт допускает отклонения от общепринятых правил использования пространственного кода. Такие отклонения в лирике Е. Шварц бывают двух видов.

Первый – смягчение контраста внутри оппозиции, которое обусловлено идеей цельности.

В своем творчестве Е. Шварц пытается показать все связи мира, его сплетенный сложный узор. Одна из магистральных идей поэта – всеединство и взаимозависимость. Так, она связывает «верх» и «низ», «духовное» и «греховное»: «Умрет он за Гроб Господень, / Который пуст. // Это и хорошо, / В этом-то наше спасенье, / Вот он – свежий шов – / Земли и неба стяжение» (I, 200). Вознесение Христа становится «швом» неба и земли, они «прорастают» друг в друга. Если традиционное использование оппозиции «верх – низ» подразумевает полярность, то в этом случае поэт уходит от противопоставления.

Нивелировка контраста внутри оппозиций пространственного кода может происходить и для установки культурно-географических связей: «А прозывается / Как будто Кри-ву-лин. / – Уж не китаец ли? Я навещу его» (II, 55). Растягивая фамилию известного представителя литературного андеграунда Виктора Кривулина на слоги, Е. Шварц в шуточной форме снижает уровень контраста внутри оппозиционной пары «восток – запад». Известно, что в Китае имя пишется после фамилии и состоит из 1–2 слогов. Е. Шварц отмечает фонетическую схожесть фамилии российского поэта и фамилии и имени китайца.

Полярность внутри оппозиции «восток – запад» смягчается в связи со стремлением Е. Шварц к свободе не только географической, но и культурной: «Имя с окнами на запад и восток / Дал мне Бог. / А душа открыта на все четыре – / В ней кто хочешь живет – / как в своей квартире» (II, 112). Под западом и востоком здесь подразумеваются Греция и Израиль, так как Елена – греческое имя, а Шварц – еврейская фамилия. Но этого недостаточно для души, которая открыта для всего мира. Поэта волновал вопрос о своем происхождении, его «многосоставности». Подробно на этом Е. Шварц останавливается в зарисовке «Предки» своего прозаического цикла «Видимая сторона жизни» (III, 169–225), в которой пишет: «Возможно, когда Хмельницкий огнем и мечом уничтожал евреев, от него сломя голову бежали другие мои предки. Такая разная кровь... Наверное, и моя противоречивость внутренняя и желание спорить со всеми и с собой имеет генетическую основу» (III, 207). Как в микрокосмосе автора уживалось восточное и западное, так и в ее художественном универсуме они сближаются.

Второй вариант смещения нормы связан со сменой закрепленных значений в паре пространственного кода. Так, Е. Шварц по-своему осмысливает оппозиции «внутреннее – внешнее» / «свое – чужое». В традиционном использовании этих пар «внутреннее» и «свое» – положительный полюс, а «внешнее» и «чужое» – отрицательный. Но автор меняет их местами:

Когда мы закрываем веки
Трепещущих и смертных глаз –
Они, как переборки на отсеки,
Поделят тьму вовне и тьму, что внутри нас.

<...>

Но я смотрю в изнанку век,
Как зеркало, – светает изнутри,
И смотрит на меня не то чтоб человек –
Из глубины души – китайский мандарин.
Алмазный глаз во лбу его один.
Как детская и старая одежда,
Слетают муки, страсти и надежды,

<...>

Он будет жить, когда меня схоронят,
Он – это я, но я совсем не он.
Неотвратим промерзлый взор,
Как смерть, как приговор.
Пусть мрак ослепит душу мне,
Открой глаза, во мглу смотри,
Мне легче вынести тьму вовне,
Чем темный свет внутри (I, 51–52).

Внешнее/чужое и внутреннее/свое пространства Е. Шварц разделяет телесным барьером – «веками». Поскольку в стихотворении описываются преимущественно зрительные переживания, то веки становятся границей между внешним и внутренним «мирами».

Оба пространства изначально темные, но по ходу развития лирического сюжета героиня усматривает в глубине собственной души персонажа, в котором угадывается Будда. Читатель узнает образ благодаря таким маркерам, как наличие третьего глаза, который традиционно заменен алмазом; буддистского отречения от свойственных человеку эмоций и ощущений («Слетают муки, страсти и надежды, / <...> радости и горе»). Также Е. Шварц играет со значением имени основателя буддизма, одно из интерпретаций имени которого – Просветленный. Будда в тексте произведения буквально «светает изнутри». Называя своего персонажа «китайским мандарином» (так именовали китайских чиновников, министров), поэт добавляет образу иерархическую значимость – он главный.

Видение связывается с прозрением героини, заставляет задуматься о собственной судьбе, последних вопросах бытия, о смерти и жизни. Остро переживается осознание смертности собственного тела и всего того, что это тело испытывает.

Внутренний Будда, возможно, в метафорическом смысле означает душу, которой чуждо все материальное. Она лишь излучает внутренний свет. Лирическая героиня остается обнаженной и ранимой перед присущим всем людям страхом смерти, перед ощущением вечного забвения: «Он будет жить, когда меня схоронят, / Он – это я, но я совсем не он». Смерть ощущается как приговор, а не естественный порядок вещей.

Но главная трагедия всего свершившегося даже не в этом, а в том, что «свое»/«внутреннее» пространство перестает быть безопасным, оно пугает. Внутри теперь пристанище того самого «мандарина», который одновременно является частью самого человека, но в то же время

в нем мы не находим ничего человеческого: он существует вне привычной для людей системы ценностей, наделен «промерзлым взором». Героиня настолько впечатлена полученным откровением, что предпочитает бежать из себя во вне. Она жаждет внутренней «слепоты»: «Пусть мрак ослепит душу мне». Таким образом, для нее внешнее пространство становится желанным и успокаивающим, а внутреннее превращается в пугающее и чужое: «Открой глаза, во мглу смотри, / Мне легче вынести тьму вовне, / Чем темный свет внутри».

Опираясь на традиционное представление об оппозициях «внутреннее – внешнее» и «свое – чужое», Е. Шварц парадоксально меняет полюса местами, заставляя осознать большую опасность «своего», «внутреннего», добиваясь усиления страха в описываемом откровении.

К окказиональным вариантам использования пространственного кода относятся те случаи, когда стирается граница внутри пространственной бинарной оппозиции.

Так, Е. Шварц преодолевает оппозицию «далеко – близко», демонстрируя близость далекого. Например, поэт соединяет земное и космическое пространства:

Одну звезду увижу я затылком –
<...>
«Сестра, ты помоги мне ради Бога,
Какая мертвая дорога,
Я знаю, что меня ты слышишь,
И вижу, как ты часто дышишь...»
Зову ее – и не напрасно –
На небесах она погасла
И с плеском кинулась в стакан,
И он дрожит, и синим светом,
Холодным светом осиян (I, 10).

Звезда у Шварц может дышать, слушать и понимать человеческую речь. Это не монолог, но диалог человека и небесного тела: стихотворение заканчивается ответом звезды, которая слышит зов и падает в стакан.

Поэт не только сокращает физическое расстояние от звезды до персонажа, но и размывает границу между космическим и земным. Звезда принадлежит прекрасному космическому пространству, а стакан вещественен и воплощает тленный земной мир. В момент, когда звезда падает, пересекает границу пространств, происходит слияние космического и земного. Стакан начинает дрожать, освещается синим светом, преобразуется. Е. Шварц на лексическом уровне подчеркивает соединение разных миров архаизмом «осиян». Стакан так и остается бытовым предметом, он не превращается в «чашу» или «кубок», но свет звезды трансформирует бытовую реальность. При слиянии двух пространств происходит и слияние языков их описания, смешение «высокого» и «низкого».

По-другому земное и космическое пространства взаимодействуют в стихотворении из

цикла «Горбатый мир». Здесь космическое перевоплощается в бытовое и упрощается:

И я гляжу в глаза созвездий
<...>
Луна свисает ухом недоумка,
Куда блохою космонавт залез (II, 73–74).

В этом стихотворении небесные тела также антропоморфны: у созвездий есть глаза, Луна сравнивается с ухом; размывается граница оппозиции «верх – низ», которая отражает полюса космического и земного. Но если в предыдущем тексте звезда спускалась на землю, привнося в бытовой мир часть «холодного» и прекрасного света, то здесь космонавт, представитель земного пространства, попадая в космическое – на Луну, окрашивает ее в «земные» тона. В тексте заметно снижен тон описания: Луна сравнивается не просто с ухом, а ухом недоумка; космонавт не покоряет Луну, а залезает на нее блохою. В этом случае земной/бытовой полюс «низа» искажает космический/прекрасный полюс «верха».

Для Е. Шварц характерны два типа ощущения пространства – телесный и духовный. При этом чем дальше она разводит явления физически, тем крепче между ними оказывается духовная, внутренняя связь. Так, сливаются друг с другом разделенные океанами персонажи стихотворения «Телеграф улиток»:

Тыкнут чёрное на белом
И возьмут как ноту «ля»
И без ветра покачнутся
Маковой волной поля,
И, перелетев через море,
Отзовется нотой «си».

Вот он, телеграф улиток:
Здесь кольнут – там завопят.
Смутный слизень, недобиток...
Двое нераздельно слиты –
Ангел и слизняк дрожат (III, 67).

В этом стихотворении внешнее (географическое) пространство преодолевается внутренней связью. Живым существам дана способность чувствовать, она не зависит от места их расположения. «Ангел» и «слизняк» сближаются благодаря общей боли, находясь друг от друга «за морем», они слиты «нераздельно». В мире поэта Ангел и слизняк, олицетворяющие собой полюса телесного и духовного, взаимозависимы. Хотя связь между ними внутренняя, «духовная», репрезентация ее физиологична: они физически способны ощущать боль друг друга: «Здесь кольнут – там завопят». Передача импульса этой боли в пространстве метафорически связывается поэтом со звуками фортепьяно, а именно через полутон ля-диез: «тыкнут чёрное на белом». Как известно, диез – это повышение основной ступени на полутон. Это звук между нотой «ля» и «си», связь двух различных нот: «возьмут как ноту “ля”», «отзовется нотой “си”». Таким обра-

зом автор стирает не только географические границы, но и границу между духом и телом.

В целом же, преодолевая оппозицию «далеко – близко», поэт создает художественное пространство, объединяющее земное и космическое, телесное и духовное.

С помощью пространственного кода размывается граница между «миром живых» и «миром мертвых». Взаимопроникновение двух миров может быть противоположным по своим последствиям.

В одном случае Е. Шварц снимает противопоставление между этими пространствами для усиления мысли об испорченности человеческой души: «Друг друга заражая тьмой / И злобой, всех мы опоили, / Как вирусы мы в мир иной / Переползем с котомкой гнили» (I, 50). Обыгравая расхожее выражение: «С собой на тот свет ничего не возьмешь», поэт утверждает, что человечество настолько заражено злобой и тьмой, что сумка гнили останется с каждым его представителем и после смерти. В результате окончательно стирается граница между «тем» и «этим» светом, так как их описания ничем не отличаются друг от друга. Единственная разница – наличие в одном живых тел, но и она несущественна, так как описываемые люди прогнили и умерли уже при жизни.

В другом случае (в стихотворении «Зверь-цветок») сближение жизни и смерти, размывание оппозиции происходит потому, что оба пространства воплощают витальную силу:

Предчувствие жизни до смерти живет.

<...>

Вот-вот цветы взойдут алая
на ребрах, у ключиц, на голове.

<...>

Из глаз полезли темные гвоздики,
я – куст из роз и незабудок сразу,

<...>

Когда ж я отцвету, о Боже, Боже,
какой останется искусанный комок –
остывшая и с лопнувшего кожей,
отцветший полумертвый зверь-цветок (I, 96).

Е. Шварц описывает круговорот жизни. В тексте изображено мертвое тело человека, вместившее в себя жизнь цветов, слившееся с расте-

ниями на новом витке существования. Мертвое тело расцветает, наполняется жизнью, сливается с растительным миром в единое целое. В связи с этим преодолевается также оппозиция «свое – чужое», поскольку «чужого» не остается вообще.

Для Е. Шварц неактуально и деление на «свою» и «чужую» веру. Автор не видит принципиального конфликта между христианством и буддизмом. В художественном универсуме поэта прекрасно сосуществуют те, кто стоял у истоков создания этих религий:

Мальчик, сидя на пороге,
Окаменев, достиг Нирваны.

<...>

И в непереносимо ярком свете

Тогда спустился Иисус

И, маленького Будду взяв,

Унес на небо легкий груз (II, 164).

В результате возникает художественная реальность, лишенная непреодолимых границ, объединенная законами всеединства.

Таким образом, в лирике Е. Шварц пространственный код выполняет как традиционные функции, маркируя пространство моделируемого мира, так и метафорические, связывая пространственные, моральные и мировоззренческие координаты, передавая представления автора о фундаментальных законах бытия.

Примечания

- 1 Сарач Х. Природно-ландшафтный код культуры (на материале русского и турецкого языков): дис. ... канд. филол. наук. М., 2016. С. 5.
- 2 См.: Красных В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. М., 2002. С. 233.
- 3 См.: Лотман Ю. Семиосфера. СПб., 2000. С. 419.
- 4 См.: Лотман Ю. Анализ поэтического текста. Л., 1972. С. 33.
- 5 См.: Барт Р. Основы семиологии // Структурализм: «за» и «против»: сб. ст. / под ред. Е. Я. Басина, М. Я. Полякова. М., 1975. С. 114–163.
- 6 Шварц Е. Собр. соч. : в 5 т. Т. 1. СПб., 2002. С. 182. В дальнейшем все цитаты на произведения Е. Шварц приводятся в тексте по данному изданию с указанием тома римскими и страницы арабскими цифрами в скобках.

Образец для цитирования:

Романов А. А. Оппозиции пространственного кода в лирике Елены Шварц // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2020. Т. 20, вып. 2. С. 218–222. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-2-218-222>

Cite this article as:

Romanov A. A. Oppositions of Spatial Code in the Poems of Elena Shvartz. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2020, vol. 20, iss. 2, pp. 218–222 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-2-218-222>

УДК 821.111(73).09-31+9290Остер

«4321» Пола Остера как роман воспитания: память жанра

М. К. Бронич

Бронич Марина Карповна, доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии, зарубежной литературы и межкультурной коммуникации, Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н. А. Добролюбова, mbronich@rambler.ru

В статье исследуются жанровые и композиционные особенности романа Пола Остера «4321», представляющего собой сплав романа воспитания, семейной хроники, социально-психологического, любовного романа, а также романа о художнике с документально-эссеистической прозой. Анализируются основные аспекты поэтики и проблематики романа, выявляющие способы актуализации и пародирования традиционных жанров в постмодернистском романе.

Ключевые слова: Пол Остер, роман воспитания, роман о художнике, семейная хроника, романские жанры.

Paul Auster's 4321 as a Bildungsroman: The Genre Memory

М. К. Бронич

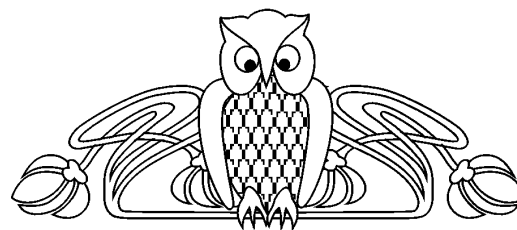
Marina K. Bronich, <https://orcid.org/0000-0003-1231-6689>, Nizhny Novgorod Linguistic University, 31a Minin St., Nizhny Novgorod 603155, Russia, mbronich@rambler.ru

The paper explores the genre and compositional features of Paul Auster's 4321 being the fusion of Bildungsroman, family chronicle, social and psychological novel, love story, as well as Künstlerroman and non-fiction. The analysis of the central aspects of poetics and the problems raised in the book reveals the ways of actualization and parodying the traditional genres in a postmodern novel.

Keywords: Paul Auster, Bildungsroman, Künstlerroman, family chronicle, genres of the novel.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-2-223-227>

Последний по времени написания роман Пола Остера со странным названием «4321» вышел в свет в январе 2017 г., был сразу же номинирован на Букеровскую премию, а в мае 2019 г. в издательстве «ЭКСМО» появился русский перевод этого масштабного эпоса частной жизни почти в 1000 страниц. Для творчества Пола Остера подобный роман-гигант, насыщенный множеством реалистических деталей быта, нравов, исторических событий, явление необычное. Его предыдущие книги представляли собой лаконичные мастерски рассказанные истории героев, перемещающихся из одного фикционального мира в другой, разрушая, если воспользоваться определением Ж. Бодрийера, галлюцинаторное господство детали и тем самым подвергая «радикальному сомнению сам принцип реальности»¹.

Остер не раз говорил о том, что все его романы – это, по сути, одна и та же книга, в которой исследуются разнообразные человеческие экзистенциальные ситуации, высвечивающие суть человеческой природы и отвечающие на вопрос, что такое жизнь, что значит быть живым.

Согласно Ж. Жаннету, тематическое постоянство, перетекание смысла из одного произведения в другое, единство повторов и вариаций побуждают к «парадигматическому чтению, при котором последовательность повествования играет второстепенную роль...»². Такой тип чтения настойчиво предлагает писатель в романе «4321», ибо, согласно Остеру, «именно читатель творит книгу, а не писатель»³. Под одной обложкой здесь соединены написанные в традиционной реалистической манере четыре романа о взрослении и становлении личности, о путях творческой реализации Арчи Фергусона, четыре сценария жизни героя, история стадийного развития которого прослеживается с детских лет, связывается с историей семьи и опытом познания окружающей действительности. В сюжетной схеме каждого из четырех сценариев, как в традиционном романе воспитания, последовательно и детально воспроизводятся детство и отрочество Фергусона, в трех – кроме детства и отрочества подробно рисуются юношеские годы героя, в двух – достижение зрелости, но в конечном итоге в живых остается только один Арчи Фергусон: отсюда и название «4321».

В конце романа становится понятно, что книга, которую мы только что закончили читать, принадлежит перу четвертого Фергусона, ставшего писателем и мечтавшего в своем творчестве «соединить странное и привычное <...> также тщательно отображать мир, как самые убежденные реалисты, и в то же время найти способ восприятия мира через иную, слегка искажающую линзу», чтобы «вместить не только зримый мир разумных существ и неодушевленных предметов, но и многочисленные загадочные силы, скрывающиеся за видимым»⁴. Такой искажающей линзой в романе является его сложная композиция. Традиционный для Остера «матрешечный» принцип построения романа уступает принципу «гармошки». Повествование может сжиматься и растягиваться в зависимости от модуса чтения – последовательного или соединяющего сходные сюжетные фрагменты, из которых складывается связанный рассказ о формировании героя.

Четыре вероятные жизни главного персонажа представлены в форме научного исследования, что подчеркивается специфическим членением текста, состоящим из семи частей, каждая из которых подразделяется на четыре параграфа с характерной для научного сочинения маркировкой параграфов: 1.1, 1.2, 1.3, 1.4, 2.1, 2.2 и т. д. Каждая глава представляет определенный цикл развития личности, а в параграфах (подглавках) параллельно описывается соответствующий этап жизни каждого из четырех Фергусонов. При этом параграф о выбывшем герое традиционно маркируется, но текст опущен. Как правило, параграф начинается кратким перечислением важнейших событий данного этапа, а затем каждое из них получает детальное, почти аргументированное объяснение, имитируя научный дискурс – тезис и его развертывание. Кроме того, рассказывая о каком-либо значимом эпизоде в жизни персонажей, повествователь, подобно исследователю, методично по пунктам перечисляет причины случившегося, а иногда и его возможные последствия. Фергусон-4, пишущий эту книгу, пытается понять, что определяет судьбу человека, поэтому он и варьирует, порой совсем незначительно, семейные обстоятельства, место жительства (но в пределах округа Эссекс, штат Нью Джерси), отдельные детали быта, дружеские и любовные увлечения, спортивные пристрастия. Неизменными остаются происхождение героя, его литературная одаренность и писательские наклонности, а также исторический фон, время его становления.

Роман открывается экспозиционным параграфом 1.0, содержащим историю семьи с момента прибытия в Америку в самом начале века, в 1900 г., деда героя Исаака Резникова, получившего во время регистрации иммиграционным чиновником несообразное имя Икабод Фергусон, и до рождения Арчи 3 марта 1947 г. Своеобразное семейное предание о том, как боротание Исаака на идиш «*Ikh hab fargessen*» превратилось в фамилию обширного семейства, обрамляет повествование, придавая ему кольцевую композицию.

Первый фрагмент романа (1.0) написан в жанре семейной хроники с явной оглядкой на «Будденброков» Т. Манна. Не только последовательное описание роста и развития семьи, воспроизведение всех мелочей быта (манеры, развлечения, свадьбы, похороны, семейные трапезы), особенности взаимоотношений между братьями и их женами, кузинами и кузинами, подробнейшая характеристика финансового положения различных ветвей семейного клана, но и нарочито длинные предложения имитируют стиль первого романа Т. Манна. Так же как и у немецкого классика, фокус изображения меняется в зависимости от скользящей точки зрения повествователя. И хотя весь роман приведен в соответствие с психологической точкой зрения

Арчи Фергусона (в зависимости от варианта биографии), события время от времени видятся в пространственной перспективе других, на слова, воспоминания или рассказы которых ссылается повествователь, подчеркивая неполноту своего знания и привнося некоторый элемент недостоверности в рассказываемую историю. «Если верить тому, что Лью рассказал Милли, или, как утверждала Милли, он ей рассказывал, у Фергусонов был еще четвертый ребенок...» (3) или «Много лет спустя, когда Роуз рассказывала своему сыну о том вечере, она опустила название ресторана, где у нее было первое свидание со Стэнли» (11). Недосказанность, неопределенность, субъективность в оценке тех или иных фактов сближает повествование с семейным преданием, что фиктивный автор романа Фергусон-4 подчеркивает частым употреблением слова «легенда» (легенда о гибели деда от пуль грабителей, легенда о получении фамилии, легенда о некоей чрезвычайно одаренной к языкам кузине, которая к двадцати годам говорила на девяти языках и так поразила этим чиновников на Эллис Айленде, что они тут же предложили ей должность переводчика иммиграционной службы, и т. д.).

Так же как и в семейной хронике, события в жизни фергусоновского клана скрупулезно датируются и соотносятся с историческими событиями, влетаясь в ход истории страны первой половины XX в. Так, например, о встрече родителей героя сообщается следующим образом: «В октябре 1943 года менее недели после того, как американская пятая армия освободила Неаполь от немцев, в разгар полного надежд времени, когда наконец военные действия стали разворачиваться в пользу союзников, Стэнли встретил в Нью Йорке на свидании вслепую двадцатидвухлетнюю Роуз Адлер» (5). Фергусоны не принадлежат к тем, кого называют вершителями истории; они с трудом пробивались в ряды «среднего» среднего класса. Отец Арчи, мечтавший стать вторым Рокфеллером, неимоверными усилиями создал свое дело, поначалу скромную мастерскую по ремонту радиоаппаратуры и домашней электротехники, а потом, взяв в компаньоны братьев, расширил его до большого магазина «Все для дома». Братья далеки от политических и общественных событий, они поглощены исключительно проблемами бизнеса и личными взаимоотношениями, но их жизнь и судьба видится повествователем в тесной связи с историческим временем. Это Арчи Фергусон во всех своих ипостасях вовлечен в диалог со временем, с детства вглядываясь в окружающий мир и его бесконечные метаморфозы.

Очень важным элементом семейной хроники является мотив угасания рода, но он появляется в других частях книги, в которых центром повествования становится Арчи Фергусон. Он делается свидетелем семейного распада и оказы-

вається последнім представителем клану. Уже в першій главі про дитинство чотирьох Фергусонов представлено різні версії руйнування родини. Тут і шахрайство братів батька Арчі, і їх примусовий переїзд далі від Нью-Джерсі, і автомобільна катастрофа, і загибель кузена на корейській війні, і смерть батька в час пожеги, і інтереси бізнесу, які відтиснули родинні почуття. Далі до всіх цих бідам додається розлучення батьків, розпався шлюб теті Мілдред, смерть бабусі і дідусі Адлер, двоюрідної бабусі Перл. І якщо «клан Фергусонов розбився вдребезги» (48), то «Адлери скорочувалися числом» (210), подібно до того, як поступово зменшується кількість самих героїв. Спочатку гине в 13-річному віці в час грози Фергусон-2, потім Фергусон-3 потрапляє під машину, тільки-тільки випустив на світ свою першу книгу, Фергусон-1, досвідчений журналіст, не встигши здійснити свою мрію зайнятися літературою, гине в час пожеги. А коли Фергусон-4 дізнається про свою неплідність, він, перефразуючи класиків, в відчаї вигукнувши: «Падіння дому Фергусонов», «Останній з Фергусонов» (612).

Історія Арчі Фергусона – це розповідь про «вечні, нескінченні муки юності» (844), про важке, іноді хворобливе процесу дорослішання, виховання почуттів, вибору життєвого шляху. Через увесь роман проходить думка, прочитана Фергусоном у філософа і композитора Джона Кейджа: «Світ бурлить: все може статися» (594). Саме вона визначає фрагментарну композицію книги, надлишок персонажів, переизбыток деталей, створюючи відчуття хаосу, якого герой намагається подолати, побудувавши кілька моделей життя. Думка про можливі варіанти розвитку подій, а стало бути, і про варіанти долі переслідує героя. Шестилітньому Фергусону-2, сломавшому ногу при падінні з дерева, представляється цікавим «представити себе в інших обставинах. Той же хлопчик, але інший дім, інше дерево. Той же хлопчик, але інші батьки» (54). А семирічний Фергусон-4, страждаючи від нестачки уваги з боку батька, який представляється сину невидимим, тому що цілком віддається заробітку грошей, порівнює його з батьками своїх знайомих, свій дім – з будинком теті Мілдред, заваленим книжками, і з горем констатує, що в світі існує інший образ життя, що образ життя його батьків не єдиний. Остер послідовно відкриває спосіб зображення множинності варіантів подій, долі героїв, їх дій, але пам'ять жанру зберігає суттєву рису роману виховання – формування героя під впливом умов життя і оточуючих людей. Не тільки світ стоїть перед Арчі кожен раз по-іншому, але і сам Арчі в залежності від обставин змінюється. Багатолик і людина, як, на-

приклад, дід героя Бенджі Адлер, «у якого дві або три особистості» (204). Ще більшою загадкою виявляється для себе сам Арчі, виявивши, що він збірний несумісний «я».

В чотирьох біографіях героя представлені різні особистості, сформовані під впливом певних життєвих обставин, серед яких неабияк велику роль грають спорт, книги, фільми, музика, газети і журнали. В американській культурі спортивні ігри виконують важливу роль в процесі соціалізації особистості. Спортом цікавляться і займаються всі Фергусони, і в шкільні роки деякі досягають значних успіхів на цьому поприщі. Неможливість продовжити заняття спортом через отриману травму сублімується у Фергусона-1 в увлечення журналістикою, він починає писати записки про шкільний спорт в місцеву газету і в кінці кінців приходив до великої журналістики. Фергусон-2 в 11 років починає видавати газету під дерзким назвою «Cobble Road Crusader» і, як завзятий болельщик бейсболу, на першій сторінці першого номера розміщує матеріал під броским заголовком: «Людиноподібна трагедія. “Доджерс” і “Джайентс” міняють Нью-Йорк на Західне узбережжя». З дитинства залучений своєю кухаркою Френсіс в обговорення суспільної і політичної життя, Арчі виявляє незвичайну для такої молодості журналістську хватку, остроумство, а головне, розуміння тимчасовості, швидкопливності і всеохопності газетних новин. «В книжках розповідь йде в одному напрямку від початку до кінця, а в газетах в різних; це неймовірна суміш із синхронності і невідповідностей, народжується з великої кількості повідомлень, розташованих на одній сторінці, але освітлює різноманітні сторони життя» (151). У Фергусона-3, ватагу нападаючої шкільної баскетбольної команди, спортивні інтереси відтиснюються на периферію в багатьох під впливом батька, абсолютно байдужого до спорту, але згодом перемогли свого пасинка незвичайною продуктивністю музичного критика. Фергусон, з дитинства захоплений кіно, починає писати рецензії, а потім видає автобіографічну книгу про те, як кіно допомогло йому вижити після нью-йоркської пожеги, унесши життя його батька. Фергусон-4, принципово відмовившись від бейсболу через загибель свого друга-двійника Арті Федермана, в чотирнадцятирічному віці написав свою першу повість, визначивши його письменницьке покликання.

Всі Фергусони книголюбні, і автор скрупульозно перераховує книги, які супроводжують їх в житті. Списки необхідних для читання авторів ретельно складає для Фергусона-1, -2, -4 кожен раз інше за характером тета Мілдред, але незмінно інтелектуалка, професор літератури, дуже турботлива ду-

ховным развитием своего племянника. Для Фергусона-3 подобные списки готовит отчим Джил Шнейдерман. В этих списках много пересечений, однако эмоциональные реакции героев на прочитанное различны. Фергусон-3 до слез потрясен встречей Телемаха и Одиссея, а Фергусон-4, выполняя задание по античной литературе, на пяти страницах беспристрастно разбирает этот эпизод гомеровской поэмы. Тринадцатилетний Фергусон-2 сообщает в письме другу, что он прочитал «Над пропастью во ржи», в которой ничего особенного не происходит, «но манера речи Холдена так жизненна и достоверна, что он не может не нравиться, хочется с ним подружиться» (179). А повзрослевший Фергусон-4, открыв для себя «Дэвида Копперфильда» Диккенса, «разошелся во мнениях со своим предыдущим вымышленным собеседником Холденом Колфилдом, который облил грязью Диккенса <...> в сознании Фергусона книги вступили в диалог, и каким бы замечательным ни был Дж. Д. Сэлинджер, он был не достоин чистить ботинки Чарльзу Диккенсу» (348).

Любимый «Дэвид Копперфильд» подсказывает автору специфическую «проблемность» – формирование духовного «я» в ранние годы, жизненные испытания, позволяющие реализовать внутренние возможности героя, и типологическую систему образов: «дурные» и добрые наставники, спутники-ровесники, подруги и возлюбленные. Так же как и у Диккенса, в романе Остера показан особый процесс становления личности художника с его способностью наблюдать и сопоставлять увиденное, с характерной памятью, удерживающей все пережитое, с творческой фантазией, в которой актуализируется осмысленное прошлое в форме воспоминаний. Остер акцентирует свойственную памяти как явлению нелинейную, не всегда однозначно предсказуемую динамику развития. История, например, Вивьен Шрайбер, сомнительной парижской наставницы Фергусона-3, изложена с недомолвками как припоминание того, о чем между делом рассказал герою его отчим и что из этого рассказа ему запомнилось. В реконструкции же собственного прошлого осознается причастность ко времени и истории.

Прошлое актуализируется в воспоминаниях героев как переживание и осмысление. Память, время, история очень сложно взаимодействуют в романе. «Память» и «забвение», «причастность» и «непричастность» историческому событию, «соучастие» или «противостояние» злу – все эти понятия взаимосвязаны и находятся в процессе постоянной трансформации. Студенческие годы Фергусона приходятся на «критическое десятилетие» Америки. Фергусон-1, студент Колумбийского университета, член редакции университетской газеты, участвует в антивоенных демонстрациях, освещает политическую деятельность студенческих организаций (Студен-

ты за демократическое общество, Независимый комитет по Вьетнаму и др.), хотя «куда более привлекательной для него была бы перспектива заняться переводом французских поэтов» (527). Он становится свидетелем и расового бунта в Ньюарке, и мощных молодежных протестов в 1966–1968 гг., начиная с массовых протестов по поводу строительства спортивного зала на земле Гарлема и заканчивая знаменитой студенческой забастовкой в Колумбийском университете весной 1968 г., завершившейся кровавыми столкновениями с полицией. Однако вовлеченность его друзей и возлюбленной в политические споры и анархический бунт пугает героя. Глава 6.1 написана в форме хроники с последовательным перечислением событий, с точным указанием времени года, месяца, года происходящего, как беспристрастный отчет репортера (Фергусона-1), очевидца творящейся на глазах истории. Фергусон-3, полностью окунувшись в мир кино, книг и переживаний по поводу своей нетрадиционной сексуальной ориентации, в связи с чем его признали негодным к строевой службе, оказывается очень далеким от того, что происходит в окружающем мире. А вот причастность Фергусона-4 к живой истории оказывается наиболее очевидной, несмотря на то, что он не всегда находится в гуще событий и занят, на первый взгляд, исключительно проблемами эстетического характера. Но он еще в юности выбрал себе образец для подражания – Генри Торо, писателя и гражданина. Фергусон отправляет деньги, полученные от чуждого ему отца, в фонд антивоенных организаций, бесстрашно противостоит расистам, защищая свою сводную сестру и ее черного возлюбленного, и расплачивается за это потерей именно стипендии и отчислением из Принстона.

Как и в классическом романе воспитания, в «4321» ведущее место занимает тема воспитания чувств. Она разворачивается вокруг образа подруги, возлюбленной, предмета любовного томления Фергусона Эми Шнейдерман. «Готовый» образ Эми, отношения с которой у героя варьируются в зависимости от версии судьбы, оттеняет и раскрывает его внутренние возможности. Но во всех редакциях рассказанной истории жизни Эми остается сильным, независимым характером, рядом с которым Фергусон неизбежно оказывается ведомым. Автор то приближает, то отдаляет Эми от героя, подчеркивая скрытую, опосредованную связь между обстоятельствами и чувствами героя. Всем Фергусонам от природы дана неистовая жажда любви. Одержимость любовью создает особую эротическую тональность романа. В одном случае неосуществленность любви (Эми отвергает Фергусона-3) приводит к изменению сексуальной ориентации, в другом (Эми растет рядом с Фергусоном-4 как сводная сестра) – к долгому поиску «родственной души» и к самообманам, которые оказыва-

ются в определенной степени конструктивными. Утрата иллюзий (недолговечность отношений с Дейной Розенблум, невозможность осчастливить Эви Монро, надуманность страсти во взаимоотношениях с Селией Федерман) означает зрелость мысли и чувств, нашедшую выражение в первой «настоящей» книге Арчи об «извечных, нескончаемых мучениях юности» (844). Процесс становления героя завершен. В нескольких словах сообщив о будущих планах Эми, близких друзей Фергусона, объяснив смысл заглавия романа, автор торжественно заявляет: «Так кончается книга» (865), имея в виду историю героев. Но заканчивает он роман иллюстрацией тезиса «Мир бурлит», давая на последней странице документальный отчет о бунте в тюрьме «Аттика» и политической карьере губернатора Нью Йорка Нельсона Рокфеллера.

Сохраняя структуру романа воспитания, Остер пародирует его классические образцы сюжетными эффектами (пожарами, катастрофами, угрозами тюремного заключения и т.д.), умножением количества наставников и стилистическими приемами, то в подражание Генри

Джеймсу разворачивая предложение на полторы страницы, то напоминая о традиционной для романа XIX в. фигуре рассказчика обращением к читателю: «Но как успел, наверное, заметить читатель, Фергусон не всегда действовал в своих интересах» (853). А благодаря навязчивой детализации в описании всех обстоятельств жизни героя, развернутым документальным описаниям социально-политических событий, роман воспитания под пером автора обнаруживает черты семейной хроники, социально-психологического, любовного, эротического романа, а также романа о художнике – портрета художника в юности.

Примечания

- ¹ Бодрийяр Ж. Соблазн. М., 2000. С. 121.
- ² Жаннет Ж. Фигуры : в 2 т. Т. 1. М., 1998. С. 381.
- ³ Auster P. The Art of Hunger : Essays, Prefaces, Interviews. Los Angeles, 1992. P. 264.
- ⁴ Auster P. 4321. N. Y., 2018. P. 455. В дальнейшем все цитаты приводятся в тексте по данному изданию с указанием страниц в скобках.

Образец для цитирования:

Бронич М. К. «4321» Пола Остера как роман воспитания: память жанра // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2020. Т. 20, вып. 2. С. 223–227. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-2-223-227>

Cite this article as:

Bronich M. K. Paul Auster's 4321 as a Bildungsroman: The Genre Memory. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2020, vol. 20, iss. 2, pp. 223–227 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-2-223-227>

ПРОБЛЕМЫ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

УДК 811.161.1'276.6:[61+37]

Contemporary Medical and Pedagogical Discourse

M. I. Barsukova, T. V. Rodionova, I. V. Sheshneva

Marina I. Barsukova, <https://orcid.org/0000-0001-5277-8090>, V. I. Razumovsky Saratov State Medical University, 112 Bolshaya Kazachia St., 410012 Russia, bars.mi@mail.ru

Tatiana V. Rodionova, <https://orcid.org/0000-0002-7431-2950>, V. I. Razumovsky Saratov State Medical University, 112 Bolshaya Kazachia St., 410012 Russia, rodionova.tvsar@yandex.ru

Irina V. Sheshneva, <https://orcid.org/0000-0002-6723-8238>, V. I. Razumovsky Saratov State Medical University, 112 Bolshaya Kazachia St., 410012 Russia, irina0806@mail.ru

The article aims to consider medical and pedagogical discourse as a special type of institutional discourse realized at higher medical educational establishments. The basic characteristics of medical and pedagogical discourse and the forms of its participants' interactions are analyzed.

Keywords: medical discourse, pedagogical discourse, basic characteristics of discourse, professional communication.

Современный медико-педагогический дискурс

М. И. Барсукова, Т. В. Родионова, И. В. Шешнева

Барсукова Марина Игоревна, кандидат филологических наук, доцент кафедры педагогики, образовательных технологий и профессиональной коммуникации, Саратовский государственный медицинский университет им. В. И. Разумовского, bars.mi@mail.ru

Родионова Татьяна Вячеславовна, старший преподаватель кафедры иностранных языков, Саратовский государственный медицинский университет им. В. И. Разумовского, rodionova.tvsar@yandex.ru

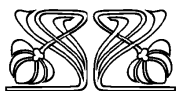
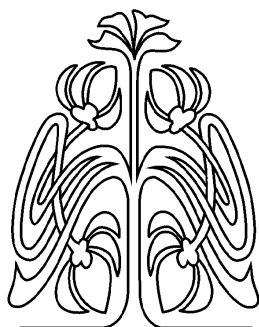
Шешнева Ирина Валериевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики, образовательных технологий и профессиональной коммуникации, Саратовский государственный медицинский университет им. В. И. Разумовского, irina0806@mail.ru

В статье рассматривается медико-педагогический дискурс как особый тип институционального дискурса, осуществляемого в высших медицинских образовательных заведениях, дается анализ его основных особенностей и форм взаимодействия участников коммуникативного процесса.

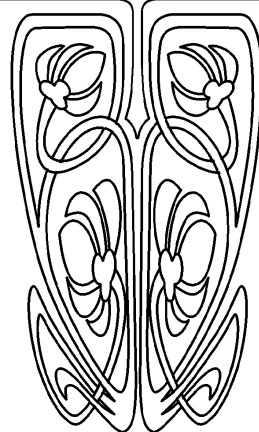
Ключевые слова: медицинский дискурс, педагогический дискурс, основные особенности дискурса, профессиональная коммуникация.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-2-228-233>

The polysemic term-notion “discourse” is widely used in humanitarian sciences and takes one of the central places in the system of most significant notions of modern linguistics. Since its appearance in West-European linguistics in 60s–70s of the 20th century, the notion “discourse” has been actively used from mid-70s when the development of speech pragmatics, interest to speech practices and subjective aspect of speech, general orientation to integration of humanitarian investigations became the basic scientific tendencies.

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Theoretical considerations

A number of scientists believe that the priority in application of “discourse” as a linguistic term belongs to E. Benveniste, others – to E. Buysens and Z. Harris, some scientists – to T. van Daele. E. Benveniste gave the notion “discourse” its terminological meaning having designated it as speech appropriated by the speaking person. He opposed discourse with objective narration. E. Buysens understood discourse as combinations by means of which realization the subject of speech uses the code of the language.

Being a polysemic notion, discourse has more than once been the matter of polemics and had contradictory interpretations. P. Seriot enumerates 8 ways of understanding among which there are interpretations given by E. Benveniste and E. Buysens:

- 1) an equivalent of the notion “speech” (according to F. Saussure), i.e. any concrete statement;
- 2) a unit which size exceeds a phrase;
- 3) the effect of the statement onto its recipient with regard to the situation of the statement;
- 4) a conversation as the basic type of statements;
- 5) speech from the speaking person’s position in contrast to narration which does not take such a position into consideration (according to E. Benveniste);
- 6) the use of linguistic units, their actualization in speech;
- 7) a socially or ideologically limited type of statements, e.g. feminist discourse;
- 8) a theoretical construct assigned for investigations of conditions of text production [1].

Speaking on the polysemicity of the term “discourse” T. M. Nikolaeva emphasizes five most significant meanings: 1) a coherent text; 2) an oral-colloquial form of the text; 3) a dialogue; 4) a group of statements which are connected with each other by sense; 5) a speech product as a real fact – written or oral [2].

The “Linguistic Encyclopedic Dictionary” (LED) gives the following definition of discourse: “Discourse (from French “discours” – speech) is a coherent text in combination with extralinguistic, pragmatic, sociocultural, psychological and other factors; a text taken in an eventual aspect; speech regarded as a purposeful social action, as a component participating in interactions of people and mechanisms of their consciousness (cognitive processes). Discourse is speech “submerged into life” [3, p. 136–137]. This definition, which to a great extent corresponds to interpretations of P. Seriot and ideas of T. van Daele, has been widely used in modernistics. The authors of the “Experimental Systemic Dictionary of Stylistic Terms” define discourse in a similar manner, as “a sequence of acts of speech which form a coherent text submerged into the extralinguistic context” [4, p. 69]. The main parameters of this definition recognized by most

scientists, for example, Yu. S. Stepanov, E. V. Paducheva, T. van Daele, V. I. Karasik, M. L. Makarov, V. V. Krasnykh, K. F. Sedov, and others are marked in the study of I. A. Ivanchuk [5, p. 72] and include:

- a socioactive character of discourse;
- the connection between linguistic and extralinguistic factors at its functioning;
- its cognitive nature;
- a variety of communicative manifestations.

Discussion

Investigators of discourse distinguish various types of discourses. Considering discourse as a type of status-fixed communication, they oppose person-oriented discourse to status-oriented discourse. “In the first case the intercourse takes place between participants-communicants who know each other well, disclose their internal world to each other; in the second case the intercourse comes down to a dialogue between representatives of this or that social group. It is an institutional communication, interaction of institutions’ representatives with each other, with people who realize their status-role possibilities within the framework of the developed social institutions” [6, p. 277]. Different types of institutional discourse are characterized by a specific proportion of correlations between components of personal and status-oriented communication [7]. For instance, pedagogical or medical discourses include more elements of personal communication than political or scientific discourses [8].

Types of institutional discourse may vary depending on changing social institutions [9]. Being historically changeable, they may fuse with each other or appear as varieties within this or that type. Rapid change of discursive genres, characteristic for present time, makes the boundaries between the varieties of institutional discourse highly conditional.

Our study is focused on consideration of medico-pedagogical discourse (which is distinguished among other discourses: scientific, pedagogical, teaching, upbringing, educational, linguodidactic, medical, religious, businesslike, juridical, political) as one of contemporary types of discourse which has characteristics of institutional discourse by its form, and those of person-oriented discourse by its content.

Training of medical specialists in contemporary conditions necessitates installation of innovation technologies aimed to optimize supervising and intellectual resources into the academic process [10]. This is the reason to center the interest on investigation of peculiarities of medico-pedagogical discourse.

Medico-pedagogical discourse represents a particularly specialized variety of communication which takes place in strict correspondence with the laws and accepted norms of the given institutional discourse.

Medico-pedagogical discourse refers to the mixed type of institutional discourse and implies the study of peculiarities of professional communicative interactions between students and teachers in the process of higher medical education.

In the general context of the contemporary situation in Russia, medicine occupies a special place. Its specificity manifests in unprecedented social claiming, in focusing on the development and installation of new technologies, improvement of the level of medical workers' training and provision of their professional mobility. Contemporary life realities dictate the necessity in a joint work of specialists of different branches of science.

The competence approach, which dominates in the Russian educational system, makes it possible to provide timely and proper coordination of professional activities, and contributes to gaining deep fundamental and special occupational knowledge, elevation of physicians' general cultural and communicative background based on the interaction of communicative, ethic and deontological norms of behavior. It is a good mastery of the language that permits young specialists to efficiently integrate into their professional activities, and that determines their civic positions and duties. Any professional risks may be skillfully eliminated thanks to the appropriate speech practice and communicative initiative of a physician.

During the last decades, the theory of medical discourse has been actively developing in the works of Russian linguists (V. I. Karasik, L. S. Beilinson, V. V. Zhura, L. M. Alekseeva, S. L. Mishlanova and others). Pedagogical discourse has also been actively studied by Russian researchers (V. I. Karasik, A. K. Mikhalskaya, N. V. Ezhova, Zh. V. Milovanova, etc.).

The authors of this article focus their attention on communicative, sociolinguistic and pragmatic characteristics of medico-pedagogical discourse of higher medical schools, which is specified by the purpose and situation of communication.

The urgency of the problem is associated with a number of reasons:

- investigation of the discourse is one of the most rapidly developing scientific directions of communicative linguistics;

- the study of medico-pedagogical discourse, which represents a combination of two mostly important institutional discourses – medical and pedagogical, is necessary for raising the level of communicative training of medical specialists, as well as for optimizing their professional activities [11, 12].

The theory of medico-pedagogical discourse develops the themes of a steady progress in medicine, which provide future doctors with scientific and practical knowledge of social-psychological, cultural-educational and communicative fundamentals of the contemporary society. In these circumstances professional communication becomes a compulsory constituent of the educational process in higher medical schools.

Medico-pedagogical discourse is a complex dynamic system which functions in educational space of higher medical schools in accordance with strictly established rules. This type of discourse fulfills the following functions:

- 1) consecutive translation of professional and scientific experiences accumulated in the educational process at the higher school;

- 2) purposeful transmission of historical-cultural traditions to the students.

Medico-pedagogical discourse is characterized by specific features: it is dynamic, social, integrative, personal, dialogous, contextual, intentional; it is oriented on the human values; it is mobile and its borders are open in regard to other institutional discourses.

By its organization, medico-pedagogical discourse is a heterogeneous formation possessing the qualities of both medical and pedagogical discourses. This type of discourse is characterized by specific genre diversity, certain representation of social roles of permanent participants, numerous communication techniques, and a well-developed apparatus of branch terminology [13].

Among conceptually significant theories concerning the content of the notion "discourse", the following approaches are emphasized:

- discourse as a text which is realized in certain conditions with regard to a complex of extralinguistic parameters;

- discourse as a communication process which is realized in various communicative practices;

- discourse as a type of speech communication;

- discourse as a form of conversational speech which maximally deviates from a grammatically and logically standard text.

Within the framework of educational process at higher medical and pharmaceutical establishments, medico-pedagogical discourse is understood as a special type of speech communication. Besides, this discourse appears to be a complex communication phenomenon which reflects the dynamics of the use of the language as the instrument of profile pedagogical and professional interactions [14].

Medico-pedagogical discourse performs certain functions, has its own structure and a complex of principally significant characteristic features. This type of institutional discourse is of a diffuse nature and represents a phenomenon which is connected with pedagogical activities and professional communication.

The basic purpose of medico-pedagogical discourse is training of highly qualified specialists in the sphere of health care, formation of all key competences contributing to full-fledged socialization of medical specialists in the society, their personal and career development [15].

During the educational process at higher schools, professor-teaching staff makes all necessary efforts so that each student could be able to gain and comprehend (successively, in the form acceptable for com-

prehension, in strict accordance with training programs for certain academic disciplines) the required knowledge, to determine his/her own intellectual potential and creative capacities which make it possible to practically realize his/her capabilities and obtain the skills of efficient communication [16].

The main participants of medico-pedagogical discourse are teaching personnel of higher educational establishments (academicians, professors, assistant professors, senior teachers, assistants) and various groups of trainees (students, interns, residents, post-graduates, audience of the courses of professional and advanced training). The places where medico-pedagogical discourse is realized at higher medical schools are lecture halls, rooms for practical and laboratory classes, computerized and training rooms, and clinical bases of the universities.

The content of medico-pedagogical discourse is reflected in pedagogical interactions between teachers and trainees during classes, consultations, scientific conferences, and students' pedagogical and occupational practice. Besides, medico-pedagogical discourse includes educational work with students carried out not only at the territory of the higher school but also in cultural-educational establishments of the city [17, 18].

Medico-pedagogical discourse is specified by organic combination of all types and means of interactions between participants of the pedagogical process (didactic, social-pedagogical, educational, intercultural, interpersonal, etc.), which contributes to professional formation and development of the future specialist's personality. In medico-pedagogical discourse the profile pedagogical interaction has various forms:

- 1) individual (between the teacher and the student);
- 2) social-psychological (between the teacher and the group or a number of groups of students, the stream, the course or the entire faculty);
- 3) integral (educational work carried out by teachers of the university, tutors of students' groups, students themselves within the framework of measures carried out not only by the medical university but also by other educational and cultural-educational centers of the city and region).

The central place in the academic-pedagogical process is occupied by the pedagogy of cooperation which permits to master spiritual and intellectual demands of all participants of communication. This type of interaction contributes not only to the development and formation of students' personality but also to the continuous professional upgrading of teachers as well as to their creative activities.

The abilities to interact with various social micro- and macro-groups of people, to produce influence on the audience and to eliminate communicative risks directly depend on the skills of the teacher to successfully use communication technologies.

The language serves a universal means of communication. An experienced teacher possessing

speech and rhetorical skills freely and fluently is capable not just to transmit knowledge but also to form communicative competence in students. Various disciplines and profile directions of education in the higher medical school necessitate teachers to apply a specific set of communicative techniques. The key communicative varieties of medico-pedagogical discourse are narration, explanation, discussion with giving examples, arguments, evidences, critical comments.

In accordance with the National Educational Standards, teachers of higher schools must systematically carry out linguistic training of graduates of medical universities, the lack of which makes it impossible for future medical workers to perform their professional activities. At V. I. Razumovsky Saratov State Medical University this task is fulfilled by the Department of Pedagogy, educational technologies and professional communication of the Institute of Supplemental Professional Education.

Communicative approach implies investigation of medico-pedagogical discourse as a unified text realized in the educational space of the higher medical school [19, 20]. It is characteristic for this type of discourse to be individually and personally oriented.

Special attention should be paid to realization of means of maintaining the contact in conditions of medico-pedagogical discourse.

Creation of a favorable atmosphere of pedagogical communication may be achieved by appropriate use of speech etiquette units. Traditional forms to start the conversation, mutual greetings, sincere willingness to communicate can really set the necessary and desirable tone of the further on conversation. The ability of the teacher to find an appropriate form of contact-establishing means, his manner to communicate with students and to raise their interest to the academic theme to be discussed is the index of the teacher's speech mastery.

The question-answer form of communication makes it possible to maintain students' attention. Humor and play on words not only make it easier to converse decreasing the emotional tension, but also perform the function of the contact establishment and maintenance.

The contact may also be maintained with the help of paralinguistic characteristics of the text produced. Changes in the teacher's voice volume, timbre and speed also make it possible to maintain or return attention of the audience.

Non-verbal means, such as mimics and gestures, also fulfill the function of the contact maintenance and are effective in various situations of pedagogical communication. These means prove to be especially efficient in case of addressing to the "deaf" students.

The most significant part of the lesson is presentation of the new material. This presentation or explanation takes place in the form of a dialogue. In order to provide productive students' activities, the teacher should make them acquainted with the

type of the lesson, determine the aims and tasks of the lesson and choose the method of explanation appropriate to the peculiarities of the theme to be presented.

It is well known that listening to lectures is a complex psychological process. Even if the students' task is just to put down a summary of the lecture, they must understand the teacher's words, emphasize the main issues and evaluate their significance, formulate in short their own thoughts and write them down – that is, the students have to re-structure and re-construct the text comprehended by hearing. At the same time, they have to listen to and comprehend further teacher's narration. Unfortunately, students are not capable to fulfill this complex task. That is why it is useful for the teacher to attract students' attention to the key moments of the lecture material. Best of all it may be done through the dialogue.

The dialogous form of medico-pedagogical discourse may be successfully realized by the following basic means:

1) presentation of the academic material with maximal application of visual aids in order to avoid divergence between theory and practice;

2) supplementation of the lesson material with the teacher's own comments based on his practical experiences;

3) use of various types of dialogous communication, including question-answer forms of narration;

4) alteration of forms of educational activities;

5) attraction of inter-disciplinary links;

6) giving the students the opportunity to express their own points of view, and to prove or reject these viewpoints in the process of discussion.

Conclusion

Thus, medico-pedagogical discourse appears to be an objective-purposeful activity in which the content of each form of communication (lectures, practical classes, seminars, consultations, laboratory works, etc.) depends on the basic communicative intention of the speaker as well as on the expected result.

Comprehensive investigation of medico-pedagogical discourse and a wide-scale complex of communication practices will make a significant contribution to formation of competent and competitive specialists of the international level in the sphere of health protection.

References

- 1 Seriot P. How texts in France are read. In: *P. Serio (ed.). Kvadratura smysla: Frantsuzskaia shkola analiza diskursa* [Quadrature of meaning: French school of discourse analysis. Trans. from French and Portuguese]. Moscow, Progress Publ., 1999, pp. 14–53 (in Russian).
- 2 Nikolaeva T. Linguistics of the text. Contemporary situation and perspectives. *T. Nikolaeva (ed.). Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Vyp. 8. Lingvistika teksta* [New trends in foreign linguistics. Iss. 8. Linguistics of the text]. Moscow, Progress Publ., 1978, pp. 5–39 (in Russian).
- 3 Yartseva V. (ed.). *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Sovetskaya entsyclopediya Publ., 1990. 688 p. (in Russian).
- 4 Nikitina S., Vasilieva N. *Eksperimental'nyi sistemnyi tolkovyi slovar' stilisticheskikh terminov* [Experimental systemic defining dictionary of stylistic terms]. Moscow, Institut lingvistiki RAN Publ., 1996. 172 p. (in Russian).
- 5 Ivanchuk I. *Ritoricheskiy komponent v publichnom diskurse nositelei elitarnoi rechevoi kultury* [The rhetorical component in public discourse of elite speech culture carriers]. St. Petersburg, SZAGS; Saratov, Nauchnaia kniga Publ., 2005. 432 p. (in Russian).
- 6 Karasik V. *Yazyk sotsial'nogo statusa* [The language of the social status]. Moscow, ITDGK "Gnozis", 2002. 334 p. (in Russian).
- 7 Kloktunova N., Barsukova M., Rempel E., Maltsagov H., Kuzmin A. Basic communicative characteristics of the modern medico-pedagogical discourse. *Higher Education Today*, 2018, no. 6, pp. 29–32 (in Russian). DOI: 10.25586/RNU.HET.18.05.P.29
- 8 Beilinson L. Medical discourse. In: *V. I. Karasik, G. G. Slyshkin (eds.). Yazykovaia lichnost': institutsional'nyi i personal'nyi diskurs* [Language personality: institutional and personal discourse]. Volgograd, Peremena Publ., 2000, pp. 103–117 (in Russian).
- 9 Rodionova T. The structural character of professionally oriented linguistic knowledge. In: *Yazyk, tekst i kultura: problemy lingvistiki i izucheniya russkogo yazyka kak inostrannogo* [Language, text and culture: problems of linguistics and study of Russian as a foreign language]. Maikop, EIIT Publ., 2017, pp. 60–61 (in Russian).
- 10 Privalova I., Rodionova T. The active-professional constituent of linguistic consciousness of medical workers. In: *Deiatel'nostnyi um: ot gumanitarnoi metodologii k gumanitarnym praktikam* [Active intelligence: from the humanitarian methodology to humanitarian practices]. Moscow, Kantsler Publ., 2016. Pt. 1, pp. 113–114 (in Russian).
- 11 Rodionova T., Opredelenova O., Vinogradova E. On the problem of development of communicative competence in students of a non-linguistic higher school. In: *Yu. Golub (ed.). Obrazovanie v sovremennom mire* [Education in the contemporary world]. Saratov, Izd-vo Saratovskogo universiteta, 2013, pp. 98–100 (in Russian).
- 12 Barsukova M. Communicative competence of a physician as a factor of preventing risks in conversations with the patient. *Problemy rechevoi kommunikatsii* [Problems of speech communication]. Saratov, Izd-vo Saratovskogo universiteta, 2014, iss.14, pp. 124–133 (in Russian).
- 13 Sheshneva I., Rodionova T. Formation and development of speech competence in future specialists of medical profile. In: *Integratsiya nauki i obrazovaniya* [Integration of science and education]. Ufa, Omega Science, 2014, pp. 72–75 (in Russian).
- 14 Kochetkova T., Barsukova M., Rempel E., Ramazanova A. Medical discourse: specificity of professional communication of a physician. *Mir nauki, kultury, obrazovaniya*

- [The world of science, culture, education], 2018, no. 3 (70), pp. 466–467 (in Russian).
- ¹⁵ Rodionova T., Privalova I. On some principles of organization of oral scientific speech of medical workers. In: *Russkaia ustnaia rech: Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem* [Russian oral speech. Materials of All-Russian sci. conf. with int. participation]. Saratov, Amirit Publ., 2016, iss.2, pp. 89–94 (in Russian).
- ¹⁶ Privalova I., Rodionova T. Field structure of professional linguistic consciousness. *Russian linguistic bulletin*, 2017, no. 2 (10), pp. 59–61. DOI: <https://dx.doi.org/10.18454/RULB.10.06>
- ¹⁷ Veretelnikova Yu., Rodionova T., Mukhina M. Culturological paradigm in the context of contemporary professional education. In: *Integratsiya nauki i obrazovaniya* [Integration of science and education]. Ufa, Omega Science, 2014, pp. 92–95 (in Russian).
- ¹⁸ Sergeev A., Vysotskaja E. On the problem of working at the quality of teaching of the discipline “Professional communication” to students of a higher school (on the basis of questioning pediatric students of SSMU). *Pedagogicheskoe vzaimodeistvie: vozmozhnosti i perspektivy: materialy I nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem* [Pedagogical interaction: opportunities and perspectives. Materials of the I sci. and pract. conf. with int. participation]. Saratov, Izd-vo Saratovskogo gosudarstvennogo meditsinskogo universiteta, 2019, pp. 268–274 (in Russian).
- ¹⁹ Kloktunova N., Sheshneva I., Rodionova T., Yurova I. Professional burnout: from the history of the problem to modern comprehension. *Modern European Researches, Salzburg*, 2019, no. 3, pp. 18–21.
- ²⁰ Barsukova M., Kudasheva Z., Mandrov D. Professional burnout as a factor of development of risks in medico-pedagogical discourse. *Za kachestvennoe obrazovanie: materialy IV Vserossiiskogo foruma (s mezhdunarodnym uchastiem)* [Towards qualitative education. Materials of the IV All-Russian forum (with int. participation). Saratov, Izd-vo Saratovskogo gosudarstvennogo meditsinskogo universiteta, 2019, pp. 70–74 (in Russian).

Образец для цитирования:

Barsukova M. I., Rodionova T. V., Sheshneva I. V. Contemporary Medical and Pedagogical Discourse [Барсукова М. И., Родионова Т. В., Шешнева И. В. Современный медико-педагогический дискурс] // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2020. Т. 20, вып. 2. С. 228–233. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-2-228-233>

Cite this article as:

Barsukova M. I., Rodionova T. V., Sheshneva I. V. Contemporary Medical and Pedagogical Discourse. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2020, vol. 20, iss. 2, pp. 228–233. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-2-228-233>

ПРЕДСТАВЛЯЕМ КНИГУ

УДК 811.161.1*243(049.32)

О русской душе для польских студентов

(Zoja Kuca. Podręcznik do nauki języka rosyjskiego na poziomie B2/C1: Dyskusja, Łódź : Profamilia, 2018. 160 s.)

Ю. О. Бронникова, Н. А. Шабанова

Бронникова Юлия Олеговна, кандидат филологических наук, доцент кафедры начального языкового и литературного образования, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, ybronnik@mail.ru

Шабанова Наталия Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры начального языкового и литературного образования, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, nashabanova@yandex.ru

Рецензируемая книга представляет собой учебное пособие по русскому языку для иностранцев, изданное в Польше. Автор включает в него современные текстовые материалы, предлагаемые для дискуссии и раскрывающие иностранным студентам особенности жизни и мироощущения русского человека, а также разноплановые коммуникативные задания. Пособие ориентировано на уровни B2–C1.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, изучение русского языка, дискуссия на русском языке, русская языковая культура.

On the Russian Soul to Polish Students

(Zoja Kuca. A Textbook for Studying Russian for B2/C1 Levels. Lodz, Profamilia, 2018. 160 p.)

Yu. O. Bronnikova, N. A. Shabanova

Yulia O. Bronnikova, <https://orcid.org/0000-0001-7913-3970>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, ybronnik@mail.ru

Natalia A. Shabanova, <https://orcid.org/0000-0001-6281-1114>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, nashabanova@yandex.ru

The book under review features a text book on the Russian language for foreign students, published in Poland. The author has included modern texts for discussion; they reveal special characteristics of Russian life and world-view to the foreign students, as well as diverse communicative tasks. The text book is designed for B2-C1 levels.

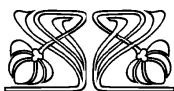
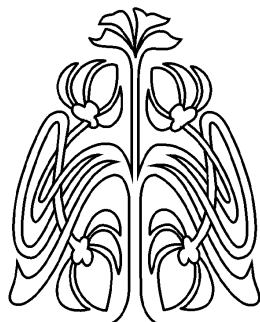
Keywords: Russian as a foreign language, learning the Russian language, discussion in Russian, Russian language culture.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-2-234-237>

В последнее время много говорится о падении интереса в мире к русскому языку и русской языковой культуре. Однако представляемое пособие Зой Куцей прямо опровергает данное утверждение. Оно открывает польским студентам окно в мир современного русского человека и приглашает поразмышлять о жизни на русском языке.

Зоя Куца, сотрудник Лодзинского университета (Польша), обучает студентов русскому языку уже около 15 лет. Ею создано несколько учебных пособий, в том числе «Русский язык в бизнесе», ставшее одним из первых учебников по русскому языку, написанных непосредственно для поляков. Автор ориентируется на студентов разных уровней: от B1 до C1, поскольку работает в данном направлении также в магистратуре Лодзинского университета. По словам Зой Куцей, свою

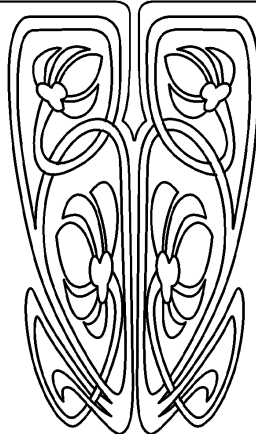
© Бронникова Ю. О., Шабанова Н. А., 2020

КРИТИКА

и

БИБЛИОГРАФИЯ

основную задачу она видит в том, чтобы ее студенты искренне полюбили русский язык и через него – русскую культуру. Именно поэтому она старается тщательно отбирать материалы для своих пособий и варьировать методы обучения.

«Дискуссия» Зои Куцей – это современное учебное пособие для изучения русского языка как иностранного на продвинутом уровне. Оно предназначено для лингвистов, студентов-филологов, магистрантов, а также для всех, кто хочет расширить свой словарный запас и приобрести новые знания в области русского языка. Можно сказать, что это яркий представитель учебных пособий по русскому языку как иностранному (РКИ) нового образца, сочетающих прекрасное оформление с интересным и увлекательным контентом. Оно встает в один ряд с такими пособиями русских авторов, как учебник М. Н. Маковой и О. А. Усковой «В мире людей»¹ или «Время обсуждать» Е. В. Косаревой и А. В. Хрунковой².

В пособии отражен коммуникативный подход к преподаванию РКИ, основная цель которого – формирование основ коммуникативной компетенции обучающихся во всех видах речевой деятельности. Грамматические задания имеют, скорее, прикладной характер. Главная задача автора – не повторение студентами грамматики, а их переход на новый уровень владения русским языком, формирование у них способности свободно выражать свои мысли по актуальным проблемам современности.

Пособие построено по тематическому принципу и состоит из пяти тематических модулей: «В здоровом теле здоровый дух», «В поисках совершенного тела», «Проблемы социума – причины и последствия», «В финансовой петле» и «Спрос и предложение». Интересна сама подборка этих тем: они связаны со здоровьем, экономическими и социальными проблемами, интересующими современную молодежь. По словам самого автора, темы отбирались на основе опроса, проведенного среди студентов университета Лодзи. Отсутствие политической тематики (обычно вызывающей наибольшие споры в молодежной среде), с нашей точки зрения, вполне правомерно, поскольку политические отношения и процессы наиболее неустойчивы в нашем быстро меняющемся мире; кроме того, обсуждение политических вопросов на занятиях может вызвать открытую конфронтацию сторонников разных политических взглядов, что для учебного заведения нежелательно.

Каждый модуль разделен на три главы. Главы построены так, чтобы вовлечь обучающихся в дискуссию: начинаются с рубрики «Давайте побеседуем», содержащей вопросы для обсуждения, включают тематические «Дискуссионные площадки» («Высокий уровень информированности о ВИЧ» (с. 24), «Бодибилдинг – это здоровое будущее» (с. 56), «Рождество – предпраздничный ажиотаж» (с. 123)), имеют в своем составе

упражнения на выражение определенной точки зрения по поводу предложенных тезисов, высказываний, фрагментов текстов, иллюстративного материала. Задания продуманы таким образом, чтобы напоминали реальные ситуации, позволяющие использовать соответствующие языковые средства. В конце модуля даются контрольные задания для проверки полученных знаний.

К каждому модулю прилагаются аудиотексты, выложенные в свободном доступе на сайте пособия (www.diskussia.pl). Тексты начитаны носителем русского языка, с хорошим интонированием и в темпе, соответствующем общему предполагаемому уровню владения русским языком со стороны обучающихся.

Задания на аудирование положительно сказываются на формировании речевых навыков, поскольку студенту предлагается не только извлечь необходимую информацию из прослушанных текстов, но и осмыслить представляемые в них ситуации в более широком коммуникативном контексте. Сложность аудиотекстов свидетельствует о высоком уровне владения русским языком польскими студентами, соответствующем скорее С1, чем В2. Примером может служить задание 10 на с. 11: «Прослушайте текст “Болезни молодежи”, затем ответьте на поставленные вопросы». Приведем фрагмент текста и часть вопросов к нему.

Булимия... относится к нервно-психическим расстройствам, которые характеризует следующая симптоматика: неконтролируемое потребление пищи, сосредоточенность больного на еде, калориях и на своем весе, а также в меняющемся внешнем виде <...>

<...> булимия очень часто является следствием определенных расстройств центральной нервной системы. Иногда она может быть вызвана эпилепсией, гипофизарным нарушением слуха, а также черепно-мозговой травмой <...>

<...> При нервной булимии терапия заключается в коррекции психологических расстройств... Как правило, больным, страдающим депрессией, прописываются разные седативные препараты, а больным, у которых развились осложнения в виде обменных нарушений и пищеварительных расстройств, прописываются специальные диеты.

Вопросы: <...> 6. Назовите основные симптомы булимии. 7. Чем может быть вызвана булимия?

Как видим, предполагается, что обучающиеся знакомы с научным стилем русского литературного языка и медицинской терминологией, владеют пассивными конструкциями, знают краткие и полные причастия и причастные обороты. Поскольку такие «книжные» тексты тяжело воспринимаются на слух, все аудиоматериалы имеют в учебном пособии текстовую основу, что обеспечивает студентам лучшее понимание текста.

Следует отметить, что используемые в пособии дискурсы для обсуждения разнообразны по типу, тематике, функционально-стилевой принадлежности. Здесь мы находим тексты:

– официально-делового стиля:

Неоказание помощи больному без уважительных причин лицом, обязанным ее оказывать в соответствии с законом или со специальным правилом, если это повлекло по неосторожности причинение средней тяжести вреда здоровью больного, – наказывается штрафом в размере до сорока тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех месяцев, либо обязательными работами на срок до трехсот шестидесяти часов, либо исправительными работами на срок до одного года, либо арестом на срок до четырех месяцев (с. 28, задание 7);

– публицистического стиля:

Безработица, алкоголизм, наркомания, проблема эмиграции и беженства, демографический кризис в Европе, глобальный энергетический кризис, бессмысленные войны и террористические акты, агрессия и насилие – у истоков всех этих проблем стоит человек, а точнее, его эгоизм (с. 64, задание 6);

*Косметический салон «Веселые скальпели»
100% гарантия качества*

Самые высококвалифицированные специалисты в стране

Удовлетворение даже самых требовательных клиентов

Обезболивание общее и местное

Инвазивные процедуры (с. 46, задание 2);

– научного стиля:

Объективная экономическая теория представляет закон спроса и предложения как фактор зависимости объемов товаров на рынке от их цен. Согласно этой теории величина спроса и предложения на этот товар зависит от его ценовых показателей: чем меньше цена, тем выше спрос, и чем выше цена, тем больше предложений (с. 120, задание 3).

Отметим, что приведенные тексты, скорее всего, были взяты автором из настоящих российских деловых документов, научных и публицистических статей и помещены в пособие без какой бы то ни было языковой адаптации. Они изобилуют социальной, политической, научной терминологией, книжными синтаксическими конструкциями и рассчитаны на действительно высокий уровень владения русским языком.

Выполнение некоторых предлагаемых заданий также возможно только при наличии хорошей языковой подготовленности студентов: они задействуют разные стилистические пласты русской лексики, требуют быстрого переключения сознания с одной манеры речи на другую. Приведем для примера несколько заданий.

А) *Объясните нижеприведенные понятия следующим лицам: ребенку, инопланетянину, по-*

жилому человеку, ретрограду, Петру I, 90-летнему дедушке.

Мобильный телефон, компьютерные хакеры, интернет, <...> смайлик, ВКонтакте, онлайн-покупки, геймеры, виртуальный мир, стрелялки, планшет, жесткий диск (с. 76, задание 13).

Б) *Выскажите об эмиграции от имени президента страны, высокообразованного специалиста в области медицины, выпускника вуза, студента первого курса, эмигранта первой волны, представителя старшего поколения, представителя националистического движения, безработного (с. 81, задание 13).*

В) *Ознакомьтесь с анкетой-заявкой на выдачу кредита. Сыграйте роли в банке: банковский работник – клиент банка. Тема разговора: условия получения кредита (с. 114–115, задание 19).*

Как видим, пособие Зои Куцей не только рассчитано на обсуждение предлагаемых текстов, но и включает интересные коммуникативные упражнения, связанные с разными речевыми ситуациями. Студенты на практике осознают сложности русской книжной речи, учатся продуцировать собственные высказывания, соответствующие тому или иному дискурсу, овладевают богатством стилистически маркированной разговорной лексики.

Разнообразные упражнения и тщательно отобранный текстовый материал пособия Зои Куцей, несомненно, способствуют совершенствованию коммуникативной компетенции и повышению интереса к изучению русского языка. Однако этим достоинства пособия не ограничиваются.

В учебном пособии «Дискуссия» иностранные студенты знакомятся также и с некоторыми особенностями русской культуры, истории России, образа жизни современных россиян (с. 80, задания 7–9; с. 54, задание 2). Предлагаемые автором упражнения затрагивают вопросы русского этикета, представляют идиоматику современного русского языка, соответствующую заявленной теме. Таким образом формируется социокультурная компетенция обучающихся, которая включает не только знание фактов из жизни страны изучаемого языка, но и информацию о повседневной культуре поведения людей. В результате развития этой компетенции происходит приближение к культуре страны изучаемого языка и более глубокое понимание своей. Пособие Зои Куцей помогает студенту-иностранцу лучше понять современного русского человека, взглянуть на мир его глазами, осознать его сходство с самим собой и его принципиальные отличия и – через это сравнение и во многом благодаря ему – лучше понять культуру своей страны.

Особо хотелось бы отметить высокий уровень визуального оформления пособия «Дис-

куссия». Все тексты сопровождаются яркими иллюстрациями, отдельные задания выделены цветовыми блоками пастельных тонов. Красочное оформление пособия, несомненно, вызывает приятные ассоциации у обучающихся и с самим изучаемым предметом.

Некоторые замечания вызывает только излишняя вариативность структуры тематических модулей. Думается, что большее единообразие учебно-методического контента в них способствовало бы лучшему усвоению предлагаемого материала. В частности, в некоторых модулях грамматический материал представлен (повторяются темы образования причастий, вида глаголов и проч.), в других же практически отсутствует; в одних модулях есть задания, связанные с освоением книжной лексики и фразеологии русского языка, в других нет. Кроме того, знакомство со сложными текстами, такими, какие представлены, в частности, в первом модуле «В здоровом теле здоровый дух», с нашей точки зрения, целесообразно начинать с предварительной лексической работы. Присутствуют в пособии и небольшие речевые неточности. Так, например, идиоматическое выражение «терять счет» полу-

чает толкование «из-за большого количества немочь сосчитать» (с. 112) (глагол «мочь» в инфинитиве в русском литературном языке в отрицании не используется).

Тем не менее, все эти замечания имеют частный характер.

В целом учебное пособие Зои Куцей, несомненно, заслуживает не только внимания специалистов по РКИ, но и их высокой оценки. Материалы пособия могут быть использованы как на занятиях с иностранцами ближнего и дальнего зарубежья, желающими усовершенствовать свое владение русским языком, так и в курсе культуры речи с русскими студентами.

Примечания

- ¹ См.: *Макова М., Ускова О.* В мире людей. Вып. 1. Письмо. Говорение : Учебное пособие по подготовке к экзамену по русскому языку для граждан зарубежных стран (ТРКИ-2 – ТРКИ-3). СПб., 2013.
- ² См.: *Косарева Е., Хруненкова А.* Время обсуждать : учеб. пособие по речевой практике для иностранных учащихся. М., 2018.

Образец для цитирования:

Бронникова Ю. О., Шабанова Н. А. О русской душе для польских студентов // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2020. Т. 20, вып. 2. С. 234–237. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-2-234-237>

Cite this article as:

Bronnikova Yu. O., Shabanova N. A. On the Russian Soul to Polish Students. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2020, vol. 20, iss. 2, pp. 234–237 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-2-234-237>

ХРОНИКА

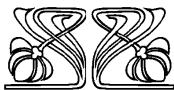
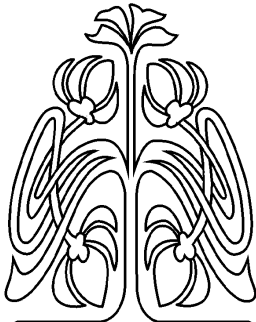
VII Международный научный семинар «Развитие словообразовательной и лексической системы русского языка»

Одним из научных мероприятий, посвященных 110-летию Саратовского государственного университета, стал VII Международный научный семинар «Развитие словообразовательной и лексической системы русского языка», который проходил в СГУ 1 ноября 2019 г. Семинар был организован совместными усилиями преподавателей кафедры русской филологии и медиаобразования и кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики. Руководили его работой заведующие кафедрами-организаторами О. И. Дмитриева и О. Ю. Крючкова.

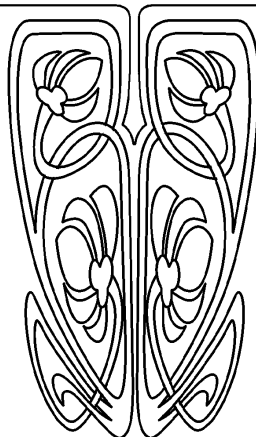
Проблемы языковой динамики, вопросы развития лексической и словообразовательной системы русского языка находятся в центре внимания участников семинара уже второе десятилетие. Так, третий семинар, имевший тогда статус республиканского, проходил в 2009 г. и был посвящен 100-летию Саратовского университета. Постоянными участниками научного сообщества являются лингвисты Казани, Волгограда, Нижнего Новгорода, Самары, Санкт-Петербурга, Красноярска, Ростова-на-Дону. В работе семинара участвуют дериватологи из Минского лингвистического университета, а теперь и Донецкого государственного университета.

Всего в программу семинара было включено 35 докладов. Традиционно в центре внимания участников остаются вопросы синхронно-диахронного изучения семантико-словообразовательных подсистем русского языка, концептуального исследования деривационных и семантических связей в языке. Последний семинар отчетливо обозначил как одну из ключевых проблем динамики лексико-словообразовательной неологизации языка.

Эта проблема в разных ее аспектах рассматривалась в докладах саратовских лингвистов О. И. Дмитриевой «Неологизация русской глагольной лексики: динамический аспект», А. П. Романенко «Аббревиация в русском языке XX–XXI веков в лингвокультурном аспекте», З. С. Санджи-Гаряевой «Неологизмы советского времени как источник художественного словотворчества». Опыт соотнесения системно-языкового и индивидуально-авторского в изучении лексической неологизации продемонстрировал доклад В. Н. Калиновской и С. А. Эзериня (Санкт-Петербург) «Системное и индивидуально-авторское в лексической неологии XIX века (на материале композитов с компонентом *огне-/огненно-*)», представленный как стендовый. В русле проблем когнитивистики находится исследование новообразований, предложенное Т. Н. Александровой (Саратов) в докладе «Опыт моделирования содержания новейших заимствований в современном русскоязычном медиадискурсе». Доклад магистранта СГУ Д. Г. Орловой позволил оценить специфику неологизации глагольной суффиксальной лексики в русском языке XVIII в. В докладе А. А. Безруковой (Самара) была показана продуктивность имен собственных в качестве словопроизводственной базы новообразований в 90-е гг. XX в. Выступления нижегородских коллег были посвящены исследованию новообразований в СМИ. Л. В. Рацибурская и Е. А. Жданова продемонстрировали особенности новообразований с размерно-оценочной семантикой в современных медийных текстах. Н. А. Самыличева показала основные социокультурные функции новообразований в современном медийном тексте, В. А. Куликова – специфику имплицитной

ПРИЛОЖЕНИЯ

и эксплицитной оценочности новообразований в заголовках интернет-медиа (оба доклада – стендовые).

Актуальные теоретические проблемы дериватологии были обозначены в сообщениях саратовских языковедов О. Ю. Крючковой и Л. В. Балашовой. В своем совместном с Н. В. Крючковой (Владивосток) докладе «Деривационные связи как компонент языкового сознания говорящих» О. Ю. Крючкова затронула вопрос использования данных ассоциативных словарей как материала, позволяющего выявить специфику формирования деривационных связей в языке. В качестве языкового материала были использованы данные «Ассоциативного словаря школьников» В. Е. Гольдина и А. П. Сдобновой, исследовательский потенциал которого трудно переоценить. Все присутствовавшие на научной встрече почтили память замечательного ученого Валентина Евсеевича Гольдина, который стоял у истоков словообразовательного семинара и всегда принимал в нем самое активное участие. Л. В. Балашова в докладе «Концептуальные модели метафоризации как деривационные процессы: словообразовательно-грамматический аспект» показала с позиций когнитивного анализа, что именно деривационные процессы играют особую роль в сложении и исторической динамике всей исследуемой метафорической подсистемы, подтверждая взгляд на словообразование как на неотъемлемую часть развития лексико-семантической системы языка в целом.

Проблема соотношения словообразования и словоизменения в языке была поднята Ю. Г. Кадькаловым (Саратов) и А. Л. Шарандиным (Тамбов), которые говорили о разных научных подходах к оценке словообразовательных и словоизменительных связей, о роли синтаксической деривации в определении их соотношения.

Традиционно в поле внимания участников семинара остается изучение макроединиц словообразовательной системы языка. В ряде выступлений были затронуты вопросы исследования словообразовательных гнезд. Синхронно-диахронному анализу гнезд были посвящены доклады В. А. Косовой (Казань) «О специфике словообразовательных гнезд русских действительных глаголов» и О. И. Янковского (Саратов) «Семантическая и структурная динамика словообразовательных гнезд русских глаголов перемещения». Л. А. Бушуева (Нижний Новгород) продемонстрировала результаты когнитивного исследования словообразовательного гнезда как одного из способов репрезентации знаний о поступках. Вопрос многоаспектного изучения другой макроединицы – словообразовательной категории – был обозначен в докладе Т. В. Веселковой (Саратов) «Многоаспектная методика изучения словообразовательной категории имен существительных со значением помещения и вместилищ».

Особенности формирования и функционирования разных словообразовательных моделей показаны в докладах Н. И. Данилиной (Саратов) «Лексическое наследие в русской морфемике: прилагательные на *-альный*» и В. И. Теркулова (Донецк) «Модели использования сложносокращенного слова и его эквивалентов в тексте: к типологии синхронной аббревиатурной эквивалентности». Последнее сообщение было представлено в формате видео-доклада и активно обсуждалось участниками секционного заседания.

Интересным направлением в работе семинара становится исследование деривационных связей, отношений, моделей не только в литературном языке, но и других социально-функциональных подсистемах. М. А. Ярмашевич (Саратов) выступила с докладом «Аббревиатурные жаргонизмы и сленгизмы как показатели социально-коммуникативного статуса». Е. Г. Лукашанец (Минск) в своем стендовом докладе «Русское социолектное словообразование: традиционные приемы и новые тенденции» показала, что социолекты служат своеобразной «творческой мастерской языка» для выработки новых приемов, механизмов, способов словопроизводства, что именно в социолектах наиболее ярко проявляются тенденции, характерные для новой стадии развития национального языка.

Вопросы, касающиеся развития и функционирования лексической системы русского языка, поднимались в докладах Н. М. Орловой (Саратов) «“Не пей вина и сикера”: из истории библейской лексики и фразеологии», Т. И. Мурзаевой (Саратов) «Диалектизмы в романе З. Прилепина “Санькя”», В. В. Шинкаренко (Саратов) «Особенности развития лексической системы русского языка (на материале списков рукописного источника XVI в. “Златоструй” из фонда ЗНБ СГУ)», Е. Г. Дмитриевой (Волгоград) «Функции эмотивной лексики в жизнеописаниях отечественных подвижников благочестия» (стендовый доклад), И. А. Сафоновой (Волгоград) «Отражение представлений о святости в семантике перцептивных лексем» (стендовое представление). Доклад постоянного участника семинара Е. М. Шептухиной (Волгоград) «Лексические единицы как маркеры видов документов XVIII века» был основан на материале региональных документальных источников, как и представленные в стендовом формате доклады О. В. Трофимовой (Тюмень) «Отглагольные существительные – наименования преступлений в “Алфавите о поселенцах мушинах на 1839 г.” из Тобольского архива» и О. А. Горбань (Волгоград) «Документы Войска Донского сер. XVIII в. как источник исторической лексикологии русского языка».

Опыт работы научного семинара «Развитие словообразовательной и лексической системы русского языка», вступившего во второе десятилетие, позволяет сделать некоторые обобщения и наметить дальнейшие перспективы.

Дериватологию на современном этапе развития русистики часто воспринимают как находящуюся в кризисе. Результаты совместного научного поиска участников семинара, с 2010 г. ставшего международным, доказывают, что эта область лингвистики находится не в кризисе, а в поиске новых путей развития, связанных, прежде всего, с осмыслением движущих сил словообразовательных процессов, с исследованием механизма словообразовательных отношений, с выявлением словообразовательного потенциала языковой системы, обнаружением связи явлений словообразования с формированием языковой картины мира.

Период построения теоретического фундамента словообразовательной науки, накопления и описания отдельных фактов сменился периодом их систематизации, обобщения и объяснения. Значительную теоретико-систематизирующую роль в определении направления деятельности семинара, в осмыслении его фундаментальных позиций играли работы Э. П. Кадькаловой. VI Международный научный семинар «Развитие лексической и словообразовательной системы русского языка» (Саратов, СГУ, октябрь 2016 г.) был посвящен памяти этого яркого, глубокого и увлеченного исследователя. Опубликованная уже после ее ухода из жизни книга «Выход в теорию словообразования: к соотношению понятий словообразовательная производность и словообразовательная мотивированность» (Саратов, 2015), подготовленная к изданию Ю. Г. Кадькаловым, дает целостное представление о глубине и концептуальности исследований ученого в области русской дериватологии. Многие перспективные и основополагающие идеи были высказаны Э. П. Кадькаловой в разные годы в трудах научного семинара.

Э. П. Кадькаловой как ученому было свойственно не просто детально проанализировать явление, но и попытаться найти объяснение этому явлению в ряду других явлений. Системный и глубокий взгляд на объект изучения, экспланаторность, т. е. объяснительность подхода к его исследованию, – основополагающие черты ее научной методологии. Важная для ученого мысль о том, что процесс образования новых слов разворачивается во времени, что словообразование в своей сущности исторично, что реальное словопроизводство всегда диахронно, является ключевой для участников семинара. В настоящее время стало очевидным, что возможность выявления общих закономерностей организации словообразовательной системы, сочетаемости морфем, исследования механизма словообразовательных процессов может быть реализована в полной мере только при условии использования данных исторического словообразования, при динамическом подходе к изучению словообразовательных явлений.

Динамическое изучение словообразовательных подсистем и словообразовательных

процессов стало приоритетным направлением работы нашего научного семинара. В его материалах разных лет представлены результаты динамического, преимущественно синхронно-диахронического исследования различных семантико-словообразовательных подсистем: глагольных (С. П. Лопушанская, О. И. Дмитриева, О. А. Горбань, Е. Г. Дмитриева, Е. М. Шептухина), именных (О. Ю. Крючкова), словообразовательных гнезд (Л. В. Балашова, А. А. Безрукова, Е. А. Жданова, А. М. Савкатова, О. И. Янковский, Н. И. Данилина), словообразовательных категорий (Э. П. Кадькалова, Ю. Г. Кадькалов, В. А. Косова, Т. Н. Александрова, Т. В. Веселкова (Кузнецова)).

Синхронно-диахронный анализ словообразовательных процессов и подсистем, методика которого разработана участниками семинара, представляет актуальное направление современной лингвистики, так как способствует преодолению разрыва между синхронным и диахроническим словообразованием, между общей теорией языка и описанием отдельных фактов словообразования, позволяет лучше представить динамику развития словообразовательной системы. Для участников семинара стало очевидным, что исследование словообразовательных подсистем стремится к переходу от констатирующего способа описания к объяснительному, от простой фиксации фактов к выявлению закономерностей и причин возникновения и развития словообразовательных явлений и процессов, а в конечном счете – к построению исторического словообразования.

В ходе работы были выявлены основные тенденции языковой эволюции словообразовательной системы, наиболее отчетливо обозначенные в публикациях О. Ю. Крючковой: 1) аффиксальное усложнение как путь пополнения словообразовательного инвентаря; 2) жанрово-стилистическая дифференциация словообразовательных средств; 3) развитие оценочности и качественности в словообразовательной семантике; 4) образование и устранение словообразовательной синонимии и дублетности.

Правомерен динамический подход и к синхронному изучению лингвистических объектов. Для динамического синхронного словообразования особенно важен факт действия моделей в анализируемый период, факт несоответствия старой формы новому содержанию, разграничения продуктивных, непродуктивных и малопродуктивных, регулярных и нерегулярных словообразовательных типов и моделей. Динамический анализ активных процессов современного словопроизводства, исследование динамических тенденций в области современной неологии находится в центре внимания дериватологов, что отчетливо продемонстрировала проблематика докладов последнего семинара. Исследование процесса неологизации отдельных семантико-

словообразовательных подсистем языка в более широкой исторической перспективе и в наиболее напряженные и динамичные периоды языковой истории способствует выявлению общих закономерностей активного пополнения словаря новообразованиями. Динамическое изучение процесса неологизации отчетливо обозначилось как перспективное направление деятельности семинара (Л. В. Рацибурская, С. В. Ильясова, Е. А. Жданова, О. И. Дмитриева).

Одно из направлений динамического исследования современных лексических и словообразовательных процессов в трудах семинара связано с анализом языковых фактов в сфере советизмов, что нашло отражение в работах А. П. Романенко, З. С. Санджи-Гаряевой и их учеников. Особый интерес представляет осмысление результатов исследования динамики языковых явлений и процессов в соотношении их с данными традиционной лексикографии, например, соотношение данных толковых словарей с данными словарей ассоциативных, позволяющих интерпретировать языковую картину мира (работы В. Е. Гольдина, А. П. Слобновой, О. Ю. Крючковой, Н. В. Крючковой). Изучение словообразовательной динамики способствует выявлению динамики языковой картины мира. Сложная система единиц и способов словообразования не складывается однажды и навсегда, она находится в состоянии постоянного развития, взаимодействия ее элементов, поэтому динамический анализ производного слова,

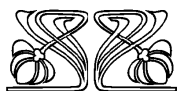
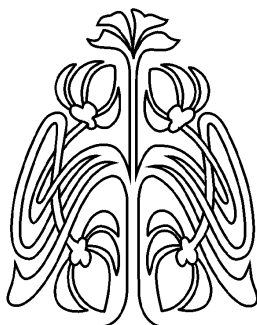
структурных компонентов производного слова должен способствовать выявлению закономерностей эволюции тех или иных базовых концептов. Особенности словообразовательной деривации, определяющие эвристическую ценность данных словообразования для исследований когнитивной направленности, постоянно находятся в сфере внимания многих участников семинара (Л. В. Балашовой, О. Ю. Крючковой, Т. Н. Александровой, Н. В. Крючковой, О. И. Дмитриевой, О. И. Янковского).

Актуальным в трудах семинара остается вопрос о соотношении системно-языкового и индивидуально-авторского в процессе словотворчества (С. А. Семеновская (Хромова), В. Н. Калиновская) и соотношении системно-языкового и функционального, определяющегося спецификой использования словообразовательных и лексических средств в тексте (Н. М. Орлова, З. С. Санджи-Гаряева).

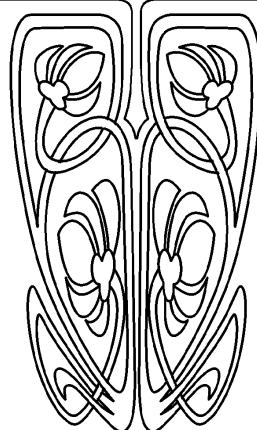
Представляется, что обозначившиеся в ходе работы семинара проблемы изучения словообразовательной и лексической динамики языка остаются актуальными. Несомненно, в дальнейшей его деятельности должны появиться и новые интересные аспекты исследования.

По материалам семинара подготовлены к печати сборник научных статей и коллективная монография.

О. И. Дмитриева

ПОДПИСКА

Подписка на 2020 год

Индекс издания в объединенном каталоге «Пресса России» 36011,
раздел 30 «Научно-технические издания. Известия РАН. Известия вузов».
Журнал выходит 4 раза в год

Цена свободная

Оформить подписку онлайн можно
в Интернет-каталоге «Пресса по подписке» (www.akc.ru)

Адрес Издательства

Саратовского университета (редакции):

410012, Саратов, Астраханская, 83

Тел.: +7(845-2) 51-45-49, 52-26-89

Факс: +7(845-2) 27-85-29

E-mail: izvestiya@info.sgu.ru

Адрес редколлегии серии:

410012, Саратов, Астраханская, 83

СГУ имени Н. Г. Чернышевского

Институт филологии и журналистики

Тел./факс: +7(845-2) 21-06-48

E-mail: [iiyu@mail.ru](mailto:iyu@mail.ru)

Website: <http://bonjour.sgu.ru/>